

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

воспоминания качканарцев — участников Афганской войны

ББК 63.3(2) 622.78

ISBN 5-98949-009-7

Афганистан живет в моей душе / Сост. Титовец М.И. – Екатеринбург: ООО «Издательство «Раритет», 2006 г. – 144 с., илл.

Афганская война (1979-1989) стала фактом биографии более 150 жителей небольшого уральского города Качканара. Некоторые из них поделились воспоминаниями об этом знаковом событии XX века. Вошедшие в книгу солдатские мемуары – правдивые и бесхитростные рассказы о боевых товарищах и разных сторонах военных будней. Их свидетельства отлично дополняют фотографии, которые являются равнозначной тексту информационной составляющей книги.

Книга воспоминаний качканарских ветеранов – ценный исторический источник. Ее издание – дань памяти, уважения и благодарности качканарским участникам Афганской войны за честно выполненный воинский долг.

Большую работу по сбору воспоминаний провели ученики школы имени К.Н. Новикова.

© Комитет по делам молодежи, культуре и спорту Качканарского городского округа, 2006

© Архивный отдел Администрации Качканарского городского округа, 2006

© ООО «Издательство «Раритет», оригинал-макет, 2006

© ООО «Издательский Дом «АКВА-ПРЕСС», 2006

та книга о войне. Она посвящена одной из многих войн, которые вело наше Отечество вообще и в XX-м веке в частности. С той лишь разницей, что Афганская война случилась на стыке эпох нашей российской истории. Сменилась идеологическая парадигма, пересматривались, а лучше сказать, с порога отвергались ценности советского строя. По отношению к Афганской войне, слабому звену советской внешней политики, в общественное сознание активно внедрялось негативное к ней отношение, как к войне несправедливой. Подобное отношение переносилось и на ее участников – солдат, офицеров, генералов, которые стали заложниками идеологических и политических разборок. Очень некрасивая была ситуация: советское государство отправило их воевать, а новое российское государство всячески демонстрировало свою непричастность к этому. Не лучшие времена пришлось пережить тогда еще совсем молодым ветеранам.

Однако по мере накопления усталости от затянувшегося национального унижения, все громче стали раздаваться голоса, что Афганская война – это вовсе не позор нашей страны, сравнимый с американским позором во Вьетнаме. Это последняя война великого государства, которое могло позволить себе внешнюю политику без оглядки на США и твердо отстаивать свои национальные интересы.

В демократическом обществе имеют право на существование различные точки зрения. Однако следует иметь в виду, что политика и идеология – величины переменные, поэтому оценочные суждения на них основанные – недолговечные. Что-то не видно желающих порассуждать с точки зрения «справедливости–несправедливости», например, о суворовских войнах. Какие такие цели реализовал великий полководец во время своих походов в Италию и Швейцарию? 99 из 100 не вспомнит мотивов и политических расчетов того времени, зато каждый признает мужество и героизм русских солдат, совершивших переход через Альпы.

С этих же позиций нужно подходить и к Афганской войне. Во-первых, это факт нашей истории, и уже поэтому он должен быть запечатлен. Причем сейчас, пока живы участники тех событий, а не через шесть-десять лет. Вот бы сейчас обнаружился дневник какого-нибудь суворовского чудо-богатыря, или письма с Кавказкой войны XIX века или... Любое свидетельство участника каких-либо событий, обязательно и военных, бесценно.

А во-вторых... Война – это не только кровь, грязь, ужас. В ее огне проявляются высочайшие образцы человеческой сущности: доблесть, отвага, взаимопомощь, взаимовыручка, самопожертвование. В ней есть элемент святости, ибо «несть большей любви, чем положить жизнь за други своя». В России, которая большую часть своей истории воевала, чем мирно существовала, люди в военной форме пользовались особым почитанием. А качества эти были нормой, массово присущей русским людям на генетическом уровне. Сейчас это уходит, практически ушло из нашего менталитета – постарались идеологи «нового политического мышления». Сейчас эти качества – штучный товар. Поэтому мы должны быть особенно признательны воинам за мужество, которое не всем дано, в том числе, проявленное в Афганской войне. Ведь они там рисковали самым дорогим, что у них было – жизнью. Поэтому они – герои, достойные уважения и почитания.

Афганистан живет в душе более чем 150-ти качканарцев. Эта книга – знак признательности и уважения к ним, прошедшим через огонь этой необъявленной войны. В ней мы постарались привести свидетельства самих качканарских ветеранов-«афганцев» – то, что они посчитали нужным и возможным сказать о событиях, участниками которых им довелось быть. Им была предложена анкета, на которую они ответили, как смогли: кто-то достаточно подробно, кто-то кратенько, кто-то и вообще никак. Но в любом случае эти воспоминания, написанные без литературных изысков, правдивый исторический источник. Мы их практически не редактировали и не подгоняли ни под какую концепцию. Поэтому каждый читатель при желании может найти факты под свое видение проблемы. Хотя... большинство ветеранов хорошо, тепло вспоминают «афганское» время службы.

Для нашей книги мы избрали хронологический принцип: воспоминания расположены по годам пребывания в Афганистане – с 1979 по 1988 гг. (в 1989 году наших ребят туда не посылали). 10 лет – 10 глав военной эпопеи, участниками которых были наши земляки. В настоящее время подавляющее их большинство – достойные люди, трудятся на предприятиях города, занимаются общественной работой, в том числе по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Кому же, как не им, заполнить вакуум, образовавшийся в связи с уходом из жизни ветеранов Великой Отечественной войны. Объективности ради стоит заметить, что некоторые надломлены судьбой – такая беда имеет место после любой войны, да и без войны. Зримые образы событий создают фотографии из «дембельских» альбомов.

Давайте и мы вслед за нашими героями мысленно переместимся в ту опасную, но по-своему романтическую эпоху.

М.Титовец, начальник архивного отдела

1979

Кучерявый А.
Петухов М.
Степанов А.
Ташлыков Н.
Хмелев А.

За мной закрыло детство дверь,
Во след лишь бросив: «Ты проверь,
На что ты годен в жизни той,
Которая зовет нас в бой».
Одно лишь точно знаю я:
Куда б судьба не занесла,
Я буду помнить о тебе,
Земля Родная.

Армейской службы тяжкий труд,
За днями месяцы бегут,
Соленый пот и ветер в грудь,
Разрывов грохот.
Но после ратного труда
Сквозь строчки краткого письма,
Через границы рвуся к тебе,
Земля Родная.

Друзей моих последний крик,
И пред глазами стерти лик,
Холодный шепот у виска:
«Стирись, ведь жизнь твоя прошла».
Но как судьба ни тяжела,
От смерти ты спасла меня,
Любовь твоя спасла меня,
Земля Родная.

В Союз летит наш самолет.
Ташкент нестремит от цветов.
Мы честно выполнили долг
А как иначе.
Блестят медали, ордена,
Кому - на память седина...
С любовью встречаешь ты меня,
Земля Родная.

Д. Пoryвaев

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Кучерявый А.А.:

«Без сожаления оглядываюсь на пройденный путь»

Александр Антонович Кучерявый родился 27 декабря 1930 года в селе Пироговцы Хмельницкой области (Украина). До войны закончил четыре класса сельской школы. В годы Великой Отечественной войны пережил оккупацию. До призыва в 1951 году на военную службу работал в колхозе.

После действительной военной службы продолжил служить сверхсрочно в должности старшины в частях Среднеазиатского военного округа. В 1972 году ему присвоено звание прапорщика. Получил специальность и выполнял обязанности шеф-повара полка.

В декабре 1979 – феврале 1981 гг. – служба в составе ограниченного континента Советских войск в Афганистане. В 1981 году уволен в запас. Прапорщик А.А. Кучерявый награжден медалями «За отвагу», «За безупречную службу» III, II и I степени и др. Он – старейший «афганец» города Качканара.

То, что с увольнением придется повременить, мне объявил лично командир полка, подполковник Кудлай. Причина – очень важные учения с боевым выходом. А уже потом – на заслуженный отдых.

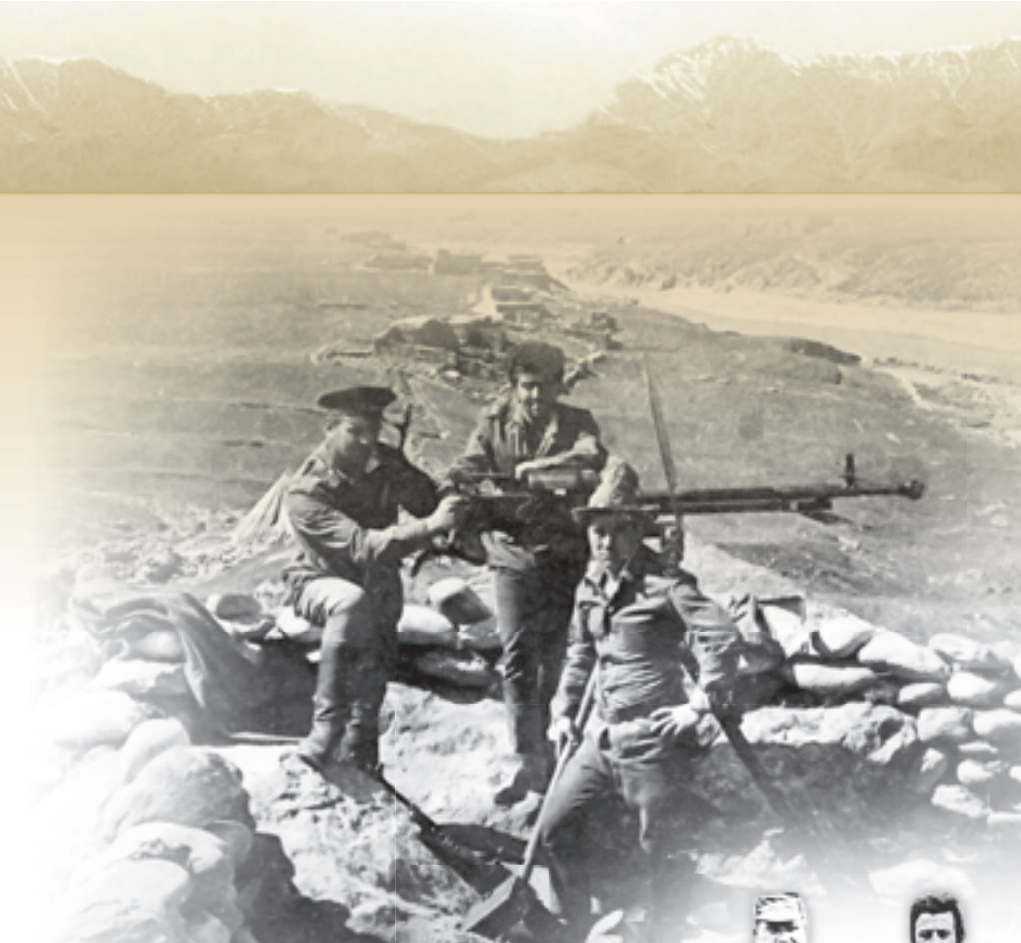
В декабре 1979 года наш 860-й отдельный Псковский Краснознаменный мотострелковый полк, поднятый по тревоге, покинул город Ош и через Памир двинулся в Таджикистан до города Искандера. Дальше – граница, перейдя которую полк оказался на территории Афганистана с целью оказания афганскому народу «интернациональной помощи», реально – на войне. А на войне как на войне. Что это именно война, причем ожесточенная, поняли с первых же километров чужой земли. Обстрелы и стычки с душманами сопровождали движение полка до города Файзабада.

Этот афганский город стал местом его новой дислокации. Близ Файзабада вырос военный палаточный город со штабом, госпиталем, кухней, палатками для отдыха личного состава. Меры безопасности при этом принимались максимальные. Те же палатки перед тем, как установить, заглублялись в землю примерно на метр, да еще снаружи на метр высотой обкладывались камнями. Отсюда

подразделения полка уходили на сложные боевые операции. Они всегда были сложными. Во-первых, из-за природно-климатических условий, непривычных для советских солдат, даже если они перед этим служили в Средней Азии, зато классических для моджахедов. Это крутые, выжженные солнцем горы, глубокие пещеры и ущелья, которые для душманов – родной дом, а для наших – одна сплошная опасность. Против нас же резкие перепады дневных и ночных температур, постоянные песчаные бури, нехватка воды, но самое главное – это, конечно же, сами душманы всех видов и мастей, среди которых особую жестокость проявляли наемники. Все эти и другие тяготы и лишения афганской войны преодолевались невероятным напряжением сил советских солдат.

Быстро наладилась тактика боевых действий: работает разведка, затем бомбовый или артиллерийский удар, довершала дело мотопехота. Уже в 1980 году 860-й полк был награжден вымпелом министра обороны «за мужество и военную доб-

иногда очень ожесточенных, как, например, штурм ключевой высоты «Зуб» в трудных горных условиях. Высоту хоть с трудом и не без потерь, но взяли. На этом неприятности не закончились: на головы наших солдат посыпались мины. Еще несколько человек было ранено и контужено, в том числе и я. Солдаты вынесли меня из-под обстрела на плащ-палатке. Потом – госпиталь, излечение, снова выполнение служебных обязанностей.

Между тем, наступил февраль 1981 года. Это был последний месяц более чем тридцатилетней службы в рядах Вооруженных Сил: пришел приказ об увольне-

лесть, проявленные при выполнении правительственного задания».

В Афганистане я занимал две должности: старшины 5-й роты и шеф-повара полка. Как шеф-повар готовил пищу для всего личного состава, свято соблюдая военную заповедь: «Война войной, а обед – по распоряжку». Поэтому, где бы ни проводилась боевая операция, какой бы интенсивности и степени она ни была, пища нашим бойцам доставлялась всегда, обычно на вертолете. Если не было возможности приземлиться, сбрасывали прямо с высоты сухие продукты (хлеб, сахар, масло) в мешках, жидкие (суп, каша, чай) – в термосах.

Как старшине роты приходилось заботиться, чтобы даже вдали от Родины солдаты получали все полагающиеся им нормы довольствия, имели сносный для походно-боевых условий быт, одним словом, чувствовали о себе заботу. Надо ли говорить, что всегда хлопотные старшинские обязанности здесь, на чужбине, многократно усложнялись. Находясь рядом с солдатами, которым по возрасту годился в отцы, чисто по-человечески старался давать им советы, подбодрить, пожуричь, что-то подсказать, от чего-то предостеречь. Вместе с ними участвовал в боевых операциях,

нии. Кто служил, тот знает, сколь волнительна и трогательна церемония прощания с полком и со знаменем части. Особенно, если со всем этим тебя связывали десятки лет. Обязательные в таких случаях слова благодарности командования. По-своему выразили свои чувства солдаты роты: они сгребли меня в охапку и стали высоко подбрасывать. Вертолет, на котором переправляли в Советский Союз, был последней точкой в моей военной биографии.

Более десяти лет живу в Качканаре. Память об Афганистане – медали «За отвагу» и «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», а также ранение, контузия, сильное обморожение ног, малярия. И все же считаю, что жизнь удалась. Я без сожаления оглядываюсь на пройденный путь.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Петухов Михаил:

«Много раз можно было погибнуть»

Михаил Владимирович Петухов родился 21 ноября 1960 года в поселке Комсомольский Чамзинского района республики Мордовии. В 1975 году закончил 8 классов в школе № 4, В ГПТУ № 92 получил профессию машиниста автомобильного крана. С ноября 1979 по 29 апреля 1981 гг. служба в рядах Вооруженных сил. После армии закончил строительный техникум. Работал на Качканарской ТЭЦ, в учебно-производственном комбинате. В настоящее время – педагог-организатор курса ОБЖ в школе № 2.

В Вооруженные Силы я был призван в ноябре 1979 года. Попал в воздушно-десантные войска, в автороту знаменитой Витебской дивизии. Прошел курс молодого бойца, готовились к присяге, которую неожиданно перенесли с 15 на 9 декабря. А уже ночью с 9 на 10 была объявлена тревога. Нас перебросили на смоленский военный аэродром, где мы находились три дня, затем перелет в Брянскую область. Каждую ночь по боевой тревоге бежали к самолетам: заводились двигатели, потом глушились, рота строилась и обратно в казармы.

Наконец погрузка в самолеты Ан-22. Перед посадкой старшина выдал патроны и сказал, что летим на войну. Ему не поверили, даже засмеялись. Однако старшина оборвал смех вопросом: «Кино про басмачей смотрели? Возможно, тоже будет здесь!». Высадились – самолеты тут же улетели. Нам объяснили, что Афганистан попросил помощи у Советского Союза, что мы эта помощь.

Были окопы, ставили палатки для жилья. О кроватях и матрасах даже и речи не было. Вместо подушки автомат. Пища – сухари (хлеб плесневел), сухофрукты, масло, позже появилась сгущенка. На запястья привязали трубочки от капельниц, в них записка с фамилией и домашним адресом.

Через шесть часов после приземления стало известно, что на наш полк движется полк наемни-

ков. Я вел бензовоз, и первая пуля, которую я услышал, попала в левое переднее колесо. Противник стрелял трассирующими пулями, от которых вокруг становилось светло, а мы, как замороженные, смотрели. Старшина кричал: «Ложись!» В первый же день мы не досчитались одного парня...

На следующий день полк двинулся к границе с Пакистаном. Колонна выглядела так: пять транспортных машин, одна БМП, снова пять транспортных машин, снова БМП и т.д. Дорога-серпантин, друг от друга не отставать и не отставать: сверху с гор мы как на ладони. Скорость движения – 60 километров в час. Попали под обстрел, который продолжался минут 15. Недалеко от моего бензовоза взорвалась граната...

В первый месяц катастрофически не хватало воды. Норма – тонна на 700 человек, но этого было мало. Лопалась кожа, кровили уши, шелушился нос. Вода в колодцах была заразная, от нее солдаты заболевали желтухой и забытой в Союзе холерой.

Погибнуть можно было не один раз. Однажды наша колонна отправилась за боеприпасами, продуктами и топливом. Я остался в части. Через некоторое время колонну приволокли обратно. В кабине бензовоза находилось безжизненное тело водителя.

Письма домой писал под диктовку: «Погода прекрасная, кормят хорошо, служу нормально». В верхнем углу я ставил по одной букве слова «Афганистан». Мы не знали, как там родители, сестры, любимые. Но все закончилось благополучно, и через два года я вернулся домой.

Ташлыков Николай:

«Спали прямо на земле»

Николай Владимирович Ташлыков родился 5 декабря 1960 года в Пермской области, в поселке Теплая Гора. Закончил среднюю школу и поступил в ГПТУ № 45 на водителя автокрана. По окончании училища переехал жить в город Качканар. С 1979 по 1981 гг. служил в Советской армии. После увольнения в запас работал в тресте «Качканаррудстрой».

В Качканаре от военкомата мы с ребятами-призывниками ездили в город Нижний Тагил на парашютные прыжки для подготовки к службе в воздушно-десантных войсках. До службы в армии я даже и не представлял, где находится такой Афганистан.

В 1979 году, в апреле месяце, меня призвали на службу в ряды Советской армии. Как и мечтал, попал служить в ВДВ. Сначала в учебное подразделе-

ние в город Принай Литовской ССР, а по его окончании перевели в Белоруссию.

10 декабря 1979 года в десять часов вечера нашу Витебскую десантную дивизию подняли по тревоге и посадили в самолеты. Приземлились мы только в городе Чимкенте. Зачем и куда нас забросят ни мы, ни наши командиры пока даже еще не подозревали. Вот так трое или четверо суток мы в парашютах, в полной боеготовности сидели, спали и ели в самолетах. Ночью моторы заработали, и сели мы только утром, когда захватили аэродром. И наконец-то мы поняли, где находимся. Это был Афган. Наша дивизия захватывала Афганское министерство обороны. Нам объясняли, что мы здесь для того, чтобы помочь молодой Афганской революции.

Первые недели питались мы только сухпайками, спали прямо на земле, закрываясь брезентом от машин по шесть-десять человек. Наверное, поэтому у всех появились бельевые вши, с которыми очень сложно было бороться.

Командиром полка у нас был подполковник Шпак, впоследствии командующий ВДВ. Пришлось побывать в семи рейдах по прочесыванию душманов в Газни, Джелалабаде, Герате.

В одном из рейдов встретил своего земляка с Качканара, с которым был в учебном подразделении. Это Юра Нуриев. Договорились встретиться с ним в Свердловске, но в этом совместном рейде с их полком он погиб.

Хмелев Александр: «Наводил пусковые установки»

Хмелев Александр Александрович родился 3 мая 1960 г. в поселке Покап Нижнетуринского района Свердловской области. Впоследствии семья переехала в Качканар, где Александр закончил 8 классов в школе № 1 и получил специальность автокрановщика в ГПТУ № 92. Работал в Свердловске, оттуда 6 июля 1979 года был призван в Вооруженные силы.

После увольнения в запас работал в отделе рабочего снабжения Качканарского ГОКа. В настоящее время – в ООО «Ванадий-сервис».

Привезли нас в Кушку, там распределили. Нашу группу отправили в Тахта-Базар (переводится «гнилое место»). Учебки у нас не было, сразу попали в часть, так что учили на месте. Часть была ракетная. Я думал, что как механизатор за рычаги сяду, а меня наводчиком определили. Наводил пусковые установки тактических ракет класса «земля-земля». Ракеты были на гусеничном ходу, на базе танка ПТ-76. У нас был расчет, пульт управления – целая система.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Так случилось, что я заболел желтухой. Попал в госпиталь, а когда вылез, отправили меня домой в отпуск. Я домой съездил, а когда вернулся, часть уже перебросили в Афганистан. Старшина собрал нас, кто в отпусках был, и мы с другими уже войсками догоняли свою часть. Старослужащие говорили, что тревога еще по весне была, ну и разговоры были: «Может быть... может быть закинут..», но как-то не верилось.

Ввод колонны прошел нормально. Там уже блокпосты стояли. Шли в темное время суток, часов двенадцать, тихо проехали. Машины все старые. Завести можно было только «с толкача» – для этого «Урал» сзади был. Вместе с нами вошли «партизаны» (призванные из запаса).

Первое ощущение, что вот Афганистан, другая страна. Все интересно. У нас в 1979 году на Урале такая холодища была, а тут тепло. Мы же, дикие люди, ничего не видали, а тут все есть – от ногтерезок и зажигалок до машин-иномарок. Солдаты их на нас не похожи, смотришь на них и думаешь, работники какие, что ли? Вот иногда кино смотришь, увлекаешься так, как будто сам там живешь. Вот и там тогда было как в кино. Наркоты – море. Поэтому нам запрещалась купля-продажа. Я этим делом не баловался. Хотя попробовал. Не пошло.

Что война и убить могут, об этом не думал. Молодые пацаны, отношение к жизни было – тьфу! Это сейчас, когда прожил 46 лет, с высоты смотрю, а тогда... Просто интересно было. Опять же – интернациональный долг! В Афганистане произошла революция, а мы пришли помогать ее защищать по договору, который еще Ленин заключил.

Мы стояли возле Шинданда, километрах в пяти от него. С одной стороны горы были, там идет бетонная дорога, во времена Хрущева, наверное, ее построили. Рядом с ней кедр посажены. С другой стороны долина – сплошная степь. Жили в палатках. Посты находились впереди и сзади. Рядом стояли другие части. Установки были пок-

рыты тентами. Часть нашу развернули, она стала больше. Сначала нагнали «партизан», они вошли с нами вместе, потом их убрали, а взамен их доставили кадровых. У нас были черные погоны. К нам приезжали ракетчики с голубыми погонами, как у десантников. Они привозили боеголовки: привезут, подсоединят. Радиус поражения этих ракет был 50 километров. Но стрелять нам не приходилось. Почему – не знаю. Может, в горных условиях это было не эффективно? Как бы ни было, часть вошла на территорию Афганистана в составе армии, там и стояла.

Мы были одного призыва, жили нормально. Ходили в караул, были занятия по боевой подготовке, тревоги. Рядом стоял разведбат. Навещали свердловчан из полка мотопехоты. Они в рейды ходили и рассказывали, кого там убило, кого ранило. На нас нападений не было. Может потому, что сначала боевых действий мало велось. Вот если бы мы там тормознулись, тогда все могло быть. Но перед Московской олимпиадой 1980 года нас вывезли в Союз, в Елатань (это Туркмения, рядом с Кушкой). Думали, пойдем снова или нет? Была готовность, но нас не «дернули». Стали строить казармы.

В июне 1981 года уволился в запас. Зрение село, крановщиком не смог работать, устроился в отдел снабжения и всю жизнь проработал грузчиком.

1980

Лапшин С.
Немыкин С.
Ожиганов И.
Пичугин М.
Рохманюк С.
Субботин А.
Сухих С.
Шевченко А.

Николай Шмелев
На службу

Пожелания все позади.
Эх, еще посидеть бы часок!
Но часы бьют набатом в грудь:
Наш на службу уходит сынок.
Самый ватник ему маловат,
На крибном снегу вешешок.
Он, безусый, еще не солдат,
Но команде послушен сынок.
У сестренки блеснула слеза,
У тенья горло сожалося в комок,
Мать ладошкой прикрыла глаза,
Сел в казенный автобус сынок.
Будем с матерью Бога молить,
Чтоб услышал Всевышний, помог
С честью в армии срок отслужить,
Чтоб на радость вернулся сынок.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Немыкин Сергей:

«В БТРе жил полтора года»

Немыкин Сергей Владимирович родился в 1960 году в поселке Мундыбаш Таштагольского района Горной Шории. Закончил среднюю школу в Узбекистане. В мае 1979 года призван в ряды Вооруженных сил. После увольнения в запас работал в городах Волгодонске и Ташкенте. С 1987 года – в Качканаре. В настоящее время слесарь по ремонту кранов УГЖДТ Качканарского ГОКа.

В Афганистан входили через Термез, меняли «партизан» (призванных из запаса). В Термезе поселили в боксы, вооружили сразу, автоматы выдали, боеприпасы, гранаты. С оружием только обращаться не умели: стреляли всего один раз перед присягой, гранату вообще первый раз видели. Чего там только не было, пока нас формировали. Один солдат застрелил другого, еще один подорвался. Сформировали полк – военная часть №51863. Построили в колонну бронетранспортеры и поехали на Саланг, куда только полколонны доехало. Водители малоопытные – по полгода отслужили, техника была снята с консервации (лет 10-15), стояла, да еще такие водители. Поэтому половина батальона стала.

Впечатление о стране – ощущение дикости какой-то, отсутствие цивилизации. По их календарю был XIV век, вот в XIV веке они там и жили. Естественно, возникала мысль: «А мы-то здесь зачем?», – но время было такое: «Партия сказала «надо», мы ответили «есть».

Как выглядел Саланг? Все в снегу и дыра в горе. Стояли на самой макушке – вход в тоннель охраняли. А второй батальон с другой стороны охранял. Так полгода и стояли, до лета. Там рядом при въезде электростанция была построена и несколько домиков – мы и заселились. Ни колючей проволоки, ничего такого не было – снега под два метра наваливало. Когда мы уходили в начале лета еще снег лежал. Служба заключалась в карауле, было там несколько точек. Отправляли на сутки-двое. Кто провинится, мог и на неделю залететь:

губы-то не было. Было более – менее спокойно. Но 23 февраля 1980 года случилась трагедия. Колонна застряла в тоннеле – 16 человек задохнулось. Длина тоннеля 3300 метров, движение двустороннее. Видно, вентиляция была отключена, задыхаться начали. Первые машины встали – их не объехать, пока до последних дошло, полтоннеля закупорили. А все дизели. Колонну потом вытаскивали, растаскивали.

Нападений на самом перевале, наверху, не было. Зима, морозы. А на спуске и перевале ниже, там теплее – там постоянно, чуть не каждый день нападения были.

После Саланга служил возле Баграма: Джабель-Уссарадж, там нашу часть поставили. Оттуда мы уже в рейды начали ходить. Палатки поставили, склады – сами все строили. А от Баграма – это 36-38 км. Здесь мы начало перевала со стороны Кабула охраняли, несколько точек у нас

было, и два батальона в рейды ходили в этой местности. Мы в Баграм два раза ходили, в Панджшер, ну и так еще. Интересно было, когда на Бамиан ходили, где статуи Будды были, которые потом талибы разрушили. Мы гуляли под ними, они высоченные. Нас – батальон, танковая рота и афганский батальон был с нами. Там в Бамиане аэродром был, его охраняли

месяца три. Вечером охраняешь, днем на базар идешь. С местным населением свободно общались, проблем никаких. Днем они «вась-вась», якши по-ихнему, а ночью, может, они и нападали. Прочесывали округу. Вперед гранату и пошли по деревне. Об этих вещах не люблю рассказывать. Сначала мы идем, за нами царандой. Как в бой идти – их и рядом видно не было.

В ходе боевых действий полк нес потери. Были погибшие и в нашем взводе. Причем гибли му-

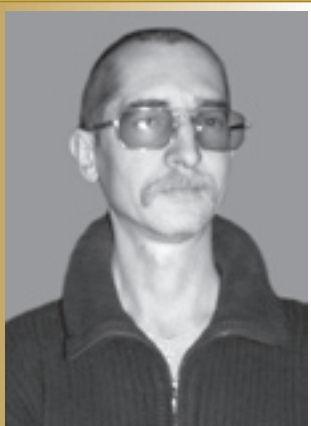

жики с опытом. Но никто не роптал. А если кто косил – от тех избавлялись. Даже прапорщика одного убрали. Дедовщины у нас не было, мы были все одного призыва. Над нами дедов не было, и мы этого не допускали. Когда молодые приходили, старались им подсказывать.

Бытовые условия? Так и жил в БТРе полтора года. Когда в полк приходили с рейда – сначала нас не пускали. Колонна зашла, огородили, через баню всех пропустили, новую одежду выдали, а старую вытряхнули и спалили. Два месяца в рейде – не помыться.

Незадолго до дембеля ходили в Панджшерское ущелье. Зашли, постреляли нас там хорошо. И вышли. А через неделю я демобилизовался.

Из всего пережитого вынес убеждение, что не нужны никакие конфликты. 18-летние пацаны не должны воевать, тем более погибать.

Рокманюк Сергей:

«Этот кусок жизни прожит не зря»

Родился 14 октября 1960 года в городе Радомышль Житомирской области на Украине. Образование среднее, обучался в школе № 3 города Качканара. До армии работал на ТЭЦ электрослесарем КИПиА. В 1979–1981 годах служил в Советской Армии. После увольнения в запас работал на Качканарском радиозаводе. В настоящее время на пенсии по инвалидности.

В Советскую армию был призван 6 июля 1979 года. Службу проходил в городе Чебаркуль, в учебном батальоне связи, начальником радиостанций Р-118, Р-140. Подготовки к службе в Афганистане не было. О том, что придется служить в Афганистане, сообщил нам замполит. Отнеся к этому известию с интересом.

Переброска в Афганистан осуществлялась с 423-й военной части города Свердловска, эшеломом до Термеза, оттуда самолетом до Кабула.

Первое впечатление: белые вершины, яркое солнце, внизу жара; чувство удовлетворения, бодрое настроение. Полевая почта 52011-И. Задача: обеспечение штаба армии и колонн, сопровождение в боевых операциях связью. Наша часть находилась в предместье Кабула. В течение всей службы участвовал в боевых действиях в направлении Кундуза, Шинданда, в пригороде города Кабула. Наши использовали классическую тактику, как на учениях. У моджахедов тактика была схожа с нашей. Но у нас было превосходство в оружии. Нашими войсками было удачно проведено множество операций с минимальными потерями.

Близкие друзья: Игорь Ворсин, Николай Ральян («Чаушеску»), Сергей Малков, Сергей Котов, Михаил Михайлов. Командир 4-ой роты – Багрецов. Однажды я общался с генерал-майором Ивановым. Бытовые условия – это палатка, кунг-машина. Кормили сухим пайком, редко полевая кухня. На досуге мы читали газеты, листовки, реже смотрели кино. Общение с местным населением было ограничено.

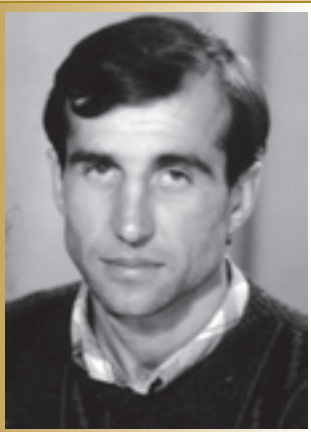
Историй и различных случаев было много, но запомнилась одна. Захотелось яблок. Пошли в сад к дворцу Амина. Попались на свои сигнальные мины (растяжки). При обнаружении были обстреляны своими же земляками. И только благодаря русскому «мату» остались живы и испробовали яблок.

Служба окончилась с чувством облегчения. Переброска в Советский Союз началась самолетом из Кабула в город Ашхабад, а потом эшеломом в Свердловск. Среди наград: три отпуска на Родину, две почетные грамоты ЦК, две грамоты командования, грамота Президиума Верховного Совета за хорошую службу.

Афганистан помог мне понять смысл жизни, помог провести границу между плохим и хорошим. Наша страна имела возможность заявить о себе, как о Великой Сверхдержаве, но не сумела использовать эту возможность при смене руководства. Этот кусок жизни прожит не зря и всегда будет напоминать о себе.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Шевченко Александр: «За баранкой — всю службу»

Александр Григорьевич Шевченко родился 20 июня 1960 года в Федоровском районе Кустанайской области Казахстана. Закончил 8 классов средней школы и строительное училище, где получил специальность водителя.

После службы в армии вернулся в Казахстан. В 1991 году переехал на Урал. В настоящее время работает водителем в фирме «Урал-экспресс».

Я служил водителем сначала в Забайкалье, в Читинской области, потом нашу бригаду перебросили на Дальний Восток.

В апреле 1980 года стали грузиться: видимо, поступил приказ. Грузили автомобили прямо на платформы, закрепили, и — в Узбекистан. Ехали 15 дней. Пока ехали, мало что знали, но когда к Узбекистану стали подъезжать, люди стали поговаривать, что в Афганистане война, и нас — туда. А уж как приехали, и так стало понятно. Не арбузы же есть привезли.

А привезли на станцию Учкызыл, близ Термеза. Загнали в тупик, технику сгрузили. Буквально на следующий день стала новая техника приходить — новые ЗИЛы, прямо с завода. Неделью-полторы там стояли, сформировали колонну.

Подшли к границе, порт Хайратон — там погранцы стоят. Подъехали с вечера, чтобы ночью перейти границу. Сначала досмотр. Там зона специальная — машины загоняются, и погранцы пошли свою работу делать. Всё, нас проверили, и мы поехали. Первый раз, когда ехали, загрузились стройматериалами. Везли щиты для сборных домиков, палатки, цемент. Апрель, но уже жарко было. У нас-то в Союзе пока ехали, прохладно было. Сначала была степь, степь... В горы стали заезжать — стало жутковато: у нас таких нет. Конечный пункт — долина Пули-Хумри. Там уже войска были. Доехали удачно, без приключений. Выгрузили, перегрузились и машин 20, в том числе и моя, ушли на Кундуз. Так же со строительными грузами. В Кундузе тоже наши ребята были. Вернулись в Пули-Хумри, ночь переночевали и опять в Союз поехали. И так за баранкой всю службу и провел. объездил практически все северные и центральные провинции. На юг далеко не ездили. Больше нравился Кабул: там цивилизованней, девки ходят в джинсах, не в парандже.

Попадали под обстрелы, и нередко. Особенно со стороны Пакистана. Когда везли спецгруз, снаряды — нас вертушки пасли сверху. Появятся-уйдут, появятся-уйдут, но все равно где-то висят. И так всю дорогу. И БТРы идут в голове колонны и в хвосте.

Нас ходило несколько колонн: мы ходили на 130-х ЗИЛх; наливники КамАЗы — они возили солярку, бензин. Им я вообще не завидую: живая мишень, над ними постоянно висели вертушки. Ездили обычно по ночам. Ротный — в голове, ко-

мандиры взводов со своими взводами, зампотех с МТО — замыкающий. Самый тяжелый участок — Саланг. Его тяжело проходить не только физически, но и морально. Саланг сплошной — километров восемь-девять. Некоторые задыхались, у некоторых кровь из ушей шла. Загазованность высокая, особенно если дизеля пройдут. Тогда запечатываешь окна, все закрываешь — и пошел. Уже тогда там была побитая техника.

У нас за все время разбили одну машину. Помоему, на Панджшер мы ходили. Машина с продуктами упала с моста, но водитель успел высочить. Собрали кое-что.

Опасные участки уже знали. Бывало так. Идет стадо коров. Потом стадо резко разгоняется и начинается стрельба. Врагов видишь — в тебя же стреляют. Выскакиваешь под колесо и тоже начинаешь стрелять. У самого было ранение в ногу. Из Кабула ехали. Не доезжая Пули-Хумри километров 70–80, прямо у дороги есть кишлак. Оттуда и полоснули по нам. Попало в левую ногу, прямо через дверь. Перебинтовался и поехали дальше.

Если случалась внештатная ситуация: поломка или еще что-то — цепляли на жесткий буксир и тащили. Колонна не останавливается ни на секунду, но ты знаешь, что МТО тебя обязательно подберет, хоть 2–3 машины — она все равно будет тащить. А если остановится колонна, 30 машин, ее можно сгубить: из гранатомета дадут — и пошло-поехало.

Для отдыха использовали специально оборудованные стоянки. Машины выстраивали в ряд, выставлялся караул, готовилась пища. Покушали и спать. У всех были подушки, одеяла. Что солдату надо? Кормили нас всегда хорошо. Всегда была тушенка, сгущенка. Скажешь повару: «Ваня, сварь борщ!» — сварит борщ. Что заказывали, то он и делал. Жили как одна семья, главное — вести себя в рамках.

Один раз у меня чуть штык-нож не украли. Автомат обычно лежит на сиденье, выходишь — берешь с собой. Маленький бача (пацан афганский) запрыгнул на подножку, отстегнул штык-нож и бежать. Я за автомат и за ним. Догнал, сами афганцы остановили его и отдали. Народ тот еще. Они маленько побаивались нас. Добра от них не чувствовалось. Останься один — они тебя порежут на пояса. На каждой остановке бачата подбегают: «Купи чарз!». Это легкий наркотик.

Жизнь была бурная. Везде тебя ждут. Год прошел как месяц. Перед дембелем подготовил себе замену, а сам пересел на водовозку — возил воду в часть.

Вспоминается Афган часто. Но лучше бы туда еще раз съездить в качестве туриста.

1981

Астраханцев В.
Беденко Н.
Жеребцов А.
Жеребцов А.
Кравченко В.
Маринин С.
Мухлынин В.
Плашкин Н.
Попов А.
Рыжков И.
Смирнов С.
Шестаков С.

Людмила Власовских
Письмо солдата

...Мама, здесь не стихает война.
Взрывы, выстрелы, бомбардировка.
А в России бушует весна,
Шеголяют девчонки в обновках.

Как там мой замечательный пес?
Он, наверно, тебе докучает?
А у нас дыт глаза ест до слез,
И жара, как в аду, докучает.

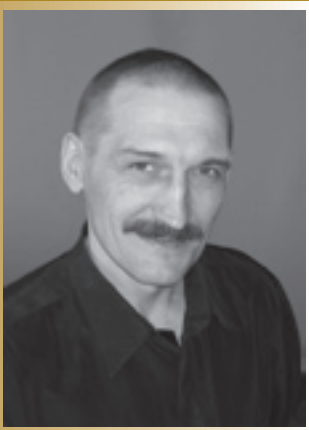
Мама, я возвращусь ко весне.
Я так сильно скучаю по дому,
Мои друзья малы будут мне.
Ты отдай их братишке меньшому.

Как хотел бы я всех вас обнять,
Я все время о встрече мечтаю.
Вот и все. Я иду воевать!
А за что? Сам я толком не знаю.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Жеребцов Анатолий:

«Эта работа была по мне»

Жеребцов Анатолий Николаевич родился 2 января 1963 года в поселке Ис Нижнету-ринского района. В 1978 году закончил 8 классов в школе № 6 и учился в СПТУ № 87 по специальности «электрослесарь». 24 октября 1981 года был призван в Вооруженные силы.

С 1989 года является председателем Качканарского городского комитета Союза Ветеранов Афганистана.

Призыву предшествовала предпрыжковая подготовка в Нижнем Тагиле и те, кто прыгали, были уверены, что попадем в воздушно-десантные войска и в Афганистан. А еще до этого собирали тех, кто состоял на учете в детской комнате милиции, хотели напугать перспективой службы в Афганистане, а мы все так обрадовались: у нас компания хорошая подобралась, все хотели увидеть душманские морды.

Служить попал в Витебскую воздушно-десантную дивизию, в учебную часть в Лосвидо. В фильме «Девятая рота» хорошо показано, как из пацанов с кривыми понтами делали настоящих мужиков. Тяжело человека заставить быть никем, просто солдатом (а солдат – это никто), а потом из «никто» стать героем. Учебка – хорошая школа. Кому было тяжело в учении, тому потом было легко в бою. У нас учебка была очень короткая, месяца полтора. Моя специальность – пулеметчик РПК. Из нас быстро сделали десантников. На построении, после присяги, было объявлено, кто достоин выполнять воинский долг в Афганистане. Это были почти все, более тысячи человек. Отказались только двое. Один потом гнил на свинарнике, другой «накосячил» и попал под трибунал. Остальные все были переправлены в Афганистан.

После гнилой белорусской погоды мы попали в солнечный Ашхабад. Там предполагали встретить Новый год, загорая под солнцем. Однако новый 1982 год встречали уже в Афганистане. В Ашхабаде нас посадили на борт – и вот Кабул, 350-й полк. Вышли из самолета и увидели дембелей, которые должны были улететь в Союз на нашем борту. Мы им позавидовали в том плане, что армия сделала из них настоящих мужчин. Они сказали нам то, что обычно говорят дембеля молодым: «Вешайтесь, пацаны!..» Но никто не собирался вешаться, мы все прилетели на веселой жизнью. Честно сказать, я ожидал худшего в сравнении с тем, что увидел. Хотя впечатлений хватило. Первая ночь в Афганистане: перепад температуры больше чем на 20°, в сравнении с дневной. Жаркий юг уже не казался малиной.

Дембеля улетели, и в полку остались мы и «чада» (слабые, безвольные солдаты), остальные были на операции. Нам устроили ознакомительный выход. Сразу же попали под обстрел. Но ког-

да через недельку вернулась с операции основная часть полка, мы похвастали им, что уже обстрелянные, туда-то ходили, то-то принесли. Но те нас осадили: это не героизм, а работа.

Часть стояла у кабульского аэродрома. Большая долина, на ровном месте палаточный городок. При мне начали класть фундамент модулей, где потом жили пацаны.

Служба заключалась в том, что ползали по горам и разгоняли душманов. В полку были очень редко, заходили только передохнуть. Задача ставилась в батальоне, потом общее построение, где задача доводилась. Затем проверка, кто как собрался и все – вперед. Операции проводились по всему Афганистану. Мы охраняли не сами дороги, а горы, которые прилегают к дорогам, это лежало на плечах нашего полка. Наш первый батальон был самый передовой, который толкали во все дыры. Командовал батальоном Салуянов, будущий Герой Советского Союза. Как командир он всегда был впереди. Себя не жалел и нас не щадил. Это нормально. Жизнь была бурная. Я успел даже съездить за броней в Союз, а туда не каждого отправляли. Несколько человек из нашего полка отправили пригнать новую технику. Доехали на двух машинах, обратно – на полученной технике.

Саланг проходили с раскрытыми ртами: поднимались из лета (в Союзе, в Средней Азии – март, хорошая погода, деревья цветут) – в зиму: на перевале метель, буран. Само движение по серпантину захватывает дух, особенно когда кто-то летит вниз.

...Рукопашная – она у многих была. Жуткий момент, когда куча духов идет. И мы в такой же ситуации были в ущелье. Только нам повезло: между нами был мост, который мы смогли удерживать нашим батальоном. Но все равно бились, и в рукопашную приходилось. Пацанов слушаешь, кто действительно служил, у них такие ситуации были. Только не все об этом вспоминают.

Служба шла, обжился, добро копилось, были мысли о поступлении в Рязанское воздушно-десантное училище. Все, кто проходил Афганистан, без проблем поступали.

Самый близкий земляк мой был с Ивделя – Вася Шимонаев. После меня прилетели Порываев, Лабухин. Я готов был их встретить, уже было чем похвастать, но мне не повезло.

25 мая 1982 года меня подстрелили во время операции. Был армейский выход на Панджшер. Задача: найти склады, и по возможности, тюрьму. Болтались по ущелью в течение месяца. Практически ежедневно подъем на гору и спуск. Постоянно на пределе, мысли, что откуда-то могут

убить. Сначала озираешься, потом привыкаешь к этой ходьбе и за жизнь не думаешь.

25 мая была моя последняя гора-шеститысячник. Поднимались ночью, поднялись к утру и попали под перекрестный огонь снайперов. Ситуация непонятная: начался бой, но тяжело было определить, откуда стреляли. Стреляли отовсюду. Сначала стали падать царандои (афганские солдаты), их несколько человек с нами поднялись. Потом пуля нашла меня. Поленился залезть за камень, понадеялся на авось, хотелось поэффективней выглядеть, чтобы потом на тебя пальцем не показывали. Получил проникающее ранение в печень. Сознания не терял, но ощущение было такое, как будто на тебя гору уронили. Сказали, что

ранен, но я не думал, что меня могут ранить.

Спустили с горы друзья-товарищи. Салуянов отправил со мной двух дембелей, и по рации передали, чтобы встретили внизу. Салуянов тоже был на горе, как мы без него? Потом были госпитали, сначала в Баграме. Раненых было много, оперировали на восьми столах. Хирурги обещали мне, что проживу три года. Потом в Кабул, затем в Ташкент. И, наконец, во Львове списали, хотя я делал все, чтобы снова попасть в Афганистан. Эта работа была по мне. Уже в Качканарском военкомате вручили медаль «За отвагу».

С удовольствием вспоминаю, что я смог это пройти. Горячие точки – хорошая школа для мужчин.

Рыжков Игорь:

«Не представляю свою жизнь без службы в Афганистане»

Рыжков Игорь Владимирович родился 24 июля 1962 года в поселке Ис Нижнетуринского района. Окончил среднюю школу № 6 г. Качканара и Исовской геологоразведочный техникум. В 1980 – 1982 годах – служба в рядах Вооруженных сил.

После увольнения в запас работал в Хатангской геофизической экспедиции в Эвенкии. В настоящее время работает машинистом электровоза в Качканарском ГОКе.

Первые полгода служил в учебке в Литве. По ее окончании получил военную специальность командир отделения артиллерийской разведки Воздушно-десантных войск. Специально для службы в Афганистане нас не готовили. Был распределен в Витебскую воздушно-десантную дивизию, которая находилась в ДРА. Отнесся к этому с радостью.

Переброска в Афганистан осуществлялась с военного аэродрома города Орша (Белоруссия) с промежуточной посадкой в Ашхабаде.

Мои первые впечатления – это жара, зной, заграница, все интересно. Только ступили на трап, как почувствовали горький запах полыни, горячий воздух ударил в лицо, хотя было шесть часов утра по Кабульскому времени. Сели по машинам, поехали по городу, по сторонам мелькала сплошная череда лавочек, магазинов, как потом узнали – «дуканов» по-афгански. Тротуары были устланы коврами: чем больше людей по ним пройдет, тем выше качество ковра. Заметили много «Москвичей» на улицах города – это кабульское такси. Хотелось побольше увидеть, запомнить, чтобы потом рассказать. Жаль, что рядом не было близкого человека, с которым все можно было бы обсудить.

Очень чувствовалось, что вокруг старина. Полк был размещен в крепости Балахисар. По легенде, существовавшей в нашем 357 полку, крепость была построена по приказу Александра Македонского.

Служил в I-м батальоне 357 парашютно-десантного полка, который находился отдельно от полка, выполняя различные боевые задачи. Находился батальон в разных местах: провинции Лагман, Бамиан. Мы сопровождали колонны, устраивали засады, делали зачистки – в общем, вели активную боевую жизнь.

Я был командиром минометного расчета. Участвовал в боевых действиях в Бамиане, Чарикаре, Джелалабаде, Лагмане, Баграме, других, название которых уже и не помню. Наша задача, как артиллеристов, состояла в огневой поддержке. У нас на вооружении было 82 и 120 мм минометы. Наши успехи были переменными, несли и потери.

Из Свердловска в батарею я был один. Очень много было ребят из Белоруссии, из Брянска и из Подмосковья. Командиром разведроты в нашем полку был Алексей Иванович Лебедь, брат Александра Ивановича, бывшего губернатора Красноярского края. С Лебедем мы принимали участие во многих операциях. С командующим ВДВ Сухокуровым встречался, общался и даже фотографировался. Во время совместных операций общался с афганцами. Были знакомые солдаты.

Жили мы в палатках, спали на нарах, сколоченных из артиллерийских ящиков. В Лагмане сами построили баню из самодельного кирпича, даже с бассейном. В Бамиане баня досталась по наследству, сделанная из фюзеляжа сбитого «духами» самолета. Условия жизни создавались нами самими. Хотелось комфорта – вот мы его и создавали. Даже на боевых пытались скрасить тяготы и лишения: слушали приемник, жарили оладьи, стряпали пельмени из тушенки. Очень популярна у нас была игра в нарды. Желающие выстраивались в очередь. Не обходилось и без

«солдатского юмора», который сейчас называется «неуставные взаимоотношения».

Контактов с местным населением у нас практически не было. Только тогда, когда проезжали через кишлаки и аулы и во время боевых действий.

Об Афганистане до призыва знал, что есть такая страна и все. В армию призван 3 мая 1981 года. Службу проходил в Витебской дивизии. Военная специальность – зенитчик. С мая 1981 года по ноябрь 1981 года службу проходил в Витебске, в учебном полку. О том, что придется служить в Афганистане, узнали с первых дней. Отнесли к этому спокойно, в наше время служить в армии еще было почетно, а выполнять интернациональный долг, защищая интересы Родины за ее пределами – вдвойне почетно.

В Афганистан перебрасывали самолетами с территории Белоруссии.

Первые впечатления: как-то все непривычно, другая страна, странные люди, горы коричневые, а не как у нас зелено-синие. Настроение было неважное: опять нужно привыкать к новым условиям и опять (вернее только там) стать «молодыми». Полк наш находился прямо в Кабуле. Один из наших батальонов охранял резиденцию Бабрака Кармала (в то время президент Афганистана). Два батальона вели боевые действия: 1-й дислоцировался в Кандагаре, 3-й в Кабуле. Я служил в зенитной батарее ЗУ-23 заряжающим. На вооружении у нас было шесть установок. Три установки мы поставили на машины «Урал», а три на БТРД (как на фото). Батарея постоянно сопровождала колонны до Пули-Хумри и Термеза, правда зенитчиков в Термез не пускали, а оставляли в Хайратоне. Сами же водители сдавали оружие и переезжали мост в Союз. Я сопровождал колонны более десятка раз, переваливая Саланг (правда, мы его называли просто «перевал»). Так же участвовал в ряде незначительных операций, выполняя задачи прикрытия и огневой поддержки. Несколько раз стоял «на точках» (типа теперешних блокпостов), перекрывая духам подходы к Кабулу. У зенитчиков служба полегче, чем в пехоте, по горам ползать не приходилось, поэтому и потерь меньше, но тоже были.

В армию я призывался вместе с Сергеем Марининым, и в учебке были вместе полгода. Потом

При нас снимался фильм «Жаркое лето в Кабуле». Артисты приезжали к нам в полк. Службу закончил в провинции Бамиан, и 25 октября 1982 из Кабула через Ашхабад прилетел в Оршу. Я не представляю себя и свою жизнь без службы в Афганистане.

Смирнов Сергей:

«Служил там, куда страна отправила»

Смирнов Сергей Александрович родился 13 ноября 1962 года в Ивановской области. Закончил СПТУ № 87 в г. Качканаре по специальности «сварщик». В 1981 – 1983 годах – служба в рядах Советской Армии. После увольнения в запас работал сварщиком.

нас раскидали по разным полкам. В Афганистане несколько раз встречались с ним. У нас в батарее почти весь мой призыв был из Свердловска и области. Юрий Попков из Шалей, Паша Микилев из Каменска-Уральского, Вова Сидоров из Свердловска, Витя Ситников, тоже свердловчанин. Лучший друг у меня был Микилев.

Из больших начальников видел комдива генерал-майора Слюсаря, лично пообщаться не пришлось. С афганскими солдатами общались постоянно, они тоже несли службу на территории полка. Жили мы в палатках, отопление печки-капельницы на соларке. Кормили плохо (не знаю, как стало позже), с баней проблем не было, а летом душ летний. Стригли друг друга сами. Приезжала автолавка, но нечасто. Лучший отдых в армии – это конечно сон, так как свободные от выездов и «войн» несли караульную службу в полку. Был в полку кинотеатр на свежем воздухе, крутили фильмы летом.

С местным населением контактировали насчет купли-продажи. У них и стар и мал – все торгует (и воюют).

Был смешной случай с «потерей автомата». Как-то заступили мы в караул. В батарее остались лишь старая смена дежурных с дневальными и новая. Пересчитывают автоматы. Сверяют с количеством отсутствующих – не хватает одного. История длинная, короче все начальники побывали в караулке. Утром нас срочно сменили с караула, построили перед палаткой, приехал сам комдив. И вдруг взводный заулыбался, говорит: «Нас уже комплект». Получилось, что все, начиная с дежурного и заканчивая начальником по вооружению, не сосчитали взводного, и он сам тоже всех десять раз пересчитывал. Ему после этого, конечно, досталось.

Службу закончил ночными патрулями по Кабулу. Наград не имею. В мое время для награды нужно было в теле дырочку получить, меня Бог миловал. Да, собственно, я ничего сильно героического и не совершил. Просто служил там, куда страна отправила.

Ну, а насчет значения Афганистана в моей жизни: я горжусь службой там. Сейчас молодежь не больно рвется в армию. А мой друг Паша Микилев ради армии институт бросил (закончил после службы).

1982

Абрамов А.	Ладейшиков М.
Авдотин Л.	Лобанов А.
Агафонов С.	Лабухин М.
Беляков М.	Ломакин А.
Воронков Е.	Марамигин П.
Высотин Э.	Мосолов В.
Вологжанин Ю.	Огарков О.
Воронин О.	Пичужкин В.
Вохмянин О.	Порываев Д.
Дудин С.	Плотников Г.
Инишев И.	Смирнов В.
Кунгуров Е.	Сумко В.
Ковалев Д.	Шишов И.
Климин А.	

Клавдия Рублева
Судьба солдатская

Судьба военная —
на прочность испытанная.
Судьба-судьбинюшка,
не балуешь ты нас.
Вся жизнь — ответственное,
срочное задание.
Мы выполняем
данный Родиной приказ.
Несем службу
вдалеке от малой Родины.
В тревожных снах
Мы видим лица матерей,
И напуганные
Со сладкою ссординой,
И глазки малой,
Что ссордины черней.

Слагаем головы
На дальней, на чужбинке
С заветным «мама»
на бледнеющих губах...
Судьба солдатская...
Ужас, тоска-кручинюшка...
Храни нас, Господи,
в походах и боях!
Вы ждете, ждете нас,
красивые, хорошие,
Сердца любовью согревая
в горький час.
Пусть заметает путь
песками иль корешью,
Но светит звездочкой любовь
в пути для нас!

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Авдотин Леонид:

«Самые яркие годы»

Авдотин Леонид Васильевич родился в городе Качканаре. Закончил Валериановскую школу и СПТУ № 87 по специальности «машинист экскаватора»

В 1982 – 1984 годах служил в рядах Вооруженных сил. После увольнения в запас работает машинистом экскаватора в Качканарском ГОКе.

Перед тем как ответить на вопросы анкеты, я долго думал, вспоминая те далекие годы, и пришел к выводу, что они самые яркие в моей молодости. Чтобы подробно описать этот период, нужно обладать даром писателя, и хоть у меня его нет, но вкратце все же постараюсь.

В наше время от армии не «косили», а готовились к ней. То, что готовят набор в Афган, мы уже знали на прыжках в Нижнем Тагиле и не помню, чтобы кто-то отказался добровольно. Так 1 апреля 1982 года спецнабором нас с Валериановска забрали троих: это Миша Ладейщиков, Женя Кунгуров и я. С города тоже человек 10–13. Мы все были уже знакомы, знали, что будем служить в ВДВ и что нас будут готовить к Афгану.

Учебку проходили под Витебском в учебном центре Лосвидо. Командиры были в основном после Афгана и знали, чему учить и как. Попали мы все трое в один взвод и стали гранатометчиками РПГ-16. Командиром взвода был старший лейтенант Лациник, уже бывавший там, и что

запомнилось с первых дней, приказал насыпать в РД (рюкзак десанта) песок для развития выносливости. Полгода учебки, конечно, не прошли даром, все это потом пригодилось. Учебка закончилась осенью, уже пошел первый снег.

Уезжали со своим оружием. Долго ехали на машинах до аэродрома, потом сели на ТУ-154 и взлет. Все понимали, что теперь начнется все по-серьезному. Делали посадку в Ашхабаде. И вот Афганские горы и Кабул. После выхода из самолета нас построили перед шеренгой дембелей, их поздравили с окончанием службы, кому-то вручили награды и этим самолетом отправили в Союз.

После распределения мы с Женькой Кунгуровым попали в отдельный 3-й батальон 317-го полка под Кандагаром, недалеко от города Лашкаргах, по-русски просто «Лашкаревка». Батальон находился недалеко от Пакистана, и основная задача его – перехват караванов с оружием, а также рейды по «зеленке». Батальон был палаточным, кухня полевая, керосиновые лампы и печки, бани не было, воду возили с города, продукты и письма – «вертушками» с Кандагара. Местность пустынная, ветер, пыль, жара. Зимой ночью очень холодно.

В засады ходили на БТРах (на неделю и больше) и на «вертушках», в основном, на одну ночь, редко больше, если были точные данные «особистов». В рейды батальоном ходили реже, но по-

долгу. Разница между засадой и проческой в том, что в засаде мы хозяева положения, а там – они. Самое страшное при проческе – первые выстрелы, они, в основном, навряд ли. При подходе к кишлаку уже становилось понятно, будет «война» или нет. Если их дети наблюдают за нами с крыш сакли, то все спокойно, а если в кишлаке ни одной души, то где-то нас ждут, тут уже у всех ушки на макушке. В основном, в открытый бой духи не ввязывались, обстреляли и ушли. Но были такие укрепленные районы, что и нам были не доступны – это Калабуст,

Моржа, но ее потом все-таки взяли, хоть там было четыре или пять линий обороны. Вот здесь впервые пришлось перекидываться гранатами.

Батальон был в числе передовых. Много оружия брали в засадах при минимальных потерях, но они были. В многодневных рейдах погибших отправляли вместе с ранеными на «вертушках», а из засады – через батальон вместе с группой. Этот ритуал я не забуду никогда. Батальон выстраивался на плацу и медленно проходил рядом с погибшим, отдавая ему дань памяти и уважения.

Бывали крупные операции с участием нескольких батальонов, в том числе и подразделений «Царондой» (национальная армия), но в бою я их не видел, а отношения с ними были нормаль-

ные. Со временем в батальон завезли дизель-генератор. Появилось электричество, стали смотреть кино, пробурили скважины под воду, построили кухню и баню – жизнь стала цивилизованней.

Рядом с батальоном стоял кишлак белуджей (племенной народ), отношения были дружественными. Занимались они скотоводством, были воинственным народом, всегда при оружии. Жили сами по себе: и духов не поддерживали, и с нами нигде не участвовали.

Служба подходила к концу. Вот долгожданный дембель, и самое необычное для меня: когда улетаели из батальона, то у нас не было оружия. Уже просто немыслимо,

что больше не возьму и не увижу свой автомат. Прилетев в Кабул, узнаю страшную для меня новость – совсем недавно погиб Миша Ладейщиков, а из дома мне не писали, не хотели расстраивать. Он служил в другом полку и погиб, героически закрыв грудью своего командира. Так что ушли мы втроем, а вернулось нас двое. Теперь у нас традиция: 2-го августа в день ВДВ обязательно собираемся у Михаила на могилке, почтить его память. По прошествии многих лет, конечно, осознаешь бессмысленность этой войны, но тогда была великая страна, был развит дух патриотизма и братства.

С друзьями по службе поддерживаю связь, кто далеко – иногда встречаемся, изредка пишу, звоню.

Воронин Олег:

«Мы, саперы, шли впереди»

Олег Борисович Воронин родился 2 января 1964 года в селе Чашинское Каргапольского района Курганской области. Закончил среднюю школу № 4 в городе Качканаре.

1 апреля 1982 года был призван в армию, в Воздушно-десантные войска.

После службы – работа в ГОКе, в цехе взрывных работ.

Самое первое впечатление – жара. До дивизии шли пешком. Но еще более сильное впечатление – это футбол, в который с азартом играли ребята: ворота стоят, они бегают, свистят, кричат. Это было необычно, ведь говорили, что война, стреляют, а здесь футбол. Заметив молодое пополнение, кричали уже нам: «Вешайтесь, салаги!»

Местом моей службы в Афганистане стала инженерно-саперная рота 350-го гвардейского полка 103 воздушно-десантной дивизии. Полк находился вблизи аэродрома, здесь же был штаб дивизии. Стояли палатки, столовая была в модуле, склады техники. Первое время плаца как такового не было. Была огромная лужа, вокруг которой полк и маршировал.

В учебном центре села Лосвидо (Витебская область) получил специальность «сапер». Учили, в основном, на разминирование, ориентировали на поиски, установка – не наш профиль. Физические нагрузки переносил легко, потому что на гражданке занимался спортом. В Афганистан улетаели с военного аэродрома в городе Витебске, через Ашхабад до Кабула.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Полк, в основном, ходил на боевые действия и занимался охраной. Самые большие и запоминающиеся операции – Джелалабад, Чарикар, Панджшер. Обычно это было так: утром подъем, завтрак, построение, подготовка, типа строевого смотра, все проверили и – кто на технике выезжает, кто на вертолете вылетает. Мы, саперы, кто с разведротой идет, кто (человека два-три) с ротой стрелков. В основном, ходили по горам, но и на броне ездили – у нас были машины разминирования.

Первые наши зимы были боевые. Панджшер – это мощный горный массив. Там были лагеря бандформирований. Первый раз мы ходили туда в августе 1982 года.

Случаи бывали всякие. В каком районе было, не помню, время года – лето. Командир роты тогда был Николай Демидик. Очень опытный мужик. У него было потрясающее чутье. Впереди был кишлак, он решил в него не заходить, а в стороне по горочке объехать. Только взобрались, со стороны кишлака стали стрелять. Мясорубка – не поднять головы. Мы, саперы, шли впереди, броня отстала. Лежали минут 20, даже не отстреливались, пока броня не догнала.

Мины подрывали, сверху накладной заряд делали или зацепляли кошкой – это веревка с крючком. Обкапывается мина, чтобы не поднимать (сюрприз может быть), и из-за укрытия дергаешь. Еще душманы оставляли магнитофоны и радио, в них вставляли взрывное устройство, там заряды маленькие, но все равно хватает. Мины, в основном, были противотанковые, итальянского производства. Оформлены красиво, сделаны из пластика, миноискатели их не берут. Капсюль стоит, но маленький. В основном, их искали собаки: у саперов спецбатальона были собаки, очень хорошие в поиске и для охраны тоже. У нас были случаи, что даже офицеры опасались проверять боевые посты, если там были собаки. Они не лаяли, а сразу кусали. Когда приходят с боевых, ставят роту, подводят итоги и обязательно: «Собаки живы?» Здорово искали. Впереди идет, находит, садится. Что-то найдет, она обязательно сядет, мимо не пройдет.

Служили вместе с Д.П.Порываевым. Познакомились на прыжках в Тагиле, вместе призывались. Нас трое земляков оказалось в одной роте: он, я и Просыпкин. Вообще с Качканара много служи-

ло – за мою службу человек 12. Рота была маленькая, всего 40 человек.

На войне бывало всякое: загонят без воды, без еды, без курева. Порываев до сих пор вспоминает один такой случай, когда мы нашли козьи какашки, смешали их с травой и курили.

Кино возили по точкам. Фильмы все старые. Фильм «Ленин в октябре» смотрели раз десять.

...Панджшер в апреле 1984 года. Выбросили с вертолетов. Я и Саня Коваленко переданы второму батальону. Подошли к кишлаку. За ним река, стали

переправляться, но духи, видимо, нас уже ждали и открыли плотный огонь. Били с ближайшей горки, рядом с кишлаком. Укрылись в кишлаке и дождались ночи. Ночью переправились и поперли в гору выкуривать духов. Поднялись ближе к рассвету на первую вершинку. На основной вершине дозор увидел «духовского» часового. Взводный, старлей-

мастер, с первого выстрела (а до «духа» было метров 800) его уложил. Видимо, «дух» был сигнальщиком, потому что ждали обстрела, но не дождались, а когда со всеми предосторожностями поднялись на вершину, там никого и ничего не было, кроме стреляных гильз ДШК. Только сели покурить, летят наши МИГи и начинают нас утюжить. Видимо, разведдонесение наше еще не получили, и в штабе посчитали, что гора до сих пор «духовская». После первой бомбы мы успели зажечь красные дымы (это как сигнал, что здесь СВОИ). Слава Богу, они нас поняли. После недолгого отдыха перешли на другую горку. Поднялись уже к вечеру. Закрепились. А ночью как началось. Внизу плато, окруженное с трех сторон горами, на одной мы, на других так же роты первого батальона. Дело в том, что основные силы первого батальона, обойдя

горки, стали к вечеру выдвигаться на плато. А там укрепрайон духов. Ночь, русский мат, веер трассиров. Духов мы тогда сильно прижали, считай, снизу основные силы, и нас на трех горках. Как начали их долбить. Насчет русского мата не вру, хоть расстояние и было большим, но в ночи его было слышно так отчетливо, будто рядом с тобой. Наутро разведка первой ушла на проческу, обнаружила мертвых «духов», кто уцелел, видимо, отошли. С нашей стороны было четверо раненых. Их спустили вниз к реке и на «вертушках» – «домой».

Из Афганистана домой, прямо с войны. Были на Пагмане, наверное, уже недели две. Про то, что домой давно пора, уже начали забывать. А тут утром строят на разводе прямо у БТРа и говорят: «Езжайте в полк – ваш дембель пришел!» Приехали, спасибо ребятам: подготовили «парадку», дипломат. Вечером собрались на саперном складе с земляками, выслушали наставления, просьбы к кому из родителей зайти, что передать.

Утром на плацу «Прощание славянки», объятия и на аэродром. По дороге встретили моло-

дых, и уже мы кричали им: «Вешайтесь, салаги!». Самолет стал подниматься по спирали, чтобы набрать высоту, а для нас как бы делал прощальные круги. Где-то через час в салон зашел командир корабля: «Мужики, обратите внимание: пролетаем над границей нашей Родины, Союза Советских Социалистических Республик!» Ташкент – это считай, что мы уже дома.

Афган для меня, в первую очередь, – это друзья. А также возмужание, проверка себя на прочность.

Моя любимая Марина меня дождалась, у нас крепкая семья (хотя за 21 год было всякое) и родная кровинушка дочь Настя. Жизнь удалась.

Высотин Эдуард:

«Армия парням нужна, но война не нужна никому»

Эдуард Игоревич Высотин родился в 1962 году в деревне Елань Ирбитского района Свердловской области. Учился в школе № 7 города Качканара. В ГПТУ № 87 получил специальность автослесаря. В 1981 году был призван в ряды Советской Армии.

После службы в армии почти 13 лет жил городе Мурманске, работал в рыболовецком флоте. В 1996 году с семьей вернулся в Качканар. Работал в УГЖД Качканарского ГОКа.

Я уже знал, что служить буду в Воздушно-десантных войсках, чем очень гордился. В городе Каунасе (Прибалтийский военный округ) три месяца (вместо положенных шести) готовили меня на командира отделения боевой машины десанта.

В городе Фергана в Туркестанском военном округе три месяца проходил так называемую акклиматизацию к приближенным условиям Афганистана. В Фергане я уже знал, что меня и моих сослуживцев готовят для Афганистана. Самолетом Ил-76 нас 300 человек перебросили в Афганистан на военный аэродром – база Баграм. Нас переполняло чувство гордости. Мы будем служить в Афганистане! Настроение приподнятое, мы прибыли, нас – 300 человек, духам конец! Нас поразила природа, вернее, отсутствие ее. Голая пустыня из песка и глины, песок и глина белые-белые, редко где увидишь кустики саксаула. Кру-

гом горы и жара. Была весна по календарю, но совсем не та, что на Урале.

Удивила не только природа, но наша дальнейшая служба. Все, чему учили в учебке, то есть тому, что нельзя, здесь было можно. Например, по Уставу караульной службы часовому нельзя спать, пить, курить. Здесь же часовому нельзя только спать, остальное все можно, фляжка с водой всегда есть обязательно.

Служба моя проходила в в/ч 53701 345-го отдельного воздушно-десантного полка. Задача нашей части – прочесывание кишлаков с целью выявления душманских формирований, оказания помощи различным советским воинским частям, охрана нашей базы, то есть аэродрома Баграм, так как наша часть находилась около аэродрома. Я проходил службу в должности командира отделения боевой машины десанта (БМД). В моем подчинении были семь человек. Наши боевые действия проходили на всей территории Афганистана, так как мы относились к полку быстрого реагирования и забросить нас могли в любую точку страны. До места боевых действий нас доставляли бронетехникой или вертолетами.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Советские войска в Афганистане отличались смелостью, мужеством. Упорство, выносливость – вот боевые качества моих товарищей. Командиры стремились уберечь личный состав от потерь. Но не всегда действия высшего комсостава (командиров дивизий, полков и другого военного руководства) были скоординированы и согласованы с командирами на местах, что приводило к необратимым последствиям.

Вооружены мы были хорошо: авиация, вертолеты, бронетехника, зенитные установки, установки «Град», артиллерия, все виды стрелкового оружия, сигнальные средства связи (ракетницы, дым, фальшвеера и др.). На базе носили полевую форму, широкополую шляпу. Когда шли на задание, одевали камуфляжную форму, каску, высокие ботинки на шнуровке, бронежилет, автомат,

так как отлично знали местность (горы и зеленую зону – лес в долине). Поэтому бой всегда был быстрый, неожиданный, скоротечный. Мы всегда должны были быть к этому готовы. Поэтому к боевым действиям много и тщательно готовились. Времени на отдых почти не оставалось. Но когда оно было, то мы спали. Развлечений не было. Правда, за время моей службы несколько раз привозили фильмы и один раз приезжали артисты.

Служба в Афганистане проходила в ограниченном кругу солдат, которые были всегда рядом и в бою, и на отдыхе. От взаимоотношений в роте, полку зависел и исход боя. Главное на войне – без паники, которую офицеры вовремя старались пресечь. Уметь найти подход к каждому – одна из главных задач командиров. Командиром моего полка был ныне генерал армии Павел Сергеевич

5–6 магазинов с патронами. В рюкзаке несколько пачек с патронами, 2 гранаты, 2–3 ракетницы, 1–2 дыма оранжевого цвета, штык-нож, фляжка с водой, 1–2 сухпайка, индивидуальный медпакет. Все это приходилось носить в 50-градусную жару.

Моджахеды были плохо вооружены. Вооружение у них было устаревшего образца, одеты в национальные одежды.

Иностранные наемники также одеты в национальные одежды, но лучше вооружены. Они имели хорошее современное стрелковое оружие, подствольные гранатометы, медикаменты. Отличительной чертой наемников являлись такие качества, как хорошо отработанные тактические действия, маневренность, передвижение мелкими группами. Главный их козырь – внезапность. Появлялись внезапно и также быстро исчезали,

Грачев, в то время он был еще в звании подполковника. Я его видел каждый день, Грачев всегда был среди нас. Смысл его работы заключался в точном выполнении боевого задания и сохранении жизни солдат. С 1981 по 1983 гг. Грачев был награжден тремя орденами и прошел от заместителя до командира парашютно-десантного полка. Я служил под его командованием с 1982 по 1983 гг., когда Грачев был уже командиром.

Гвардии майор Василий Васильевич Пименов был командиром моего парашютно-десантного батальона. Он удостоен звания Героя Советского Союза, награжден орденом Красной Звезды и медалями. Комбата кто-то назвал жестоким: ни себе спуска не давал, ни подчиненным. Но и знал свой долг, долг комбата – идти туда, где особенно трудно. И когда в первых числах августа в Москве

собираются «афганцы» – цветы, символ добра и уважения, дарят Пименову. В моем полку служил гвардии старший сержант Николай Чепик. За подвиг, совершенный на земле Афганистана в 1980 году, он посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. С собой, ценой своей жизни Николай прикрыл товарищей, всех, кто находился за его спиной.

Близкими моими друзьями были Павел Бондарь из Молдавии, Сергей Горбушин, который погиб, выполняя очередную задачу взвода. Не все бойцы остались живы, но они остались в моей памяти и в памяти моих товарищей. Некоторые из них получили звания Героев, их портреты и подвиги отражены в четырех комплектах открыток Героев Афганистана, которые у меня бережно хранятся.

Я очень отчетливо помню многие события из своей армейской жизни. И все же самым запоминающимся был последний день службы, который каждый солдат ждет с нетерпением. С 19 по 20 октября 1983 года мы пришли на базу с операции. Днем 20 октября сообщили, что мы увольняемся. Увольняемся! 21 октября должны были вылететь с аэродрома Баграм через Кабул в Ташкент. Но нашего самолета не было по неизвестным причинам. Мы улетели 22 октября. Прибыли в Ташкент, там жара. Вышли из самолета загорелые, в парадной десантной форме. Нас в очередной раз проверили на предмет наркотиков, оружия. Майор выстроил нас, поблагодарил за службу, поздравил и вывел за КПП аэродрома. И мы всей толпой пошли на железнодорожный вокзал, а там все в разные стороны – домой. Когда я приехал домой в Качканар, была настоящая зима, а я в летней форме. Но мне не было холодно. Дома холодно не бывает. Вот так и закончилась моя служба, но не забылась.

Служба в Афганистане оставила неизгладимый след в моей жизни, как и у всех других, проходивших там службу. Это время не было легким, каждый день был по-своему труден и напряжен, одним словом – война. Но остались не только воспоминания, но и награды, такие как: медаль «Воину-интернационалисту», медаль «От благодарного афганского народа», медаль юбилейная «70 лет Вооруженных Сил СССР». В 1985 году меня нашла моя медаль «За отвагу», к которой я был представлен еще во время службы.

Наш батальон получил задание – уничтожить огневую точку противника, которая не давала возможности оказывать помощь вертолетчикам и нашей пехоте. Ночью вражеская точка не стреляла, так как ночью вертолеты не летают. А с рассветом их зенитки работали так, что вертолетам приходилось подниматься высоко, и они не могли оказывать помощь солдатам.

Ночью наша рота выстроилась в цепь и стала прочесывать предполагаемый квадрат. Я и мой товарищ по цепи услышали чужой разговор, но об этом не могли сообщить остальным. Вся цепь ушла вперед, а мы остались. Мы не знали, что это за сооружение, сколько там человек. Сблизились. Без слов, одними жестами мы решили подкрасться к месту, откуда доносились голоса. Когда приблизились к оборонительному сооружению, в темноте рассмотрели, что это глубоко вырытая яма, от которой по разные стороны отходили окопы. Все это было замаскировано сеткой. В один из окопов мы спустились и вышли к центру этой ямы, где и находилась зенитная установка. Возле нее спал душман, двое других солдат сидели и переговаривались, их голоса мы и услышали. Мы видели только троих, сколько было человек в землянке, расположенной здесь же, мы не знали. Не знали также, есть ли в других траншеях «духи». А траншея тянулась на 5–6 метров в длину. Поняли, что живыми отсюда нам не уйти: или они нас, или мы их. Я отстегнул две лимонки (больше не было) и мой товарищ, глядя на меня, кивнул и сделал то же самое. Он кинул две лимонки в зенитку. Я бросился в этот дым к землянке с гранатами с выдернутой чекой. Ногой толкнул дверь и бросил лимонку в землянку. Расстреляли двух духов в землянке, а из другого окопа вышел еще один с поднятыми руками. После наших взрывов, вверх полетели осветительные ракеты наших товарищей, нас слышали. Через 3–4 минуты стало светло, как днем. Когда подтянулась наша рота, мы уже сидели и курили возле остатков зенитной установки. А когда пришел остальной батальон, мы уже смеялись, как это мы так здорово срабатывали. За это нас тогда представили к награде.

Жизнь изменилась, изменились и взгляды на военную службу. Тогда был Афганистан, теперь Чечня. Армия парням нужна. Но война не нужна никому.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Ковалев Дмитрий:

«Мне повезло, что там оказался»

Дмитрий Васильевич Ковалев родился 21 апреля 1963 года в городе Междуреченске Кемеровской области. По окончании СГПТУ №87 в городе Качканаре работал машинистом экскаватора на Северном карьере Качканарского ГОКа. В 1982–1984 годах служил в Советской Армии. Уволившись в запас, продолжает работать в Качканарском ГОКе.

О б Афганистане знал очень мало: что была революция, что Советская Армия помогает защищать ее, что там гибнут наши ребята.

Призван 1 апреля 1982 года. Сначала попали в Белоруссию, где в течение полугода проходили обучение по военной специальности и активно занимались физической подготовкой. Военная специальность – гранатометчик, службу проходил в Витебской воздушно-десантной дивизии.

Для службы в Афганистане сержанты, прошедшие службу в Афганистане, воспитывали в нас физическую выносливость. О том, что придется там служить, знали практически с первых дней службы, относились спокойно: ни истерик, ни «Ура», но кому из нашего взвода пришлось остаться (кого не взяли в Афганистан), те были расстроены.

Перебрасывали в Афганистан самолетом, сначала Витебск–Ашхабад, потом Ашхабад–Кабул.

Прилетели в солнечный день в октябре, была жара, мы – в бушлатах. Нас построили на плацу и стали распределять по воинским частям. Меня определили в 350-й воздушно-десантный полк. Часть стояла на краю аэродрома Кабула. В задачи входило прочесывание «зеленок», сопровождение автоколонн, ну и, естественно, ползать по горам, гонять духов.

В серьезных боевых действиях участвовать не приходилось, попадал несколько раз в перестрелки, на больших расстояниях, так что об успехах говорить не приходится, а вот потери были: буквально, через несколько месяцев погибли двое ребят нашего призыва.

Из командиров помню только двоих ротных: капитана Сатина и капитана Одинцова, люди они были совершенно разные.

Так как рядом был штаб дивизии, часто видели комдива, генерал-майора Слюсаря. В 1983 году он был переведен в Рязанское воздушно-десант-

ное училище. Около года пришлось жить в палатках. Зима 1982–1983 годов выдалась снежной, холодной. Печку топили соляркой, труба быстро забивалась сажей, так что спать приходилось одетыми. Летом построили казармы на основе «финских» домиков, переселились туда. Кормили ни шатко, ни валко: с голоду не умирали, но и в сытых не ходили. Каждый ужин были макароны с рыбой в томатном соусе, с тех пор «красную рыбу» не люблю, а когда говорят, что в армии кормят перловкой, удивляюсь.

В 1983–1984 годах военный городок строился: построили большой клуб, пекарню и баню. Первое посещение этой бани было, как праздник, до этого мылись в палатке, под душем: машина хим-

защиты грела воду и подавала по трубе. Стригли друг друга сами. Когда выпадало свободное время, читали газеты, книги, по вечерам иногда на стене клуба показывали кино, в самом клубе проводили концерты приезжие артисты.

Служба закончилась как-то вдруг, хотя ждали этого дня с нетерпением. Полтора месяца лазили по горам, 7 июня пришли «домой», а 9 июня утром – на самолет и в Ташкент.

Постепенно стареем, растут дети и где-то внутри хочется, что бы и они почувствовали вкус жизни. Мне очень повезло, что я там оказался. Обо всем не расскажешь, основная часть воспоминаний остается внутри себя.

Климин Анатолий:

«Натворим делов — и убегаем»

Анатолий Николаевич Климин родился 24 июля 1963 года в Качканаре. В 1976 году закончил 8 классов в школе № 6, затем в СПТУ № 87 получил специальность электрослесаря по ремонту горного оборудования. В 1982–1984 годах служил в рядах Вооруженных Сил. После увольнения в запас работает в охране Качканарского ГОКа.

Я не сомневался, что буду служить в Воздушно-десантных войсках и в Афганистане. Учебку проходил в Лосвидо, под Витебском. Там нас разбросали по ротам: кто сапер, кто гаубичник, я попал в разведроту. В учебке здорово нажимали на физо, часто бывали маршброски. В нашу роту вообще отбирали в основном спортсменов. А тонкостям специальности учили уже в Афганистане. Туда нас отправляли партиями. Каждая рота улетала в разное время.

Прилетели в Кабул, в 357-й полк. Ночь переспали и во 2-й батальон. Батальон стоял в Бамиане, 200 км от Кабула. Это самое горное место. Дороги туда нет, можно только долететь. На вид очень красиво: снега. Бамиан был перед нами: минные поля — и он начинался.

Батальон — палаточный городок, палатки по кругу, плац, взлетная полоса.

Сразу стал ходить на боевые в горы с отдельным разведвзводом. Нас там было человек двенадцать. Одни и ходили, в основном. Там и научили, чтоб тихо, как мыши, все селение пройти, окопаться...

Банды стерегли, в засады ходили. Бывало, убегали: натворим делов, бронегруппа придет — на нее, и убегаем.

Случаев, конечно, было много всяких. Как-то раз молодой солдат на ходу запрыгивал на БМД

и его сбило пулей. Он упал, встал, подумал, что, может, дембель какой пнул. А пуля попала в железный магазин от СВД, которая была у него, и сшибла парня. Когда я был уже дома, мне написали, что его все-таки убили. Он был снайпером, пуля попала прямо ему в глаз. Видно, такая у парня была судьба...

Про себя могу рассказать случай. Шли ротой, с нами были операторы — наводчики с Гайжуная (Литва). Один парень был с Белоруссии, фамилия у него Левша. Дали

ему гранатомет, а больше ничего — ни автомата, ничего. Трубу дали и носи. Он из него и не стрелял ни разу. А я с пулеметом ходил. Поднялись на гору, селение прошли, стали окапываться. Старые окопы занимать нельзя: там могут быть сюрпризы. Я попал на рытье окопов вместе с этим парнем. А почва там такая песчаная — не успеешь окопаться, как все опять засыпает. Копали, копали, он камень с голову поднял и передо мной положил. Дали команду прекратить окапываться. Торчим с ним из окопа. А «духи», видно, молиться вышли, сели, но далеко, метров за 800. Пустил очередь трассерами, и пока трассеры летели — они разбежались. Ну и все: давай тут нас поливать. Я тоже начал стрелять. А в пулемете

так: открыл, закладываешь ленту, передернул. Когда начал стрелять, пуля не до конца зашла в патронник, заклепала вход в ствол. Стал дергать обратно — оторвал затвор. Открыл, ствол

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

штык-ножом расковырял, обратно все вставил, а затвора нет. Ввести можно, если поднять крышку. Так начал стрелять. Тут в меня душман из-за дувала и выстрелил. Пуля ударила в тот камень перед лицом – и вверх. Я туда стал стрелять. А дувал есть дувал: там глина, толщина большая –

ничего не сделаешь. А тот метко стреляет. Из чего, интересно, он стрелял? Возможно, у него бур был – это старые английские винтовки со стальной пулей, бьют километра на три-четыре. Он опять выстрелил, снова попал в камень, камень развалился, а пуля рикошетом опять вверх ушла. Крикнул соседу АГС-нику, тот стрельнул и хорошо потрепал дувал. Дух-то побежал от дома к дому, а я поджидаю удобного момента. Очередь пустил, он упал. Соседу своему говорю: «Ты хоть стрельни со своего гранатомета». Помог ему зарядить, он как долбанул. А там выхлоп на несколько метров. И наш с ним окоп осыпался. Сидим с ним, хохочем. Потом бронегруппа пришла.

Жаловаться не хочется, но, бывало, и голодали: вертолеты иногда полгода не летали. Пачку писем от родителей за полгода получали, так же им отправляли. Сколько раз нас поднимали по тревоге искать и подбирать. Летит вертолет – раз, «стингером» сбили. Вертолетчики могли попасть в плен. Как сейчас помню, двое разбились, одного подобрали, на палатке принесли. И другого вернули, договорились. У нас были

особисты, они со старейшинами переговоры вели, чтоб вернули хотя бы тело. Привезли на повозке, убитого. Потом мы его разминировали – духи это практиковали: в сапоги мину засунут или еще куда-нибудь.

В бытовом плане тоже было не без проблем.

Все стриглись наголо: были вши, от них коросты. Выводить их трудно, душегубки (чтобы их выпаривать) не было. Вода – привозная, зимой сами снег топили. Не все за собой последить могли, отсюда и вши и болезни.

Потери были, но небольшие. В других местах бывало похлеще. На батальон нападений не было, изда-лека постреливали, но захотели бы – махом отоварили. Банд было скопление, но они больше перестреливались между собой.

На операции ходил раз тридцать, может, побольше. По скалам лазали только что не по отвесным. Ротный говорил, что всем нам знаки альпинистов надо давать. Был у нас такой капитан Ушаков. У него щека была прострелена, перебит глазной нерв. Он плохо видел, но по горам здорово шарился и нас водил.

И через речки по льду скакали. Офицер налегке пробежит, а мы как начнем валиться под лед. Речки хоть и неширокие, но все равно не добегаешь до края. Потом, как роботы, замерзшие на снегу лежали сутками. Я там обморозился, застудил внутренности, сейчас на группе.

Лабухин Михаил:

«Опыт приходил в процессе войны»

Михаил Михайлович Лабухин родился 3 июня 1963 года в Качканаре. До армии учился, занимался спортом, играл за город в хоккей и в футбол. Получил специальность машиниста дорожных работ. В Советскую Армию призван в апреле 1982 года.

После службы в армии работал в цехе по ведению взрывных работ Качканарского ГОКа.

Первое впечатление, когда приземлились: очень красивая неизвестная страна, большие красивые горы. Очень запомнилось, что когда спускались по трапу самолета, стало трудно дышать: страна расположена в горах очень высоко над уровнем моря. Настроение было нормальное.

В Афганистане попал в 1-й батальон 350-го полка, 103-й Воздушно-десантной дивизии, в гранатометный взвод (АГС). Наш батальон считался горным, вел боевые действия высоко в горах. К окончанию службы я занимал должность заместителя командира гранатометного взвода. Наш батальон принимал участие в 32 боевых операциях. Самые крупные боевые операции проводились в городах и провинциях: Джелалабад, Панджшер, Чарикар, Баграм, Бараки, Суруби, Пагман, Бамиан. Практически вели действия по всей территории Афганистана.

Ходили в засады и летали на караваны. Наши войска ВДВ были хорошо вооружены, но плохо подготовлены для ведения боевых действий в горах и в зеленой зоне на равнинах. Опыт приходил в процессе войны. Очень трудно было передвигаться в горах, так как была тяжелая экипировка. Душманы были вооружены намного хуже нас, но зато хорошо передвигались в горах и по равнине, потому что были легко экипированы и хорошо знали свою местность. Очень редко удавалось попасть на душманов внезапно, потому что их предупреждало местное население. Душманы постоянно минировали дороги и делали засады. Внезапно на них напасть удавалось только с помощью вертолетов. Наши боевые вертолеты, благодаря отваге и умению летчиков, сыграли огром-

ную и неоценимую роль в этой войне. Они спасли и вытащили из-под огня душманов много наших ребят. Наша дивизия провела много успешных операций, с минимальными потерями. Потери зависели напрямую от опытности и умения командиров. Афганские солдаты, которые воевали на стороне президента Кармаля, никакой роли в этой войне не играли. Среди них было очень много предателей, целыми батальонами переходили на сторону душманов. Кто больше платил, за того они и воевали.

Самые тяжелые были первые полгода. Жили в палатках, зимой топили печку соляной, все равно было очень холодно, спали прямо в одежде. Первое, что поразило, в палатке не было никакого оружейного парка, как обычно в Союзе, оружие лежало прямо под кроватями, там же гранаты и патроны. Мылись очень редко, баня находилась в палатке, вода всегда была чуть теплая, а в палатку зимой, через окна залетал снег.

Но в Афганистане зимой не везде холодно и лежит снег. В 1982–1983 годах наш батальон проводил три боевые операции в районе Джелалабада. Помню, как выезжали из Кабула – стояла зима, было очень холодно. Двигались колонной на БТР-70. Мы, молодые, находились на броне сверху, а дембель – внутри БТР. Мы старались занять место поближе к двигателям: садимся, накрываемся плащ-палаткой. Тепло попадает под плащ-палатку и так хорошо ехать, а дембель мерзлит внутри. Помню,

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

как спускались по горному серпантину: там были очень опасные и крутые горные спуски. Все зависело от опыта и мастерства водителей БТР и БМД: чуть зазевался и машину бросит в пропасть. Эти участки всегда проходили очень долго.

Проезжали по горным тоннелям, протяженность некоторых превышала 3 км. Были случаи, когда колонна заходила в такой тоннель, головная машина ломалась, тоннель был очень узкий, колонна стопорилась, и от выхлопных газов задыхались насмерть наши солдаты. Когда прошли серпантин, спустились в долину Джелалабада. Первое ощущение, что попали в рай. Только что несколько часов назад мерзли в Кабуле от холода, а теперь, заехав в долину, изнывали от жары. Тут

были пальмовые рощи, по ним прыгали мартышки, кругом стояли райские сады. Росло все: апельсины, мандарины, вишня, арбузы. Колонна ехала рядом с полем, где росли помидоры, огурцы. Мы их срывали с БТР и делали себе салаты. Такой красоты я не видел нигде. На новый год из Джелалабада к себе в полк мы привезли много фруктов, елки на Новый год, две обезьяны жили у нас а батальоне. В Джелалабаде никогда не бывает зимы, тут собирают четыре урожая в год и возят в Кабул продавать. Все три операции прошли успешно с минимальными потерями.

Потери тоже зависели от опыта наших командиров. Нам повезло, что у нас был очень умный и грамотный командир батальона – гвардии капитан Салуянов А.И. В Афганистан он попал капитаном, а через два года ушел подполковником. Получил звание Героя Советского Союза. Благодаря его умению военного руководителя, в нашем батальоне всегда были минимальные потери. Мы очень ему благодарны и всегда вспоминаем его

добром. В настоящее время он в звании генерал-лейтенант, живет в Москве, имеет свою частную охранную фирму. Он не полез в политику, как многие «афганские» генералы.

Еще запомнилась очень тяжелая операция на Бараках (провинция Логар). Это было зимой 1983 года. В горах лежал глубокий снег, нас выбросили на вертолетах за два километра до гор, на которые нужно было подниматься. Высота гор доходила до трех тысяч метров. Вертолетчики боялись, что их собьют. Ползли по поясу в снегу, было очень трудно, многие не выдерживали, началась метель, некоторые просто падали в снег и их заметало. Их поднимали, забирали оружие и боеприпасы, хотя сами тащили минимум 50 кг вооружения и боеприпасов. Пока поднимались, несколько человек сорвалось в пропасть. Оставили спецгруппу, чтобы забрать их тела и спустить на нашу броню, которая находилась в 2-х километрах от гор. Мы блокировали вход в ущелье и прикрывали 2-й батальон, который прошел по ущелью и занял базу душманов. Взяли много оружия, взяли в плен английскую радистку, захватили госпиталь у душманов. В нем находилось новейшее медицинское оборудование и много медикаментов, тут же «духам» делали самые сложные операции.

В горах сидели трое суток, вели бой с душманами, которые находились на соседней горе. Ночью замерзали от холода, поэтому брали небольшую банку, наливали солярки и грелись. За трое суток у нас обморозилось 14 человек, впоследствии им отрезали пальцы кому на ступнях ног, кому на кистях рук.

Это была очень тяжелая операция. После трех суток комбат дал команду спускаться вниз к нашей броне. Сидя на «задней точке», весь батальон с большой скоростью начал спускаться вниз. Зашли в кишлак, убили две коровы, съели всем батальоном за ночь. Утром с боем выходили к броне.

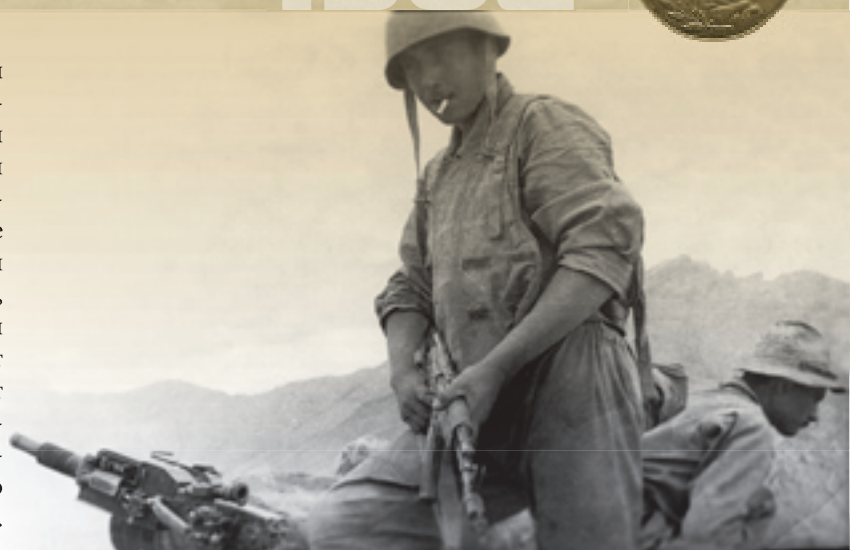
Но все же самая тяжелая и самая продолжительная боевая операция была в 1984 году на Панджшере. 22 апреля – день рождения В.И.Ленина. Ждал отправки домой, я уже, по сути, был почти гражданский человек (вышел приказ об увольнении) и мечтал о доме. Но нас посадили на вертолеты и бросили в горы Панджшера. Этим ущельем владел Ахмат Шах Масуд, очень умный и храбрый воин. Ущелье было хорошо охраняемо, и у духов было хорошее вооружение. Но душманы боялись вступить с нами в открытый бой. Сам

Ахмат Шах и небольшие диверсионные группы остались, а основные силы ушли. Диверсионные группы духов внезапно нападали на наши колонны, которые двигались по ущелью, жгли много техники, но и у них были большие потери. Была еще сложность, что все Панджшерское ущелье было заминировано, ставили мины и духи, и наши, а карты минных полей не делали, с вертолетов сбрасывали противопехотные мины «лепестки»: на первый взгляд похожие на лист от дерева, зеленые цветом, а наступишь – отрывает ступню. За два месяца со всей армии на Панджшере подорвалось 400 человек, там же погиб батальон мотострелков пехотной дивизии. Со всего батальона в живых осталось только три человека. Мертвых мы грузили на вертолеты в противобазах, потому что они пролежали сутки на жаре.

В конце моей службы нашей дивизией командовал Паша Грачев. Бездарный командир. Хорошо, что я с ним только на последнюю операцию попал, он пришел к нам в апреле. 8 июня 1984 года вернулся в полк, а 9-го в 9 часов утра я улетел домой.

То, что был в Афганистане, нисколько не жалею, потому что там нашел много хороших и верных друзей и увидел очень интересную и кра-

сивую страну. Афганцы – хороший народ, и я их понимаю: они боролись за свой дом.

В Афганистане награжден медалью «За отвагу» и афганской медалью «За мужество и героизм». Есть мечта еще раз побывать там, только в качестве гостя. Советское правительство зря развязало эту войну, ничего хорошего из этого не вышло. Только боль и горе матерей о погибших сыновьях и тысячи искалеченных судеб.

Ломакин Андрей:

«Считаю, что это судьба»

Андрей Иванович Ломакин родился в поселке Кирова Бурлинского района Уральской области Казахстана. Закончил среднюю школу и СПТУ № 24 по специальности «Регулировщик радиоаппаратуры». По этой специальности работал на заводе им. Ворошилова в городе Уральске.

В 1982–1984 годах служил в Советской Армии. После армии закончил институт и был распределен в Качканар. Работал на Качканарском радиозаводе. В настоящее время директор предприятия.

В учебной части «Гайжюнай» нас добросовестно готовили к службе в ДРА. Большое внимание уделяли физической подготовке, стрельбам и тактике ведения боя. Был даже построен городок с похожими на афганские улочками и домами. Перспективу будущей службы воспринимал без восторга, но вполне нормально: такое было тогда время.

При подлете к Кабулу обратили внимание на блики внизу. Нам объяснили, что это душманы передают информацию. Оказывается, они ведут настоящую «переписку» с помощью зеркал днем и фонарей ночью, ловко передают по цепочке, какая идет техника, сколько людей и т.д.

Приземлились часов в 8 утра, но солнце стояло высоко, и была жарища. Окружили нас старослужащие солдаты: в кроссовках, трусах и панاماх, черные, как негры. Они интересовались, откуда мы родом, но еще больше – содержимым наших вещмешков, к окрикам офицеров – никаких эмоций.

В Афганистане служил в 317-м полку. Первый год был командиром отделения во 2-й роте 1-го батальона. На втором году службы – старшиной 1-й роты в том же батальоне. Задачи выполняли самые разнообразные: от боевых походов, засад, сопровождения колонн до охраны объектов по большим праздникам, прочесывания кишлаков и т.д.

Бытовые условия – походно-бытовые. Парикмахерской не было ни одного раза, стриглись сами. В бане был раз пять за все время, так как жили или на броне, или в горах, в полк приходили

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

очень редко. Мылись в горных ручьях, топили снег или в лужах воду брали.

К климату нельзя привыкнуть: ночью замерзаешь, солнце поднялось – от жары изнываешь. Бури песчаные иногда идут такой стеной, что ничего не видно. Осенью – дожди, как по расписанию. Я был сержант, разводил солдат на посты. Часов в восемь заступаешь на пост, и минут через 15 – дождь, и эта смена всегда мокрая. Такой дождина хлестал, аж все вещи промокали, потому что вода лилась рекой. А перед дождем был такой сильный ветер, что происходила электризация. Темно-темно, хоть глаз выколи, а верблюжьи колючки, метра полтора

высотой, светятся, как фосфорные. По ним можно было ориентироваться.

Как-то раз на горы залезли, жарища была невыносимая. Взяли сухпай на три дня, а простояли полторы недели. Так и жили на трехдневном пайке: пили по одному колпачку от фляжки три раза в день. Прилетели вертолеты. Кружили-кружили, и давай бомбы кидать: попутали нас с душманами. Мы огни повскрывали, помахали – и они улетели. А бомбы я такие видел впервые. Они как будто фосфорные: падают, очень ярко горят и все выжигают. Одна бомба не полностью разорвалась, так мы от нее откалывали кусочки и поджигали, чтобы вскипятить котелок.

Об афганских солдатах и офицерах мнение сложилось не очень хорошее. Такое впечатление, что они не умеют воевать, или не хотят, или чего-то боятся. А вот сам народ мне понравился. Народ интересный. Что хочешь – все принесут. Страна бедная, а вещей, какие там, мы в Союзе и не видавали.

Одним словом, о службе я не жалею, считаю, что это – судьба и воспринимаю, как должное.

Марамыгин Павел:

«Афганистан воспринимаю как должное»

Павел Валентинович Марамыгин родился 15 августа 1963 года в селе Мехонском Курганской области. Закончил среднюю школу. 22 октября 1981 года призван в Советскую Армию.

в точке «местность» проходили акклиматизацию. После чего на майские праздники с пограничного военного аэродрома на вертушках отправили через границу в Кундуз.

Оттуда отправили в полк, который находился недалеко от границы с Узбекистаном. Из полка – в мотопехотный батальон. Наш танковый батальон был разбросан по северным провинциям. Я пришел проходить дальнейшую службу в провинцию Саманган, город Айбан. Мотопехотный батальон, к которому был придан наш танковый взвод, стоял у трассы на Кабул.

Первое впечатление после мирной жизни было, конечно, незабываемым. Пока с полка добирались до батальона по трассе, попадались горелые машины, разрушенные кишлаки. Мысли: куда попал, что будет дальше, ну и все такое. Полк был разбросан по территории провинции.

Попал в учебку в Еланские лагеря (Свердловская область) в танковый полк. Готовили командиров танковых экипажей для службы в Чехословакии и ГДР. Сдал учебку на «отлично», получил звание «сержант», должность «командир танка». Семь человек с нашего взвода направили проходить дальнейшую службу в Афганистан. Отнесся к этому нормально. Начальник штаба дивизии при встрече так и говорил, что все будет нормально.

В конце апреля нас из дивизии отправили в Свердловск, затем Ташкент, Ашхабад. В Ашхабаде

Батальон раскидан по трассе на гарнизоны, несли охрану дорог, помогали афганским войскам, если это требовалось.

Служил командиром танка, в Самангане – замкомвзвода. Потом перебросили в город Мазари-Шариф, провинция Балх. Возле города Шибиригана был газодобывающий завод, стояли на его охранении. Позиции были разбросаны, жили экипажами в землянках. Иногда снимали на операции. Ходили с афганцами, было и без них. Сопровождение колонн и все такое.

Басмачи вели партизанскую войну: делали вылазки и уходили в горы. Комбат всегда говорил: «Танки у меня начинающая сила и завершающая». Успехи? Было по-разному, были и потери. Служил со всеми национальностями, там были все братья. Командиры не кичились, особо не выделялись,

особенно младший командный состав. Их уважали и они нас. Там погоны не имели значения.

С афганскими солдатами и офицерами, конечно, общались на общих операциях. Их офицеры многие учились в Союзе и знали русский. Жили по-разному: в кубрике, землянке; баню я практически не видел, тем более парикмахерскую, питались тоже не лучше – сухим пайком. Не знал ни строевых, ни досуга. Отдыхали молча, все развлечения – водка. Местное население относилось по-разному, но, наверное, больше с опаской. Случаи были разные, плохие и хорошие.

Отслужил в ДРА двадцать месяцев и 22-го декабря 1983 года ушел на ДМБ. Наград не имею. После армии работаю и нисколько не жалею, что был там. Испытать себя тоже стоит. Вспоминаю всегда по-доброму. Было нужно, значит нужно.

Порываев Дмитрий:

«Я вспоминаю утренний Кабул...»

*«Я вспоминаю утренний Кабул,
Все необычно в маленькой столице:
И сумрак гор, и робкий голос птицы,
И улиц просыпающийся гул».*

8 августа 1982 года наш транспортник Ил-76 приземлился на Кабульском аэродроме. Позади Витебская учебка ВДВ, в которой остались доучиваться ребята нашего призыва, а мы после четырех месяцев обучения согласно приказа прибыли в Афган на замену убитым и раненым. Потом, через два с половиной месяца, мы вновь встретимся, и ребята с трудом узнают меня. Они – толстые и розовощекие, а я – худой, с коростой во всю правую щеку (вот что может произойти с обычным заедом в уголке губ), с руками, как лапы черепахи: достаточно не приглядная картина для тех, кто меня знал совсем другим.

Утренний Кабул... Терпкий запах растений, гул поднимающихся вертолетов. Мы пытаемся казаться невозмутимыми, но растерянность читается в глазах, суетливых движениях, громких голосах. Ноги с железного покрытия аэродрома вступают в мелкую, как цемент, пыль и сапоги, начищенные перед самым приземлением, приобретают, как и вся местность вокруг нас, серо-коричневый унылый вид.

Плაც 350-го парашютно-десантного полка – место, куда привели нас, место, куда начинают

стекаться «покупатели» – офицеры частей 103-й воздушно-десантной дивизии, те, кто разберет вновь прибывшее пополнение. «Покупатели», как на натуральном базаре, цепко высматривают товар, выбирая по росту, сложению, силе. В углу плаца сцепились рослый капитан, черный, как смоль, с выбитым передним зубом (командир разведроты «Бешенный» или «Черт»: здесь у каждого кличка) и верткий низкорослый татарчонок. Капитан смеется, пытается скрутить строптивца, но тот уворачивается, пытается сам провести прием. «Ладно, не пыхти – подходишь», – улыбается капитан.

На краю плаца с ревом и пылью лихо тормозит БТР-70: запыленные лица, запыленная броня. Кто-то негромко говорит: «Вторая рота из засады вернулась». Парни, небритые и хмурые, стаскивают нехитрый скарб и боеприпасы с брони.

- Ну, как прошло?

- Нормально, без потерь.

Оценивающие взгляды в нашу сторону, сигареты, угольком спрятанные в кулак, и даже их поза на корточках – во всем этом сквозит настороженность сжатой пружины, готовой в любой момент либо больно ударить, либо с большой скоростью уйти в сторону. Будем ли мы похожими на них?

Наши ряды редеют, большую часть новобранцев уже увезли. К полудню прибегает запыхавшийся, весь помятый капитан: «Саперы, где мои

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

саперы?» Ну вот, кажется, и мы дождались нашего покупателя.

Капитан Святский – «Сват», сколько грустного и смешного ты оставил после себя, сколько баек и историй будет ходить о тебе даже после твоего увольнения. «Знаете кто я такой? – первый вопрос, заданный нам – Я капитан Святский, командир инженерно-саперной роты, он же начальник столовой, он же начальник инженерной службы полка, он же...» – далее идет перечисление ряда высоких полковых должностей. А суть всего в том, что офицеры, уезжающие в отпуск, искали кого-либо, чтобы передать свои полномочия на время отсутствия. И, как обычно, им оказывался капитан Святский, которого просто распирало от этих достаточно высоких и значимых должностей.

«Так что, сынки, цените и уважайте своего командира», – заканчивал Святский.

Первое знакомство и первая байка. Уже будучи старослужащими, встречая транспортник с молодым пополнением, коронным номером было: «Боец, ты знаешь, кто я такой? Я ефрейтор ВДВ Порываев, он же старший сапер, он же дежурный по роте, он же герой апрельской революции, он же...», и так далее, кто во что горазд.

День заканчивается расселением. Первый из 685 дней, проведенных в Афганистане.

Первая моя операция на Панджшер. Нас сбрасывают с вертолетов. На тот момент, когда мы приземлились, сообщение: одного вашего (то есть из нашего призыва) уже убили. Сидел на точке, охранял, захотел пить, пошел к роднику, духи там и зарезали. Время с начала операции – шесть часов. Потом кишлак, чудом закрепившийся на отвесных скалах, жареная картошка, снятая с их огорода, пожаренная на их же масле, тут же салатик из

огурцов и помидоров, взятых с того же огорода. И первое знакомство со вшами – постельными. Мы забрались в покинутый афганцами дом, там одеяла, подушки; думали как дома, к утру встали – как после комаров, плюс ужасная чесотка.

В реке застрял танк со второго «Панджшера» (это когда в мае 82-го «непобедимая» афганская армия практически поголовно сдавалась духам). Ну, что делать, саперы, они же и инженеры, полдня провозились, доставая долбанный танк из реки с помощью вертолета, плюс помогали еще два БТС (инженерные саперные машины). Потом трубы, начиненные тротилом, взятым с того же танка, обнаруженные в кишлаке, и жалобный взгляд дехкана: «Ничего не знаю, ничего не видел».

И первый шмон в шикарном доме кишлака, когда мы вместо того, чтобы искать оружие, ели спелый виноград: все-таки осень. Я был в каске, поэтому пулеметная лента, обнаруженная «прадедом», после удара соскользнула на плечо. Олегу Журко досталось больше, он был в панаме.

На следующий день была высотка 3200 метров. Это по прямой, она может быть, и 3200 метров, а поднимаясь по тропе в виде серпантина, наверное, и все 6400. Команда: «Лишнего не брать – поднимемся на гору, организуем заслон часа на три и обратно». Но молодых это не касается, им по полной боевой. На половине пути появились первые «умирающие» из состава молодого пополнения, то есть из нас. Как поется в одной афганской песне: «За плечами РД, в нем боеприпасы, кружка, ложка, штык-нож, сухпак в запасе...» И вот вся эта хрень весит 30–40 кг. Старослужащие разобрали по себе рюкзаки молодых, и где уговорами, а где и пинками, заставили «мертвых» идти дальше. Я «умер» у самой вершины, и проходящий мимо с одним автоматом на плече капитан бросил в мою сторону что-то обидное. Но мне было не до него: в широко открытых глазах ночь и яркие белые искры.

Со спины слышу голос Олега Воронина, он засовывает мне в рот кусок сахара, во рту сухо, как в пустыне, не разжевать. Глоток воды из фляги (глупые и невыдержанные, мы выпили ее практически всю во время подъема), и я начинаю приходить в себя.

Два дня практически без воды и еды просидели на горке. Один раз сходили к отмеченному на карте роднику, попали под обстрел, принесли, сколько успели набрать. Внизу красочный пейзаж: кишлак вдоль голубой реки, зелень виноградников. Когда дали команду, что после бомбардировки нашей авиацией спускаемся в кишлак, я бежал так, как, наверное, никогда не бегал. Первые уже в винограднике поедают вместе с листьями

сладкий виноград-кишмиш. Кто-то кричит из-за соседнего дувала, что здесь виноград «дамские пальчики» и он кислее. Бросаемся туда, но и этот виноград не может утолить жажду. Иду к реке, она не такая голубая, как кажется с горы, можно сказать даже мутная. Наверное, только на втором литре выпитой воды начинаю ощущать странный вкус. Иду вверх по течению. Одна из бомб после бомбардировки попала в стоящий на берегу хлев, и река, изменив свое направление, вымывает скопившееся здесь дерьмо.

Обнаружен большой склад оружия и продовольствия, и наш «дорогой» капитан Святский доказывает, что в мешке не артиллерийский порох, а безобидные макароны. Для наглядности поджигает стопку. В результате опаленное лицо «старлея»-связиста и покрывшиеся большими волдырями руки Святского. Быстро уходим, так как духи очухались и насели с трех сторон. Под прикрытием дыма от взорванного склада мы выходим к своей броне.

Через день мы снова у входа в это ущелье. Две попытки захватить кишлак не увенчались успехом. Сегодня подтащили самоходные установки, идет артобстрел. Святский приказал нам троим вырыть окопы и ждать его дальнейших приказаний. Духи подтащили минометы поближе к нашей артиллерии, с гор бьют снайперы. Команда на отход. Святского нет. Выходим на последней БМДшке вместе с царандоем. На командном пункте полка нас уже ждут. Старослужащие стаскивают нас с брони и начинают бить: оказывается, мы бросили своего командира на поле боя. Ведут к командиру полка, где наш Святский, живой и невредимый, в красках описывает, как долго он нас искал, рискуя своей жизнью. Наши объяснения не принимаются. В качестве наказания тут же отправляют догонять взвод, идущий в засаду. Без еды, без бушлатов и плащ-палаток, только автоматы и боекомплект. К вечеру, переправившись по грудь в воде через реку, организовали засаду. Спасибо ребятам, дали сменную одежду и одеяла, накормили.

Через два дня получили команду подняться на сопку, перегораживающую дальнейшее ущелье на выходе из Панджшера. Сопка стратегически важна, поэтому регулярно переходит из рук в руки – то духовская, то наша. Сейчас на ней закрепилась афганская рота. Встретили хорошо, менялись продуктами, сигаретами. Со стороны ущелья постреливают, и те, у кого есть желание пострелять, ползут к окопам переднего края и отводят душу. Ближе к вечеру взрыв, кричат нас, саперов. Так как сопка регулярно меняла хозяев, то они, временные хозяева, обкладывали себя минными полями, как бог на душу пошлет. Подорвался афганский солдат. Странно, они в этом месте уже неделю как устроили туалет и вся территория засрана, и вот же угораздило. Афганцу оторвало ступню: налитые кровью, без зрачков глаза и еще не напитавшаяся кровью розовая плоть с белым куском сухожилия. Щупом проверяем местность. Саня, санинструктор, вкалывает промидол, вытаскиваем. Команда: «Ходить в туалет в другое место». Через час снова взрыв, на этот раз наш солдат. Он кричит и беснуется, и мы боимся подойти. Наконец, нам с Саней удается его прижать, и пока я держу, Саня вкалы-

вает промидол, потом он держит, а я протыкиваю щупом местность, вытаскиваем. Промидол начинает действовать: Саня вкатил ему две ампулы, и солдатик поплыл.

– Да и хрен с ней, с ногой, зато живой, а вы здесь все подохните. А я уже, считайте, дома.

Парень моего призыва, и прилетели вместе, в один день, месяц как в Афгане. Ребята, кто видел, говорят, что он и не срать туда пошел, а все ходил между камней, видимо, искал свою мину.

В этот же день сняли еще одного. Боец бегал по сопке, собирал пустые фляги под воду, видимо, духи увидели и начался обстрел. Он бросился бежать не через окопы, а напрямую, где целый участок мин-растяжек. Подорвался удачно: одна сработала, на двух растяжках лежит. Кое-как сняли. Спрашивает: «Куда попало?» Отвечаем: «Жопу посекло!» Хохочет: «Как же я с такой жопой дома в баню буду ходить? Да ладно, ерунда все, главное еще послужим».

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

В темноте выносили раненых к броне, помимо наших, еще трое: те, кто был в ущелье, прочесывал кишлак. Нам достался тяжелораненый из ущелья. Выносим вшестером на плащ-палатке, тяжелый. Сначала он только тихо стонал, через полчаса взмолился: «Ребята, не могу больше терпеть, сил нет, как больно». Знакомый голос, осветил фонариком: Саша Горюшкин, парень из нашей роты, прилетели с ним в один день. Узнал меня, плачет: «Я еще толком и не повоевал, да как же так вышло?» В кишлаке толкнул дверь во двор, за ней стоял дух с автоматом, плохо среагировал и получил две пули в пах и одну в левый локоть. Потом уже с гражданки прислал письмо в роту, что комиссовали по ранению, пах зажил, а с рукой проблемы: сохнет.

Замкомбата майор Голуб обещал представить нас к наградам за умелые действия на минном поле, меня и санинструктора, но я «прошарился». Три дня на сопке, закончилась еда, афганцы уже не такие добрые, как в начале, самим мало. На той стороне реки, на высоком плато, наша броня. По прямой километра два, через реку и по склону – все десять. Кто пойдет? Конечно, молодые, то есть мы – я и Володя Приходько из роты связи. Офицеры об этом не знали. Река бурная, в броне и каске не перейти, сняли и оставили под камнями. Дошли до брони, набрали полные рюкзаки консервов и обратно. Переправлялись уже в темноте, бронежилеты и каски не нашли, а с горки спускается колонна. Оказывается, нас уже объявили утонувшими, так как нашли на берегу наши пожитки, и поступила команда до рассвета найти наши тела. Офицеры забрали все мясные консервы, а нас продержали полночи на холодном ветру, в мокрых комбинезонах у своей палатки. Потом отпустили, отдав остатки консервов. Из наших никто не спал, ждали еду. Отдали консервы, а сами забились в самый центр, что бы хоть как-то согреться.

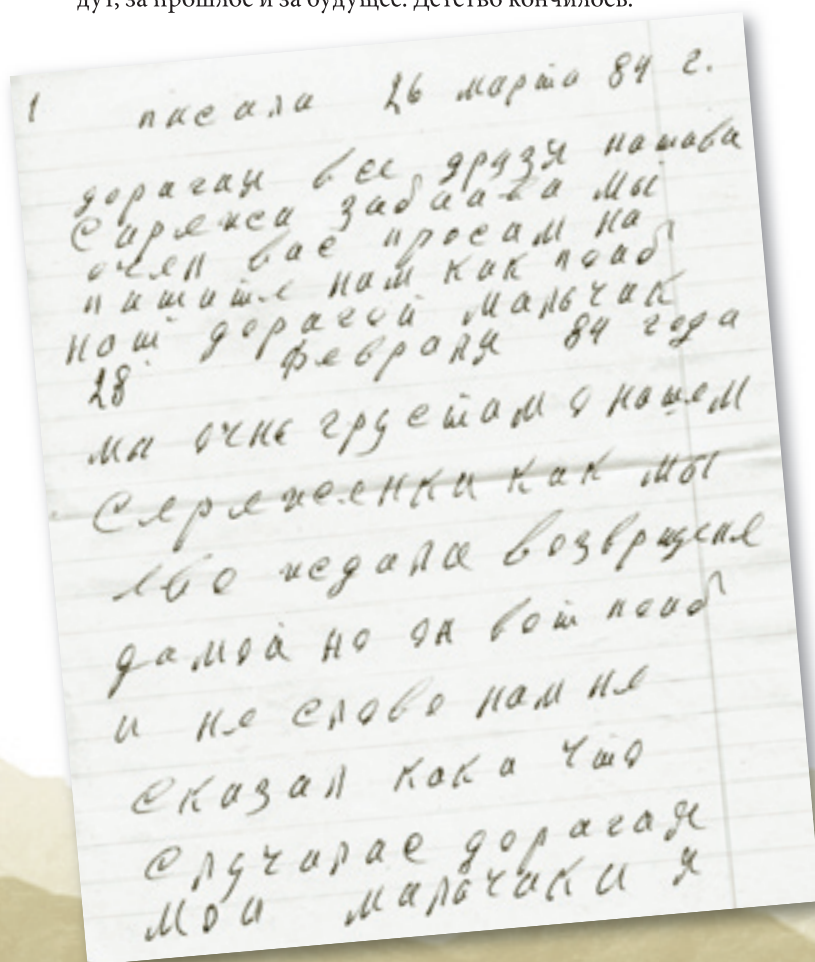
Через день вышли к броне. Встретил Олега Воронина. Они почти сутки просидели на горке – выкуривали духов из пещеры. Сидели бы больше,

если бы не подошли «химики» и не дали залп из огнеметов. У «курков» двое убитых.

Духи внезапно начали обстрел сгрудившейся колонны. Загорелся «наливник» и стоящий рядом ГАЗ-66 с боеприпасами. Парень из ремроты заскочил в кабину «газона» и сбросил объятую пламенем машину с обрыва. Уже позже был награжден медалью «За отвагу», кстати, второй по счету. Интересная штука жизнь: в ней всегда есть место подвигу. Первую медаль он получил, вытаскивая из подбитого БТРа раненого бойца. Простой ремонтник, а душа героя.

Конец нашей первой войне. Колонна выстраивается, и мы движемся в сторону Кабула. По обочинам брошенная боевая техника «доблестной» афганской армии. Повсюду поля некошенной пшеницы. Волнующееся золотистое море. Какой-то придурок пускает вдоль поля осветительную ракету. Выходим в зареве огня и дыма. После нас хоть потоп.

В части разгрузка техники и радость от писем, которые копились целый месяц. Долгожданное письмо от друга, который давно не писал, от Валерки Галиямова. Улыбаюсь, показывая его фотокарточку Воронину, с трудом доходит, что текст на обратной стороне фотографии написан не его рукой. Потом доходит и смысл самого письма: «Валерочка трагически погиб во время практики в колхозе...» Сажу у забора из колючей проволоки, плачу навзрыд, за погибшего друга, за испытания, что выпали на мою душу, и которые, наверное, еще выпадут, за прошлое и за будущее. Детство кончилось.

Плотников Геннадий:

«Раз живой — значит нормально»

Геннадий Аркадьевич Плотников родился 21 июня 1963 года в поселке Лесорубовский Мурашинского района Кировской области. В 1965 году семья переехала в Качканар, где Геннадий закончил 8 классов школы № 6 и СПТУ № 92 по специальности «машинист дорожных машин». Работал на базе механизации треста «Качканаррудстрой». В 1982–1984 годах служил в рядах Вооруженных сил.

Учебка в Лосвидо (Белоруссия) была нормальной, там нас учили выживать. Раз живой — значит нормально.

8 августа 1982 года я был уже в Афганистане. В Кабуле нас разбросали. Я попал в 357 полк Витебской воздушно-десантной дивизии. В полку было три батальона: 2-й охранял штаб армии, 3-й стоял в Лашкаргахе, наш, 1-й, находился в Кабуле. В батальоне было 4 роты: три обычных и одна рота управления. В ней я и служил в должности старшего радиотелефониста. Правда, не сразу: первые полгода был помощником гранатометчика, таскал выстрелы к гранатомету, стрелял из него, бывало, попадал. Несколько ребят из роты управления ранило, и тех из нас, кто покрепче — туда. Станция Р-103, на которой я работал, вместе с аккумуляторами весила 22 килограмма. А еще РД и продовольствие.

Я ходил вместе с командиром роты и поддерживал связь с управлением батальона. Передавал информацию, координаты для стрельбы, к какой высоте выходить и т.д.

Командиры у нас были хорошие. Молодые лейтенанты, которые недавно из училища, бывало, прикапывались по мелочам: «Почему честь не отдаешь?!» А в остальном нормальные. Командир роты, капитан Колыванов, учил нас уму-разуму. Постоянно с нами на зарядку бегал, гонял до седьмого пота. Все это было только на пользу.

Однажды была операция в районе Лашкаргах. Стояла задача захватить высоту. А духи обстреливали. Сильный такой обстрел был, даже головы поднять нельзя. Это правда. И чтобы одна рота зашла в горы, наша совершила обманный маневр. Духи перевели огонь на нас, а другая рота нормально зашла. На моих глазах ранило сержанта. Я остановился и перетащил его за камни, чтобы хоть как-то укрыться от минометного обстрела. Сержант был ранен в ноги, я его перевязал. Потом полтора часа мы с ним отстреливались от духов.

Эти полтора часа показались вечностью. Но мы не сомневались, что нас вытащат. Так и получилось. Ребята увидели, что нас нет, пошли по ущелью за нами. Но даже все вместе мы не могли вытащить раненого. Вызвали бронемашину и только тогда его погрузили и увезли. Меня представили к медали «За отвагу».

И вот построение батальона. Комбат командует мне, рядовому Плотникову, выйти из строя. Зачитывает строки указа: «За мужество и героизм, проявленные...», — цепляет мне медаль. Приятно, конечно, но какое там мужество и героизм? Случись со мной беда, ребята и мне пришли бы на помощь. Так у нас было заведено.

Перед самым дембелем, месяца за два, нас послали охранять маршала Соколова. У него в Кабуле была резиденция. За руку, конечно, не здоровался, но когда он приезжал, видел достаточно близко.

А больше «больших звезд» не видел. Однажды во время совместной с царандоем операции встретил полковника. Он был советником в Афганской армии, родом из Свердловской области, и очень обрадовался, что я его земляк. А на царандоевцев мы насмотрелись: спрячутся за камни и палят вверх. Вояки!

Без двух месяцев два года продолжалась моя служба в Афганистане.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Смирнов Валерий:

«Мы, разведчики, должны засечь»

Валерий Павлович Смирнов родился 5 июля 1963 года в городе Североуральске. Закончил 8 классов в средней школе № 8 г. Североуральска, получил специальность электросварщика в СПТУ № 95. С 1982 по 1984 год служил в рядах Вооруженных сил. После увольнения в запас вернулся в Североуральск, работал на шахте № 16, был председателем городского совета ветеранов Афганистана. С 1993 года живет в Качканаре. У В.П. Смирнова двое сыновей и дочь.

В учебке в Чирчике нас готовили дембеля – «афганцы», по каким-то причинам дослуживавшие последние месяцы в Союзе. Получил специальность разведчика.

Уже в июле был в Афганистане. Сначала Кабул. Там войска, люди черные все ходят. А мы молодые, ничего не знаем, чуть-чуть зашуганные. Потом на вертолете прилетели в Гардез, за Кабулом 90 километров. Там находилась 56-я десантно-штурмовая бригада, в которой я служил. Нас в бригаду прилетело человек 180. Потом нас разбросали: кого оставили в бригаде, а человек 30 попали в боевое охранение. А это еще от бригады километра три. Мы защищали левый фланг бригады, с этой стороны «духи» постоянно обстреливали. Там стояли гаубицы, ПТУРСы (реактивные, управляемые снаряды), «ноны». В это боевое охранение входил наш взвод. Во взводе были отделения: хозяйственное, связи, разведки. Я служил в отделении разведки.

Жили мы в палатках. Палатки были большие, 30 местные, в количестве 20 штук (всего в бригаде было примерно три с половиной – четыре тысячи человек). В палатках койки, зимой – буржуйки, всякие плакатики висели. Были дома из глины, в них жили офицеры, у них же была баня. А мы мылись в арыке, который был недалеко. После года службы стали ходить в офицерскую баню. Разведчики были как бы элитой, вместе с этими же офицерами ходили на задания. В двух палатках принимали пищу в порядке очереди, взвода по три.

За два года у меня было 30–40 боевых выходов. Если где-то что-то – мы выход делаем. Мы, разведчики, должны были их засечь, а все остальное делала артиллерия. У нас стояли 12-ствольные «Грады» на базе ГАЗ-66 и 40-ствольные на базе «Урала».

Первые месяцы три нас никуда не пускали. В основном, ходили «молодые» и «деды». А потом и нас стали натаскивать. Первый раз мы к Панджшеру ходили. Начали нас обстреливать. Дембеля отстреливались, а мы стреляли, сами не знали куда, лишь бы в своих не попасть. Дембеля – молодцы: «Молодежь, лежать!», – а сами – раз, раз...

Второй раз в горы пошли, я уже обтесался. По духам пострелял, видел их, слышал, как они кричат: «Аллах, акбар!»

Но самому досталось ближе к концу службы. Я отслужил год и три месяца, был почти «дед». Спустились мы с Торы (населенный пункт и ущелье). Мы шли к бригаде, БМД-шки 8 штук ушли вперед вниз, а мы что-то задержались. У нас в разведке были две машины ГАЗ-66. И нам как дали духи, как начали обстреливать. Я сразу получил осколочное ранение в голову. Но отпор-то мы все-таки дали. Потом запрыгнули в машины и вниз. Чуть не разбились, потому что летели вниз километров под 90–100. Наш 66-ой был весь в дырках, как по колесам не попали. Хорошо нас спасли БМД-шки внизу. Их тоже обстреливали, но они дали нам пройти, как бы стену сделали, мы и проскочили. После этого на меня первый раз написали представление на медаль. А вообще таких обстрелов было много. Они стреляют – мы стреляем.

А самый страшный случай произошел под дембель, я к нему уже готовился, у меня «парадка» была начищена, наглажена. Где мы были? Уже не

вспомню. Зашли в аул где-то километрах в 50-ти от Кабула. Зашли туда на четырех БМД-шках. И напоролась на «духов». Они долбят нас с гор. Две БМД-шки спалили из гранатометов. Часов 5–6 мы сражались. Четверо были убиты сразу же, 14 бойцов было ранено. Если бы не подошло подкрепление, нас всех бы уничтожили. Мне посекло грудь – порвало осколками. Еще падал – контузия. За этот бой получил медаль «За боевые заслуги».

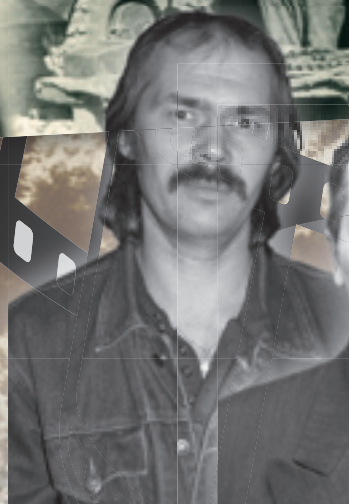
После госпиталя – на дембель. В армию пришел рядовым, уволился старшиной, замкомвзвода, не прогибаясь.

1983

Ахматов С.
Белоусов В.
Дерышев О.
Дятлов О.
Евстратов П.
Иванов А.
Ковальчук А.
Куликов О.
Логинов А.
Минибаев Ф.

Маслеев А.
Мальцев П.
Просыпкин А.
Парфенов С.
Плюснин Л.
Подузов С.
Сергеев А.
Ураков К.
Утузиков Л.
Черноголов А.
Чекушин Н.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Белоусов Владимир:

«Солдаты честно служили»

Владимир Евгеньевич Белоусов родился 20 августа 1964 года в городе Хорошаево Карадейского района Башкортостане. Закончил 8 классов в школе № 4, затем ГПТУ № 92, получил специальность электросварщика. 27 октября 1982 года призван в ряды Вооруженных сил.

После армии работает в Качканарском ГОКе.

Полгода проходил службу в учебной части в Литве ст. Гайжюнай. Служил в ВДВ, военная специальность – механик водитель БМД. В учебном полку наш батальон был «афганским», то есть механиков брали с нашего батальона, а по другим специальностям из других учебных полков. По окончании учебной части весь батальон выстроили на плацу. Вызвали курсантов, в том числе и меня, построили и отвели всех в одну роту. Настроение у всех было хорошее, даже шутили.

Переброска в Афганистан была с аэродрома в Скидонайтже на Ил-76 с одной посадкой в Узбекистане. Нас было 200 человек.

Прилетели в Кабул. Это было в апреле 1983 года. Было очень жарко, кругом военные палатки. Нас отвели в клуб, где распределили по полкам. Я попал в 357-й полк ВДВ. Располагался он в крепости Балхисар. Там нас опять распределили, и я оказался в 3-м взводе 2 роты батальона. Остальные батальоны служили на заставах. Моя должность – старший механик-водитель взвода. Участвовал в боевых действиях на Пагмане, ходили в Чарикарскую долину, город Баграм, осуществляли зачистку зеленых зон в сторону Гардеза и Газни. Потери были в основном летом 1984 года. Убитых из роты было 5 человек, в том числе Владимир Вепрев из Качканара.

Зимой 1983 года наш батальон охранял резиденцию Генерального штаба СССР во главе с маршалом Соколовым. Генералов там было много, и они все относились к нам очень хорошо. Некоторые даже с нами бегали на зарядку. Они приказали, чтобы нас кормили двойной нормой.

Афганские солдаты служили по принуждению. Я разговаривал с одним офицером, он окончил Одесское артиллерийские училище. У него в Союзе была девушка, и он говорил, что через пять лет вернется обратно, когда закончится контракт.

Жили в казарме. Здание было двухэтажное. Питались в столовой. Была своя душевая. Парикмахерской не было, стриглись сами – были свои спецы.

У нас был клуб. К нам приезжали артисты. Два раза был Кобзон, Роза Рымбаева, ансамбль «Голубые береты» и т.д. Показывали разные фильмы.

Служба закончилась после приказа министра обороны Д.Ф. Устинова. Нас привезли на аэродром. Прилетели самолеты Ан-12, нас заставили их разгрузить. В самолете были гробы и дипломаты. Затем посадили в него и полетели в Ташкент. На высоте 7500 метров у всех заложило уши и не хватало воздуха. Все, думали, не долетим. Не было кислородных масок. Но все-таки долетели. Награжден после службы медалью «За боевые заслуги» за Чарикар.

Афганистан дал мне хороших друзей. Как факт биографии страны – это позор. Но солдаты не виноваты, они честно служили и гибли, выполняя свой воинский долг.

Дерышев Олег:

«В то время «полтинника» боялись»

Олег Валентинович Дерышев родился 4 апреля 1964 года в Качканаре. Закончил 8 классов в школе № 7 и СПТУ № 92 по специальности «машинист широкого профиля». Работал на заводе ЖБИ «Стройдеталь 70». В октябре 1982 года призван в ряды Вооруженных сил в октябре 1984 года уволен в запас. После армии работал в железнодорожном цехе Качканарского ГОКа, в Пелымском лесхозе.

В настоящее время работает в ОАО КГОК «Ванадий». Отец двоих сыновей.

В учебную часть в Фергану нас прибыло 500 человек, в основном из Свердловской области. Попали в ВДВ, как и хотели. Первые три месяца отстраивали учебу. Причем, физическая подготовка, строевая, политическая, огневая шли по полной программе, а все по строительству – в свободное от учебы время, после ужина – и как сделаешь.

Мы с Олегом Дятловым попали в артдивизион, его и отстраивали. А как попали в артдивизион? Все наши качканарские ребята прошли впереди меня и попали в роты. А меня спросили кое-что из таблицы умножения и сделали вывод: «О! Артиллерист!» А у меня перед глазами поплыли кадры фильма о Великой Отечественной: по болоту тащат пушки. В артиллеристы я не хотел, но кто будет спрашивать твое желание, это – армия.

В артдивизионе было три батареи: минометчики, гаубичники, ноншики. «Нона» – новейшее орудие наземной артиллерии – очень интересное орудие, в то время самое современное, поэтому засекреченное. По Фергане оно если передвигалось, то в зачехленном виде. Стреляла эта пушка тремя видами снарядов: 120 мм мины, штатные снаряды и реактивные.

А военную специальность получали тоже с помощью таблицы умножения. Кто призадумывался – те заряжающие, кто быстро отвечал, попадал в наводчики, потому что быстро нужно было высчитывать. Так я стал наводчиком и прослужил в этом качестве больше года.

В начале апреля 1983 года нам сказали: «Завтра в четыре часа подъем, в шесть вылет». И вот на самолете Ту-134 пересекли границу. Афганистан нас встретил жаркой весной.

Полк был на боевых. Возле столовой встретили земляка, Андрея Лобанова, он на год старше призывался. С ним пообщались. А потом уже Порываева встретил, Воронина; они на полгода старше призывом.

Наш 350-й – очень чудесный полк, самый боевой в 103-й воздушно-десантной дивизии. Если

«духи» замечали, что идет «полтинник», они старались лучше отойти в сторону, пропустить колонну и не связываться. Шли мы как-то в колонне с мотострелками, шли впереди. А колонна растянулась большая: полк не полк, но батальона два было. И слышно, что в конце идет «война». Мы всех пропускаем, разворачиваемся – и туда. Туда приезжаем: да, «духи» атаквали. Теперь здесь тишина. Идем в конце колонны. Минут 20 проходит, слышим – впереди «война». Мы опять туда всем батальонам, а там нападение из засады было. Сделали так: по две-три машины распределились по колонне и спокойно дошли до Теплого стана (пригород Кабула), расположения 108-й дивизии. Ребят из 108-й привели, сдали, а сами поехали дальше. Это не байка. В то время «полтинника» боялись.

У нас были хорошие офицеры. Бесспорно, первый в этом ряду был командир дивизии генерал майор Альберт Евдокимович Слюсарь. Через несколько недель после нашего прилета случился инцидент: полк был обстрелян. Мы шли на ужин и над головой прошли трассера. Все, конечно, попадали. Утром мы побежали на зарядку, вокруг

колючки стояли танки, БМДшки, усиленный караул. Рядом с нашим полком было два кишлака, здоровых, богатых. Слюсарь в сопровождении офицеров обошел кишлаки (саперы разминировали дорогу), и до его ухода из дивизии из этих кишлаков нас больше не обстреливали. А он им

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

сказал: «Вот у вас тут растет кукуруза и рожь. Еще один выстрел, и поле расширится ровно на эти два кишлака». Они ему поверили, потому что если он сказал – сделает. Он был за солдат горой, если кто-то ранен, если, не дай Бог, убит – стружку снимал с офицеров.

Только хорошее могу сказать о командире полка подполковнике Соловьеве. Молодой, чуть больше тридцати лет, он никогда не оставался на броне. Всегда был в горах с ребятами. Когда после него пришел другой – Сыромятников (это уже под мой дембель было), сразу увидели разницу. С первых же боевых улетел на вертолете. Ранен, что ли? Как боевые, на второй день улетит – медвежья болезнь. Он никогда в горы не ходил. Зато всегда ходил начальник штаба майор Кинзерский. Человек волевой, правильный. Солдата, который ходит по горам, он никогда не давал в обиду.

У меня сменилось два комбата. Сначала был Нижник, его сменил Гудин. Уже через неделю у меня с ним произошла стычка. Мы жили еще в палатках. Вокруг палаток должно быть чисто: ни бычков, ни мусора, ничего. А вот что за территорией – меня это не волнует. Как-то он шел от штаба полка и нашел пять патронов. Подошел, я доложил, как положено: «Дневальный за дежурного такой-то».

- Это что?

- Патроны.

- А вы знаете, где я их нашел?

- Не имею понятия!

- Я нашел их вон там. Там есть еще. Сходите, подберите!

- Нет, это не моя территория.

Он построил взвод и объявил мне трое суток ареста. Я спросил: «За что?» Он объявил: «Пять суток». Я сказал: «Не имеете права!». Если патрон терялся в Союзе, там да, все перекопают. А здесь я и не такое видел. Он ушел в штаб выписывать на меня документы на гарнизонную гауптвахту в Кабуле. Я же был совершенно подавлен: ни за что получил пять суток ареста. Меня успокоил замкомвзвода Паша (по званию мы называли друг друга только при офицерах, а так-то по имени): «Не бойся: чтобы тебя посадить на «губу», нужно или кубометр досок, или два мешка цемента!» Ничего себе! Оказывается, сопроводительных документов мало, нужны еще и стройматериалы, чтобы меня посадить. С тех пор у нас с комбатом так и повелось. Он начнет что-нибудь на меня, я

на дыбы. Он: «Трое суток!» Я: «За что?» Он автоматически: «Пять!» Я: «Не имеете права!» Все хочут. Всего за время совместной службы он объявил мне 33 суток ареста (11×3).

А как военный специалист он был очень грамотный. Попадались дуболомы, посылали координаты (вот, «курки», допустим), и сразу орут:

«10 беглыми!» То есть 10 мин нужно отстрелять, а как снаряды лягут – это не важно. Он же это дело высчитает на карте: «Нет, ребята, давайте-ка дымовую бросим». Это такая мина, она падает, разламывается, как бы для пристрелки. Она не приносит никакого вреда. Александр Ковальчук как-то вспоминал: «Мы лежим, отдыхаем и вдруг в наш круг падает дымовая мина. И мы как-то сразу испугались, потому что она пристрелочная. И заорали: «Вы что делаете?!» А ведь мы бы всю роту перекошили сразу. Повторюсь, это был очень грамотный офицер.

Наш первый командир взвода был очень хороший, КМС по всем видам спорта, которые в армии могли быть, под два метра ростом, грудь колесом, талия осиная, кулак, как два моих. Жаль, был недолго. А вот на смену ему пришел старший лейтенант, лет ему за тридцать, а как специалист – ничто. Мы попали под сильный кинжальный огонь. А мы же работаем по команде. Он же дает такие координаты, что мы бьем за кишлак. Хотя я вижу огневые точки, там 200–300 метров всего. Капитан, командир второй роты 1-го батальона, кричит: «Что вы делаете? Снимайте, работайте по прямой!». Мы раз по пять стрельнули и подавили огневое. А так нас к земле прижали капитально. «Курки» не могли встать. С тех пор к нему пропало всякое уважение.

А комбат настраивал наоборот: если мы видим огневую точку, мы должны ее уничтожить. «Курки» не должны страдать из-за того, что мы деревянные. Будущий Герой Советского Союза майор Салуянов всегда брал нас для огневой поддержки.

Мы относились к спецам. В полку были три батальона и спецы: саперы, разведчики, артиллерия,

зенитчики, автомобилисты (РМО). Размещались в четырех модулях: в двух батальоны, спецы тоже в двух. Был свой клуб, столовая. Батарея – три машины, это был взвод. Второй взвод стоял на точке.

Одной машиной мы выстреливали по 120 ящиков штатных снарядов, в каждом ящике по два снаряда. Работаем час. Двумя машинами разбили караван. Караван разбегается, мы его в кучу собираем.

В расчете четыре человека: командир, механик, наводчик, заряжающий. Командир принимает команду и дублирует наводчику, наводчик выставляет на панораме полупрямой или мортирой. Механик, когда ведется стрельба, подносит боеприпасы: там специально лоток делается, он с улицы нам подает. Заряжающий заряжает снаряд, загораются три лампочки: можно стрелять. Нажимаешь рычажок, и полетело на расстояние до 15 км. Корректировать огонь могут сверху «вертушки».

Зона ответственности у нас была большая. Но в основном мы ездили работать. Потом читаешь в «Красной звезде», что в какой-то провинции, допустим, Пагман, была обезврежена банда силами афганской армии и с помощью мирного населения. А это были мы.

Боевые

Навсегда в памяти останется первая операция и первый из нашего призыва убитый. Ходили всего на один день. Там «курков» прижали плотно: взвод возвращался и нарвался на засаду. И вот парень нашего, 1982 года призыва, даже в арык упал, и то его пуля настигла. Вертолет сел возле нашей батареи, нам пришлось его грузить.

А потом пошли на Пагман, боевые были 2–3 дня. Нас начали обстреливать внаглую, из всех видов оружия: минометов, гранатометов, стрелкового. У меня, наводчика, свой люк, мне интересно, я вылез, и на все это смотрю. Все свистит, визжит. Командир расчета Паша Мелехин так дернул меня за ноги, что я резко приземлился (а сиденья жесткие, думал, что почки в пятки уйдут). Он кулак мне показывает: «Тебя ж, наверное, дома матушка ждет?» С тех пор стал остерегаться. А комбат Гудин нам говорил: «Все, что видите, слышите, что визжит, шипит – это не ваше. А если слышите звук, и он обрывается – это точно ваше».

Пару раз попадали под свой обстрел. Это очень неприятно. Была операция под названием «Тюрьма». В горах, в скалах были сделаны такие пещеры – можно заблудиться. Говорили, что там наших парней держали. Спускались ниже Кабула, по серпантину, шли в темноте, не зажигая огней. А когда разрешили развести огонь, чтобы покушать, «курки» развели небольшие костерки. А за день до нас в этом месте дальняя артиллерия разбила караван на две части. Одну отсекала, второй удалось прорваться. Наблюдатель сидел почему-то сзади и сбоку от

нас. Они это увидели и нас обстреляли. Гаубичный снаряд попал в середину брони. У нас был убит один разведчик, два человека были ранены.

Но дня через три «духи», которые не прошли, решили прорваться, но они не знали, что здесь большой заслон. Сзади нас стояли разведчики. И вот разведка вела с ними бой, обстреливали их с гранатометов. А гранаты пролетали над их головой и прилетали к нам. Утром встали, когда все это успокоилось – воронок было очень много. А нам еще самим работать нужно было: курки в горах нуждались в поддержке.

В тех местах мы были два раза – летом и зимой. Летом было очень жарко – до плюс 50° в тени. Такая страна: метров на 300 спускаешься – Джелалабад – три раза в год мандарины вызревают, обезьяны, пальмы, попугайчики... До нас ребята в этой провинции были, привезли обезьянку и подарили командиру полка: раненая бегала, ее подобрали, доктора вылечили. «Чем ее кормить буду?» – озада-

чился командир. Ему натащили мандарин. Потом он отвез ее в штаб армии и там кому-то подарил.

Самая длинная, самая запоминающаяся операция была в Панджшере. Как в начале апреля ушли, так и бродили до 1 мая. Воевали там против бойцов Ахмад Шаха Масуда. Это был очень умный полевой командир. Он за месяц вывел из ущелья все мирное население, дал каждой семье свои деньги, чтобы они все это переждали. Там дважды я встречал свой полк, мы прикрывали. В полк нас не брали, мы были прикомандированы к арtpолку, а артбатарея была прикомандирована к мотострелкам.

На каждом шагу нас ждал сюрприз. На каждом. Комбату сказали встретить роту и сказали, где примерно те выходят. Мы сорвались встречать, встали на место, заняли огневую позицию, по радиции передали, где мы стоим. Нам сказали: «Вы что? Они от Анавы должны спуститься метров на 800». А мы уже умчались километра на полтора, то есть к «духам» в гости рейд соверши-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

ли. На следующий день поехали в ту же сторону, но большой колонной. И сразу подорвались два КамАЗа. Оказывается, мы как-то проскочили эти мины. Я всегда доверял нашим саперам: что Просыпкин, что Воронин – это железно. А те прошли со щупом, даже с собаками – и пропустили.

Наши колонны они редко трогали, особенно если везли бензин и муку в Кабул. А вот если боеприпасы... Река в Панджшере бурная, особенно весной. За каждую ночь она прибывала на 50–70 сантиметров. Она поднимается – мы отходим, меняем огневую.

Потом еще были в Панджшере, но меня уже не брали, моя машина была сломана. Приехали специалисты из Союза, я им сказал, сколько она наездила, настреляла – они не поверили: она давно должна была развалиться.

Как-то приехала большая делегация из Кабула, гражданские и военные, и сказали, что мы положили полторы сотни мирных людей, вместе с ишаками и верблюдами. До них там были наши ребята и обнаружили героин, перемешанный с пылью – караван шел с наркотиками. Нам сказали, что мы сработали на отлично. А вот те пришли и сказали, что мы типа 100 мирных жителей загубили. Но мирные жители с караваном не ходят. Они нашли у 50-ти человек удостоверения боевиков и сделали вывод, что остальные – мирные.

У афганцев междоусобица была до нас, при нас и после нас. Был случай, командир дивизии построил всю дивизию и сказал: «Ко мне пришел полевой командир такой-то и предложил объединиться». Все смотрят с недоумением. «Да, предложил объединиться для того, чтобы напасть на 108 мотострелковую дивизию, которая располагалась в Теплом стане». На языке вертится вопрос: «Для чего?» А полевой командир такой-то сейчас разговаривает с командиром 108 дивизии для объединения, чтобы напасть на 103 воздушно-десантную дивизию. Созвонились: «Да действительно, сидим, чай пьем, ведем переговоры, где и как тебя легче остановить». А Слюсарь ему говорит: «Ты спроси-ка у своего протеза, не знает ли он случайно складов с оружием моего полевого командира?» Так они сдали друг дружку. Мы пошли на их территорию склады подметать, те – на нашу. Сделано все было красиво, грамотно, полевые командиры даже не поняли, что сделали. Местные воевали между собой. Саша Ковальчук вспоминал: «Мы лежали в ущелье, ждали команды «отдых». Прошли мы тихонько и легли. И потом даже не поняли – такой треск прошел. Мы сразу заняли круговую оборо-

ну, и все равно понять не можем: по нам никто не стреляет, но ... стреляют. Когда рассвело, увидели: с этой горы ведут огонь по той, с той – по этой. Оказалось, две банды выясняли отношения между собой. Подождали, пока у них более-менее патронов кончатся, помогли и тем, и другим».

Был случай...

Наводчики с «вертушки» передали: «Видна вооруженная группа в количестве от 8 до 12 людей. Поселок Зима». А мы пришли в сопровождении кинопередвижки на блокпост, где стояли наши ребята. Были всего с одной ротой. Это был дневной выход, ночевка не планировалась. Думали, покажем – и домой. С горы мы зайти не смогли. Если бы зашли с горы, там улицы узкие были. И мы решили обойти этот поселок. Обходить пришлось через большой овраг. На выходе из оврага была хорошая такая площадка – на ней обмолачивали хлеб. Когда мы вышли на нее, с этого поселка Зима, с огородов, где у них виноград растет, нас начали обстреливать. Очень хорошо нас тогда прижали.

Другой случай был в сопровождении. Мы обеспечивали проход колонны наливников-КамАЗов и встречали колонну «Уралов». Они должны были разминуться. Тогда ребята-саперы постарались. С участка 800×1200 метров они сняли более 30 противотанковых мин, две авиационные бомбы на замыкателе, 100 килограммовых, более пятидесяти пластмассовых итальянских противотанковых. Рассвет, идем в колонне. Бегут два человека по полю и раз в «зеленку». Встретили колонну наливников, она состояла из пятидесяти машин, в основном КамАЗы, посередине шел МАЗ. Он не такой скоростной, как КамАЗ, и за ним тянулось более двадцати машин. И из-за поворота их сожгли. В открытую вышел гранатометчик и стрельнул. В это время уже шла колонна «Уралов» с боеприпасами. А нас потом по всей дороге обстреливали с гор из ДШК, мстили за то, что мы сняли у них столько боеприпасов, мин и не дали уничтожить две колонны. У нас зато хорошо работали зенитки. Зенитка – такая хорошая штука: нажал на гашетку, и она косит. И ночью, когда нас из ДШК обстреливали, они одну подавили сходу, даже без пристрелки: шлеп и готово. Хотя мы тоже были готовы, нам сказали приготовиться к ночной стрельбе.

Медаль «За боевые заслуги» получил за свою работу наводчиком, за обеспечение хорошей проходимости «курков» по горам, насколько это было в моей компетентности. Службу закончил в звании старшины.

Дятлов Олег:

«В Афганистане отметил три новых года»

Олег Валентинович Дятлов родился 14 ноября 1963 года в Качканаре. Закончил 8 классов в средней школе № 7, затем СПТУ № 87 по специальности «Обогатитель широкого профиля». В 1982–1985 годах служил в Вооруженных силах. После увольнения в запас работал мастером холодильных агрегатов в ОРСе Качканарского ГОКа, в настоящее время – в частной фирме.

В армию шли с желанием, в Афганистан рвались сами. К службе там были готовы. Еще на гражданке ездили в Нижний Тагил на прыжки с парашютом. Очень много в плане закалки дала учебка (Фергана, Чирчик). Там я получил специальность наводчика минометной установки «Василек». Это выкатной миномет, шестизарядный, устанавливается на автомобиле ГАЗ-66. Обслуживают его четыре человека.

Отсчет моих афганских дней пошел с 15 мая 1983 года – в этот день мы приземлились в Кабуле. В сущности, страха не было. «Покупатели» приехали из Харайханы – это кишлак такой, а вообще мы это место называли «Теплый стан». У нас был горный батальон. Чисто внешне это выглядело так: плац, два офицерских модуля и наши палатки. У каждой палатки грибок, дневальный стоит, и по периметру часовые.

Вода была привозная, в бочках. Бочки нагревались махом на жаре. Кормежка сначала была очень хорошая, а потом будто бы сбили гражданский Ил-76 и продукты перестали доставлять воздухом. А колоннами доставляли – случались перебои, даже с хлебом – в ход пошли галеты. Главным блюдом стали «клейстер» (сухая картошка) с «красной рыбой» (килька), от всего этого была изжога. Когда стали старослужащими, начали готовить сами. Собачек, бывало кушали: вкусно и полезно.

Обстрелов не случалось. Рядом стоял артполк. И если у афганцев какой-то праздник или еще что-то, этот артполк выставлял САУ, и те наводили шорох по горам по определенным точкам через некоторое время.

Мы прижимали «духов», когда шла проческа кишлаков. Во время одной из них чуть сам не по-

лучил. Ходили на проческу с разведзвездом – наш расчет пошел дополнительно. Когда проходили, с левой стороны кишлак был, а с правой – дувал и поле какое-то. Шли по дороге замыкающими с молодым бойцом, прикрывали взвод: вдруг откуданибудь «дух» выскочит? Я иду с одной стороны дороги, тот с другой. В этом самом дувале, или заборе, такое пространство, метра три. Как раз солнце стояло высоко, и тень от солдата падала прямо на этот проход. Только я ему крикнул, чтобы он отошел, чтобы тень не падала, а оттуда с гранатомета – как дадут. И ладно попали в дувал. Ну, контузило немножко. А солдат успел отскочить. Потом с нами в проческе стал участвовать царандой. Мы идем, с нами их рота, они выставляют своих часовых. Хотя с местным населением у нас проблем не было.

Четыре месяца был в командировке в самом Кабуле: охранял нашу контрразведку. Их организация называлась «Кобальт». Идет, например, кто-нибудь из них в посольство – мы сопровождаем. Причем, было запрещено ходить в форме – только в гражданке. Потом за нами приехал прапорщик и увез обратно в часть.

Вообще, прикольно было. Я ни о чем не жалею, хотя и переслужил четыре с половиной месяца: в Афганистане отметил три новых года и три дня рождения.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Евстратов Петр:

«Строили мосты, ремонтировали дороги»

Петр Николаевич Евстратов родился 12 июля 1963 года в селе Восточная Старинка Тамбовской области. После окончания школы работал в совхозе, закончил курсы трактористов и шоферов.

В 1981–1983 годах служил в Советской Армии. После увольнения в запас вернулся в родное село. В 1984 году переехал в Качканар, работал на радиозаводе. В настоящее время работает на Качканарской ТЭЦ слесарем.

Служить я попал на китайскую границу, в инженерно-саперные войска. В то время отношения с Китаем были не особо дружескими, поэтому часто имели место провокации.

Где-то примерно через год службы к нам в отряд приехал подполковник и стал комплектовать группу для Афганистана. Набирали для инженерно-саперных работ. А мне был объявлен отпуск: я отслужил год, к тому же занял первое место в отряде по бегу. Три километра в сапогах пробежал за 13,1 мин. Парень я был деревенский, физически крепкий, не курил. Подполковник пообещал, что вместо отпуска отпустит меня на дембель на месяц раньше.

И вот из города Ош, своим ходом, я за рулем ЗИЛ-131, двинулись в Афганистан. Наша группа расположилась в местности Сархад. Жили мы в палатках, охранял нас отряд, который охранял и перевал. В боевых действиях участия не принимали, строили мосты, ремонтировали дороги. В этой работе нам помогало местное население. Они таскали камни, в общем, выполняли вспомогательные работы. Рабочие они были нормальные. И отношения у нас с ними были нормальные, никакой злобы, ненависти не было. Но жили они очень бедно, ни магазинов, ничего. У меня постоянно пропадал солидол. А дело оказалось в том, что пацаны там бегают босиком, ноги у них трескаются, они воровали у меня солидол и использовали его как вазелин.

Огороды у них на камнях, они их убирают и еще как-то воду подводят, что она идет наверх. Садят хлеб, кукурузу, из них делают лепешки. Домики – квадрат с окошком. Если побогаче, то смотришь: дерево растет, лошадка стоит или верблюд, огородик получше, даже картошку видел. Живут около речки. Рыбу там можно ловить мешками, но они ее не ловят. А мы рыбачили. Червей там не найти. Ловили на лягушат и облепиху рыбу осман – она типа минтая и маринку. Гайка, два крючка – знай

кидаешь и вытягиваешь. Начальство приезжало на рыбалку: генералы, полковники.

В группе мне нравилось больше, чем в отряде. Здесь у нас были хорошие отношения: «дед» ты, не «дед» – роли не играет, никакой дедовщины, никаких издевательств не было.

Моя обязанность как любого водителя – возить личный состав и грузы. В Союз тоже ездил за углем, продуктами. До Таджикистана было сто километров, но ехали целый день по этим перевалам. Никаких нападений, никаких мин не было. Но ехали всегда с сопровождением: БМП и вертолет. В 30 километрах от нас стоял отряд – там постоянно воевали, а у нас было тихо. У нас как бы тупик был. Но местные знали всякие тропы. Спрашива-

ем у них, они говорят, например, что на ишаке по тропе до Кабула – два дня. Вот мы и строили мосты и дороги. Это было трудно. Дороги скальные, перевалы. Взрывали, трактора работали. Показывали нам памятник, где разбились 25 человек, которые должны были убиты в Союз: водитель не справился с управлением, и они упали в пропасть.

Подошло время дембеля, но пораньше уволиться, как обещали, не пришлось. Произошло ЧП, тот подполковник уехал в Союз, так что уволился только 29 декабря 1985 года. Как и многие награжден медалью «От благодарного афганского народа», знаком «Воину-интернационалисту», медалью «70 лет Советской Армии». Но особенно ценю знак «Отличник погранвойск».

Ковальчук Александр:

«Для чего все это было?»

Александр Алексеевич Ковальчук родился 8 августа 1963 года в Качканаре. После окончания 8 классов школы № 7 закончил ГПТУ № 92 по специальности «электромонтажник».

1 октября 1982 года призван в ряды Советской Армии.

После службы в армии работал в Качканарском ГОКе и в Уралэлектромонтаже.

В настоящее время работает в охране Качканарского ГОКа.

Службу проходил в 350-м полку 103 гвардейской Витебской воздушно-десантной дивизии. Военная должность: заместитель командира взвода. Наш полк находился в Кабуле. Задача состояла в уничтожении банд душманов, находившихся в горах. Непосредственно моя задача – подготовка взвода к боевым действиям. С января 1983 года и по ноябрь 1984 года участвовал в боевых действиях. Много ходили в горах, потому что боевые действия проводились в основном там. Были и победы, и потери. Проходили службу в Афганистане в одном полку с друзьями-товарищами из Качканара: Лабухиным М., Порываевым Д., Ворониным О., Дерышевым О.

Командиром полка был подполковник Соловьев, командир батальона майор Салуянов А.П. – Герой Советского Союза.

Жили в палатках и в модулях (сборно-щитовая казармы). Была баня, питание было нормальное. Если уходили в горы, бывало до 20-ти дней, иногда и по два месяца, брали сухой паек. Во вре-

мя отдыха ходили в клуб, приезжало много артистов. Отношение с местным населением были разные: и хорошие, и плохие.

В мае 1984 года, во время боевых действий в горах, был ранен. Лежал в госпитале в Ташкенте. За эту операцию был награжден медалью «За отвагу». Кроме этой награды имеются еще медали «От благодарного афганского народа», «70 лет Вооруженных Сил СССР», три благодарности от командира части – за безупречную службу, мужество и героизм.

По окончании срока службы из Кабула самолетом нас отправили в Ташкент, из Ташкента самолетом до Свердловска.

Афганистан оставил тяжелый след в моей жизни, воспоминания очень тяжелые: о погибших товарищах, кто не смог вернуться домой. До сих пор невозможно понять: для чего все это было, ради чего гибли друзья.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Просыпкин Александр:

«Наше дело — снять мины»

Александр Павлович Просыпкин родился 11 февраля 1965 года в деревне Кубы Воскресенского района Горьковской области. Закончил школу № 5 в городе Качканаре. Получил специальность плотника в СПТУ № 92. Работал в СУ-7 треста «Качканаррудстрой». В 1983–1985 годах служил в рядах Вооруженных сил. После армии работал в ГОКе. В настоящее время место работы — ООО «Монолит». Воспитывает двух сыновей.

В учебке учился на сапера, но в основном там готовили, чтобы выжить. Фергана: жара, много бегали, для человека с Урала это тяжело. Похудел, штанишки спадывали, но все было, как надо. Конечно, доставалось, но сержанты были правы. В учебке мы возмужали. Перед отправкой спросили, кто не хочет в Афганистан — из строя никто не вышел.

Попал в «полтинник» — 350-й полк. Первое, что удивило в Афганистане — дороги, бинты, кровь, гильзы, ямы от мин... Я после дембеля боялся, когда ехал в автобусе и наезжали на яму: вдруг мина.

«Дома» мы почти не были, постоянно находились на боевых. Сначала было непривычно, но на боевые походил и более менее как-то освоился. Здорово первое время помогали земляки: в «полтиннике» служило много качканарцев. Хорошие ребята были. Олежка Воронин — старший товарищ был, Дима Порываев вообще молоток. Дерышев тоже. С гор спустимся — жрать охота, пить охота. А они постоянно: «Так, ребята, давайте, садитесь!». Картошечки пожарят и т.д. Но в Афганистане если ты ничтожество — задницу тебе никто не прикроет.

Мы — саперы, наше дело — снять мины. Учились по ходу, ребята старшие объясняли все как надо, прикладом по голове получал, чтобы морду не высовывал, куда не надо. Со временем набирался опыт, развивалась интуиция. За полтора года мы стали спецами, а служили бы побольше, так и вообще... Идешь по дороге и уже видно: что-то не так, уже подозрительно, пытаешься проверить. Да и ответственность большая: сзади колонна брони, танки, пехота — могут подорваться, кому это приятно.

У нас был старший сержант Юра Гузенко, так у него был какой-то особый нюх. Идет без щупа, без миноискателя (а я еще пацаном был): «Так, ребята, там мину снимите!» Подходишь: точно мина!

Мины в основном были итальянские, пластмассовые. Самая противная мина ТС-50, «Танька-стерва» мы ее называли. Она противопехотная,

всего 50 грамм, ступню разворотит — и бойца вывели из строя. Почему-то чешские мины были: понять не могу, откуда они взялись? Но самые говнюшны были американские: в них тротила больше всех набито, до 8 килограмм. Итальянские противотанковые (4,5 кг, 6 кг) тоже пластмассовые, там только один шарик, который выдавливает боек. Миноискателями не найдешь, только щупом. Вот и ходили, тычем по горам этим. А там камень на камне. Камень, если плоский, специально кладут на мину. А там по звуку: пустота, как бы вакуум. Пум-пум — что-то не то...

У итальянских мин противный характер. Она может подорваться на последней машине. Там как бы мешочек в мине, машина первая проехала — мешочек надувается, надувается; последняя машина идет, мешочек выталкивает шарик, срабатывает боек — взрыв. Бывало, пропускали, всего не умотришь.

Я, например, и не знал, что мины можно ставить в русле. Речка пересохла, мы колонну проводили. А там камень на камне, я и не подумал. Смотрю, танк у меня ба-бах — повредило немножко. Где хотят, там и ставят, уроды.

Я был такой же боец, как все. Операций много было. Трижды пришлось побывать в Панджшере. Там ужас: реки, горы, горы... Вертолеты летают под тобой, смотришь на них сверху. На леднике спали — не понравилось мне. А мин — как у нас в лесу грибов в урожайный год. Орден Красной Звезды за Панджшер получил. Там такое дело получилось. Мы пошли встречать «курков» (автоматчиков) с гор. Я впереди шел. За мной молодой: «старик» молодого вперед никогда не пропустит,

потому что отвечает за него. Дальше шел наш командир роты, за ним начмед – майор, за начмедом «пинцет» (медбрат). Пинцета, видно, от жары повело в сторону, и он наскочил на фугас. Фугас был сделан из танкового снаряда. Погиб и пинцет, и начмед, и боец. А мы подумали, что нас уже обстреливают. Ну и давай шустрить, бегать, проверять – вертушку садить нужно было.

Медаль – тоже за мины. Ходили куда-то, название уже не помню. Иду, смотрю: точно, где-то есть. Ребят же молодых учить нужно, говорю им: «Ребята, посмотрите!» Так между делом пять штук и сняли. И то БТР подорвался, но там не наша вина: шляться меньше надо. Колесо оторвало, но все живы-здоровы.

В Панджшере были самые тяжелые операции. Как-то мы 44 дня шастали по горам. С нами был саперный батальон, у них была собачка, которую мы потом носили на руках. Нам с вертолета выбросили ботинки, потому что мы свои «колеса» износили полностью.

В Панджшере я как-то суп грибной варил. Нашел грибы, по запаху – как наши подберезовики. Наварил супчику – все ходили, облизывались.

В сторону Джелалабада ходили. Выбросили нас с вертолета суток на восемь. Жарко, вода закончилась. Пить так хотелось, что перед глазами водопад мерещился. Я когда к броне вышел, воды попил – и ублевался.

Частенько нас прижимали. Как-то проверяли дорогу, как обычно. И вдруг три выстрела из зеленки: чук-чук-чук. И как по нам начали бомбить! У нас ефрейтор-хохол шел с миноискателем (а он бесполезный: гильзы везде валяются, он и срывается), так у миноискателя ручку отстрелило. Я упал справа в канаву, а остальной взвод влево. А там с горы вода течет, снег тает, они, бедные,

в этой луже валяются. Хлебнут воздуха – снова нырнут. Духи с моей стороны, я даже слышал их голоса, еще пытался стрелять. Голову только подниму: стреляют в меня, а пули – взводу. Они кричат мне: «Саня, не поднимай голову, на фиг!» Тогда нам четко досталось. Трое было раненых, один сильно, его вытащить сразу не могли. Среди раненых оказался Гузенко. Разрывная пуля попала в магазин, но осколки ему достались.

В общем, досталось нам. Поэтому были очень осторожны. А вот эти «курки»! Допустим, пришли мы в какое-то место. Пройдешь, проверишь: «Так, ребята, в туалет типа сюда ходить». А им же интересно. Им бы только шастать. Слышишь: ба-бах! Елки-палки! Че интересного? Че лазить? В том же Панджшере живых кишлаков-то нет: все вымерло. Заходим в дувал, лежит на полке сверток. Он лезет руками! Куда лезешь? Че те надо? Там, может, сюрприз! Сам подорвешься – черт с тобой, но ты и других на тот свет потянешь. Я не любил шибко лазить, я недоверчивый. Или в Джелалабаде один стоит под деревом и персики ест. А вокруг дерева четыре растяжки. Как он туда зашел? Ты посмотри! Он посмотрел – ему плохо стало и персиков не надо.

Житье-бытье у нас было нормальное, хотя в кубриках было тесновато, кровати в два яруса. Но до нас еще хуже было: жили в палатках. А вот афганский народ жалко. Зимой бедный старичок ходит в калошах на босу ногу. А зимы там сырые, промерзаешь еще хуже, чем на нашем морозе. Детей жалко. Когда они вылезут из бедности?

Сильное впечатление произвели столбы Александра Македонского.

В марте 1985 года дембельнулся. Прощание со знаменем, промаршировали под «Прощание славы» – и домой.

Утузиков Леонид:

«Вернулось бы то время — снова поехал»

Утузиков Леонид Александрович родился в 1962 году в поселке Яборково Новолялинского района Свердловской области. В 1972 году семья переехала в Качканар, где Леонид закончил 8 классов в школе № 7 и ГПТУ № 87 по специальности «обогачитель широкого профиля». В 1981 году был призван в Вооруженные силы.

После армии работал на обогачительной фабрике Качканарского ГОКа, в настоящее время — кузнец.

Намекнули, что, возможно, придется служить в Афганистане. Когда приехал в часть (Витебск), там уже сообщили, куда будут готовить. Собственно и учили: «Не ты его, так он

тебя». Много бегали. Получил специальность – гранатометчик РПГ. Трое суток были в Ашхабаде, пока была «пурга» в Кабуле. В Афганистане попал в 3-й парашютно-десантный батальон 317 полка. Батальон располагался вблизи города Лашкаргах. Километрах в трех там был аэродром, мы его как бы охраняли и свои задачи выполняли. Это между пустынями Марго и Регистан.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Дома как везде одноэтажные – глиняные ма- занки. Город, как подкова, вытянут вдоль реки Гильменд (провинция Гильменд). Первый день в 3-м батальоне врезался в память навсегда. Мы привезли библиотеку, палатки – как раз ураган прошел, и палатки унесло. Захожу на территорию батальона, а там солдаты вылазят, как тараканы, и практически голые – трусы, кепка и кроссовки. Сразу мысль: «Куда это я попал?» Выходит из палатки начальник штаба – гвардии майор Будьков. На нем плавки, португепя на голом теле, кроссовки, кепка и все. Сказал: «Я вас долго не задержу!» И часа два стояли на жаре под 50°. Он стоит – и мы стоим. Один упал – его в санчасть. А я по сторонам озираюсь и думаю: «То ли в дикую армию попал, то ли куда?» А Будьков мужик был очень хороший, хотя все мне говорили, что не дай Бог попасть в 3-й батальон, там начальник штаба повернутый. Да, поначалу казалось диким, что он матом кроет, мог и в «репу» заехать, если раззадорить. Но это был боевой офицер, который понимал тяжелый солдатский труд.

В чем заключалась служба? В основном, колонны охраняли и в засады ездили. Раз в полгода ходили на армейские операции. Засады чаще всего были на Ханчшинской дороге. Она как наша улица Свердлова, только в пустыне. Постоянно на ней попадались караваны. В основном ночью ездили. Взяли боекомплект, поесть на 3-4 дня, бывало, на неделю. Выбрасывали на вертолете, а потом забирали. Как-то раз идет караван из 10 верблюдов. Решили проверить, как гаишники. Приземлились, рассыпались, устроили проверку, что в мешках у них находится. Оказалось, опиум везут.

Войсковые операции обычно были на Кандагаре. Там очень опасное место – Элевата, с одной стороны – горы, с другой – «зеленка» и поворот градусов под 70–80. Переезжаешь реку и поворот – сильно не разгонишься. В этом месте всегда «духи» нас поджидали. Тогда казалось тяжело, много мыслей было гадостных, а сейчас вернулось бы то время – снова бы поехал. Я лично не жалею ни о чем. Потеря у нас при Будькове не было, только два случая тяжелых ранений. А когда после Будькова пришел Новиков, потеря стало больше. Я при нем

полгода отслужил, за это время погибло четыре человека. Одного в засаде убили – «духи» разделились на две группы, и одна из них зашла к нашим в тыл. Трое сгорели в вертолете, когда летели в засаду. На подлете был выстрел – вертолет упал.

В засаде у меня гранатомет был, выстрелишь, а потом таскаешь эту трубу. Пулемет надежней. Сначала стреляем по машинам; бывали такие караваны: на машинах идут, с прикрытием – с теми сложнее было. Сидишь в засаде и думаешь, вот-вот начнется. Когда началось, тогда уже действуешь чисто автоматически. Командир обычно дает команду расстрелять головную и последнюю машину. А там уже смотришь что, куда, чего и зачем. Начинается обстрел всей колонны, там уже – искать цель и стрелять. Кто отвечает – по тем стреляли, кто лежит – того не трогаем. Пока. Колонну уничтожили – идем проверять, с прикрытием, естественно. Проверили, посмотрели, что везут? Оружие! Вызываем «вертушку», грузим, увозим в батальон. Было, что по ошибке убивали мирных жителей. Но что делать? Я считаю, что мертвый враг лучше

живого. У меня нет угрызения совести, что я убил кого-то. Я выполнял то, что мне было приказано. А у нас ротный, гвардии капитан Пивоваров, два раза не повторял.

Однажды зажали нашу 8-ю роту. Была проческа «зеленой» зоны. Зажали их на Сутяне – это деревня такая около Моржи. Ротный: «Здесь – «духи». А замполит: «Здесь – мирные». Пока пре-

пирались, одного солдата убили. Пошли через поле, до арыка дошли, а там «духи» и засели...

Проблем с бытом не существовало. Вода в батальоне всегда была, даже баня. Скважину белуджи нам выкопали, они на берегу Гильменда стояли, мирные, договорные. Всего в Афганистане прослужил полтора года. Вывезли нас на вертолете. Засады сняли, утром привезли – и в Кабул. У нас были приготовлены парадные формы, но нас раздел комбат: «У меня молодые ходят в рванье, а вы в новых парадных формах в Кабул полетели!» Нас переодели, и мы как «чмошники» полетели. В Кабуле за ночь что успели, сделали. Из Кабула в Ташкент в двух самолетах нас приземлилось 300 человек. На поезде – всех в 19 вагон, а этого вагона вообще нет. Сели по всему составу. Потом нашли купейный вагон, полностью пустой, и нормально доехали.

1984

Баранов В.
 Барчegov Н.
 Бастрaков М.
 Вепрев В.
 Власов М.
 Гарипов И.
 Драницин Ю.
 Жайворинок В.
 Закаменных А.
 Замыслов А.
 Ивукин С.
 Ишкиреев И.
 Кочкарев Ю.
 Кудряшов В.

Костяев С.
 Киппес С.
 Младенцев И.
 Мелехин Ю.
 Малов Ю.
 Никитенко В.
 Ольховик А.
 Пичугин С.
 Помаскин А.
 Поченигин Д.
 Рубцов Ю.
 Серебренников О.
 Халин В.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Бастраков Михаил: «Анава, 1363–1365»

Михаил Владимирович Бастраков родился 29 октября 1965 года в Качканаре. Закончил школу № 5 и СПТУ № 87 по специальности «токарь-универсал». Работал на Западном карьере Качканарского ГОКа. В 1983–1985 гг. служил в Вооруженных силах. После увольнения в запас работал в ГОКе, на заводе ЖБИ и др. В настоящее время на пенсии по инвалидности.

В этом призыве было много ребят из Качканара: Сережа Ивукин, Миша Власов, Саша Закаменнов, Володя Вепрев. Учебку закончил в Гайжюнае (Прибалтика), выпустился младшим сержантом, командиром боевых машин. За полгода получил хорошую закалку.

В июне 1984 года бортами нас перевезли в Баграм. Там стоял 345-й отдельный парашютно-десантный полк. В полчок зашли, нас построили и: «Добровольцы, шаг вперед!» – ехать дальше, в отдельный батальон. Вышел вперед, потому что была такая закалка. Родители у меня серьезные, оба шоферы, мама за баранкой проработала 18 лет, иногда на одной машине с отцом. Я родился практически в кабине, поэтому старался быть ближе к технике.

Сели в броню, и нас повезли. Везли долго, до вечера. Жарища такая. «Анава 1363–1365» – такая наклейка у меня на память о службе. Это годы службы по мусульманскому календарю. В Анаве находился отдельный батальон, там мы и обосновались. За Анавой стояла только броня. Контрольровали дорогу, горные перевалы. Разбросали нас по горам, и мы, словно пауки, как будто паутиной опутали весь район.

Кишлак брошенный, глиняные мазанки. В мазанках койки, кое-где сколочены нары, удобства на улице. Вот, собственно, наш быт. Пища – сухпай полтора года, зубы сточил.

Боевое крещение получили на второй день. На ночь выдали автоматы. Скомандовали отбой. И вдруг часов в 5–6 утра подъем по боевой тревоге. Глаза вот такие, ничего не понимаешь. А произошла большая беда – подорвалось 30 человек. Вечером ходили возле нашего батальона – поле, обыкновенное поле, чистое. Утром «вертушки» приходят – ребят забрасывать в горы. «Вертушки» зависают, ребята выходят на взлетку и – подрыв. Мы вытаскивали их с минного поля. Вот тут

я посмотрелся... Привыкнуть к этому нельзя, но это война. А на войне как на войне. Нарвались на засаду и свалили без потерь – значит, повезло. Но везло не всегда.

...Выходили к дороге, был приказ: дорогу прочесать. Нарвались на их группу. Вынуждены были отходить обратно в горы. Я прикрывал отход. Получил огнестрельное ранение...

У нас точка была на горе. Внизу – склоны. Проматривались два участка дороги. Мы выходили в кишлаки, за перевал. И видимо, так мы мешали, что нашу точку решили сравнять с землей, накрыв минами. Такое не забудешь: все взрывается, земля дыбом стоит. Я получил контузию.

Очень тяжело, когда гибнут друзья. На моих руках погиб мой друг Серега Кириллов из Нижнего Тагила. Тогда брали «духовского» связного: он шел из одной банды в другую. Связного подранили, он залег в ущелье, мы пошли его выкорчевывать. Шли – и вдруг рвануло: мина. Саше Закаменному – по ногам, Сергею осколок попал в голову. Связного взяли – вытащили полуживого и отправили на «вертушке». Какое-то письмо ценное у него изъяли. Этой же вертушкой отправили Сергея и Сашу.

Всех нас представили к Красной Звезде. Кириллову дали посмертно, Закаменных получил, а мне опять награду закосили. Ну и хрен с ней.

Позднее получил медаль
«За боевые заслуги».

Мы тогда караван взяли с оружием. Хорошо их обложили и положили всех разом.

Ивукин Сергей:

«В Афгане мы быстро выросли»

Сергей Владимирович Ивукин родился 29 апреля 1965 года в городе Верхняя Тура. Закончил 8 классов в школе № 2 и СПТУ № 92 по специальности электросварщик. Работал в организации «Востокметаллургмонтаж».

9 октября 1983 года призван в армию, 26 октября 1985 года уволился в запас. Работал на обогатительной фабрике, на западном карьере Качканарского ГОКа. В настоящее время – начальник спасательной станции. Заочно закончил техникум. Воспитывает дочь.

9 октября 1983 года нас, 9 человек, забрали из Качканара. Двое из нашей группы, Вепрев и Шумихин, погибли. Один вернулся без ноги. Это Ольховик Александр. Впоследствии он женился на медсестре, которая его выходила, и уехал в Киев.

Война в Афганистане к тому времени шла уже четвертый год, и мы настраивались изначально, что придется служить там. Перед армией, чтобы попасть в ВДВ, мы сделали необходимое количество прыжков. Нам дали необходимые документы, с которыми нас должны были взять в ВДВ, а это уже однозначно Афган. К тому времени из Афганистана по ранению пришел Толя Жеребцов: его ранил снайпер в горах. После госпиталя его комиссовали. А мы с ним дружили.

Когда в Егоршино приехали «покупатели» из Ферганы, десантники в форме – такие красивые, загорелые, нас набрали 120 человек. Офицер с каждым из нас отдельно беседовал минут по 15, объяснял, что будет, как будет, согласны или нет. И у нас даже без прыжков парни пытались залезть, чтобы попасть в Афганистан.

Потом учеба в Фергане. Очень усердно готовили к будущей службе. Очень тяжело было. Физическая подготовка страшная была. Друг друга садили на плечи и бегали по полю несколько кругов. Я с армии пришел – жену на 8-й этаж свободно заносил. Это все дало нормальные результаты. В горах нам это пригодилось. В учебке были полгода. Потом сели и полетели. Ощущение какое-то непонятное. А увидели почти то же: что в Узбекистане соседний кишлак, что там.

У нас был 345-й отдельный парашютно-десантный полк, награжденный орденами за ратные подвиги еще с Великой Отечественной. При нашей службе приезжал главнокомандующий и тоже полк награждал. Первые десять дней был курс молодого бойца. В мирном кишлаке нас учили искать, разми-

нивать. Но уже на третий день нас начали обстреливать из «дружелюбного» кишлака. Какая-то смесь зажигательная, тушишь, потом ботинки светятся. Водокачку у нас вывели из строя, электричество. Это было в Баграмской долине, наша часть была при Баграмском гарнизоне. Летчики, мы, шофера, госпиталь – все это гарнизон. Два наших батальона, 1-й и 3-й, находились в Баграме (это от Кабула 60 км.), а 2-й в Анаве, где как раз служил Ольховик и подорвался на mine.

Потом на войну. На моем счету 35 операций. У нас полк был боевой. В расположении полка мы ничего не облагораживали, как другие, где все было красиво. А у нас модули некрашенные, потому что мы всегда воевали, всегда были на войне. Два-три дня пришли в себя, помылись-побрились, отстирались и опять на войну. Было, 21 день воевали, или через неделю приходили обратно. То на броне, то на «вертушках» – всяко было. Против кого идем, нам не говорили, просто ставили задачу. Были также операции, когда мы ни разу не выстрелили – отсидели на горах, выполнили задачу блокировки местности и уехали на базу. А была такая операция, когда было убито 11 человек из роты, а рота – 44 человека, то есть мы потеряли четверть состава. Обычно молодые носили побольше дембелей, но у нас это не прижилось. Мы носили наравне с молодыми: людей-то нет, кто убит, кто ранен, кто с желтухой, кто с малярией. По 8 человек взвод – это что такое? А надо взять

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

и ДШК, и минометы, и мины, гранаты, автоматы, сухпай. Мы навьюченные, как ишаки, ходили.

Я сам перенес тиф и малярию. Лечили там меня. Сначала после тифа и желтухи отправляли в Союз: полагалась 45 дней реабилитации после болезни. Находились и такие «вояки», которым потом не хотелось возвращаться в такую страну, где пули летают. Кто-то косить начинал, кто-то место себе находил. Мне дали 45 суток на реабилитацию после тифа при этом же госпитале, я отказался от этого, сразу же пошел в часть. Пешком! И через два дня – на операцию.

Оглядываясь назад, я понимаю, что всяко было. Все мы люди. А в общем, складывалось неплохо. Слабые люди сразу себя показывали. В экстремальных ситуациях все было у всех на виду. Я ни о чем не жалею. Я рад, что все так получилось. Служба интересная была: сегодня одно, завтра другое. Служба пролетела быстро, я даже не заме-

тил. Очень многое зависело от командиров: какой КП, какой начпо – они устанавливают порядок. Вспоминаю начальника штаба Дериглазова. В 28 лет он был уже подполковником. Это настоящий офицер. Он хорошо разбирался в тактике, с ним не боялись на войну ходить. А вот он уехал в отпуск у нас – потери начались. Или наш ротный Бугай: был капитаном, стал майором, Герой Советского Союза. Сам небольшого роста, коренастый.

К наградам нас представляли не раз. Чуть не за каждую операцию можно было давать. Но здорово награды «косили». Какой-нибудь политработник был километрах в 30-ти от эпицентра событий, но его представляли к Красной Звезде и он получал, а сержант или рядовой – обойдешься. Закашивали процентов 70. Жалко, что ли, железок было? Обидно было, мы ведь черновую работу выполняли.

За что я получил медаль? В Панджшерском ущелье была обнаружена тюрьма: речка, в скалах комната отдыха, а в земле открывался люк и там две небольших комнаты. Там было 127 царандойцев и 14 наших. Все в крови: их избивали.

Мы десантировались километров за пять от этой тюрьмы. При десантировании сразу было много погибших, и «вертушки» упали, и минометы стали работать, и снайперы. Мы сутки лежали за дувалами и голову поднять не могли. Сухпай разогревали лежа. Мертвых сразу нужно было загрузить. «Вертушка» одна подлетела (при обстреле минометом и снайперами, ДШК работает), а мы побежали, мертвых и раненых закинули в нее. За эти действия мы были представлены к медалям. А что толку? Мы сначала поднялись в гору, потом нам команду дали: вниз на тюрьму. Мы спустились, а там их всех уже убили: ломиком в голову. Убивали на мосту и сбрасывали в реку. Их потом нагребли гору убитых. Телевидение приехало, приехал сам Бабрак Кармаль.

По бытовухе ни на что не жалуюсь. У нас в модуле была душевая, вода, естественно, только холодная. Тельняшки нам меняли вовремя, все было, все выдавалось. Письма всегда нормально посылал и получал.

В общем, служба мне понравилась. На жизнь совсем по-другому стал смотреть. Быстро повзрослел за полгода на этой войне. Навидался и плохого, и хорошего. Коллектив мне нравился. Уже под дембель случай был. 800 метров границы с Пакистаном. Леса хвойные растут. Что нас туда понесло, не помню, там в три этапа операция была. Случилось так, что мы гранатами откидывались. Там «капучины» какие-то напали на нас. Они на «тойоте» летят, через 10 метров выпрыгивают и на нас наступают. Их человек-то немного, но они так быстро на нас наступают и стреляют все по нам. Офицер затрясся, запаниковал. У него солдат рацию забрал, сам давай наводить и четко так, красиво сработали. Мы – пацаны, а офицер – мужчина 30 лет. Солдатик не растерялся. Так что и плохое, и хорошее – все рядом.

Памятен мне еще такой случай. Парень один со мной был родом с Тувы. Наша броня заехала в кишлак. Задача была его прочесать. Кишлак мирный. Мы пошли с ним. Зашли во двор. Вышел мужчина, приглашает зайти. Мы во двор заглянули – там накрыт достархан, женщины стоят, дети, человек шесть. Приглашают нас. А этот парень давай хозяина обыскивать на предмет денег – пояса они там носят. И нашел 10 афганей, на это и жвачку не купишь, копейки это. А он себе в карман кладет. Я это увидел, говорю ему: «Отдай деньги! Ты что делаешь, что позоришься?» Ругаемся стоим.

Я психанул и ушел к броне. Он так и не отдал эти 10 афганей. Тут же случилось ему возмездие. Едем на броне. «Зеленка» началась. Команда по рации: «Опасный участок». Стволы влево-вправо. Мы где-то в середине колонны едем. И их БМП подрывают. Я хотел тоже в эту БМП садиться, а меня парень с другой машины позвал, и я пошел с ним. А у того обе ноги оторвало. «Вертушку» вызвали, я его лично грузил, а он даже до госпиталя не долетел.

С их царандоевцами контактили, если армейская операция, они всегда с нами. Но они трусы. У них были десантники – они смелые парни, а эти – где-то ДШК стрельнуло, они голову в камни, задница на улице, ничем их не поднять: «Идите вы, а мы нет». А нам зачем? Ваша страна.

26-го октября уволился, 1 ноября был в Качканаре. Ровно через год женился.

Ишкиреев Игорь:

«Первая операция – самая тяжелая»

Игорь Иванович Ишкиреев родился в городе Прокопьевске Кемеровской области 25 сентября 1965 года. Через четыре года семья переехала в Качканар. Обучался в школе № 2. Получил профессию автослесаря в СПТУ № 87. По этой специальности работал в автотракторном цехе Качканарского ГОКа. В 1984–1986 годах служил в Вооруженных силах. После увольнения в запас работал на радиозаводе, автобазе № 5, в ПАТО, в настоящее время – в ООО «Магистраль».

К службе в Афганистане нас целеустремленно готовили в учебной части в Усть-Каменогорске. Я попал в мотострелковые войска, проходил подготовку в качестве водителя. Перед отправкой нас спросили, кто не желает служить в Афганистане. Из 300 человек, по-моему, один человек всего отказался.

До Термеза добирались поездом, с Термеза вертолетом до Баграма. Там на распределительном пункте нас разобрали «покупатели». Опять полетели, на этот раз в Пули-Хумри. Там нас опять распределили. И, наконец, к месту службы, в кишлак Бану, что в Андарабской долине. Там находился 1-й батальон 395-го полка 201-й мотострелковой дивизии.

Горы, река, жарко, но прохладней чем в Пули-Хумри – вот первые впечатления.

Жили в полуподвальных землянках. Снаружи высотой примерно метр двадцать, размер 9×4 метра. Была лесенка, заходишь – деревянные двухъярусные нары, справа – пирамида с оружием. В одной землянке размещалось в пределах двадцати человек. Когда мы прибыли, землянки уже были построены. Правда, после селевого потока нам их пришлось снова отстраивать. Сход селевого потока – тяжелая картина. Сначала страшная гроза с дождем. Потом с горы ползет трехметровая толща, сметая все на своем пути. Мы находились в парке, занимались обслуживанием техники. Если бы чуть левее и ниже – всю

технику утащило бы. Все это продолжалось минут 40, а откапывались потом три дня. Я откопал в том числе свой военный билет, который был на трехметровой глубине.

И землетрясение было. Потрясло маленько. Выскочили из столовой, стены трещину дали, но ничего не упало, помещения были низкие.

В тех местах ходили караваны, мы их перехватывали. В скольких операциях участвовал, не считал, но пальцев не хватит.

Самая тяжелая и самая запомнившаяся – первая. Я тогда еще не был водителем. Готовилась армейская операция. Нам сказали, что завтра идем воевать. Подготовились, взяли боекомплекс

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

та по три штуки, сухпай, осмотрели нас, и с утрачка, часа в четыре, поехали. Поехали в Валям – это где-то перед Салангом. Приехали и пошли в горы. Впечатления начались сразу же: капитан, командир батареи, попал на растяжку, и ему оторвало ногу. Шли далеко и долго. Пришли, заняли оборону. Наша артиллерия стала стрелять. Снаряды летели над нами, летели низко. Кишлак, по которому стреляли, они выпотрошили. К вечеру поступила команда спускаться вниз. И тут увидели «духов». Я заметил и говорю сержанту: «Вон какие-то пять человек идут и, по-моему, не наши». По радиации связались, узнали, что наших там никого нет, значит – «духи». Их было много, они нас положили огнем и в течение всей ночи до утра держали. Потом только мы спустились.

Где-то через месяц меня поставили водителем. По броне тоже, бывало, попадало. Была армейская операция в сторону Мазари-Шариф. И вдруг подрыв: передним правым колесом заехали на мину. Это удивительно: мы шли ближе к концу колонны. БТР тряхнуло так, что я чуть кишки не выплюнул. Колесо оторвало вместе с редуктором и забросило на сопку. Я выскочил, еще куда-то стрелял. Но легко отделались, вот если был бы

фугас, не сидели бы сейчас и не беседовали. А так быстро все наладили, подвязались и своим ходом дальше.

А один раз мину заметили. На броне речку переезжали, причем в пределах своего батальона, и боец на броне усмотрел: «Это мина?» «Ага», – говорю. Вызвали саперов, те обезвредили.

Во время операций параллельно с нами шли афганские войска. Но мы с ними особо не контактировали. О чем нам с ними разговаривать? Практически на каждой остановке подбегали дети: или что-нибудь продают, или просят бахши (подарок).

За время моей службы потери в роте составили 9 человек. Меня Бог миловал, даже ранен не был. А вот брюшным тифом переболел. Я уже шел в армию с нездоровой печенью, поэтому был восприимчив к инфекции. Вдруг резко поднялась температура до 40°, а холодно и трясет. Лег, укрылся, а все равно колотит. Лечился в госпитале в Пули-Хумри. Потом опять в часть.

В Афганистане был ровно два года: 2 августа 1984 года туда попал, 9 августа 1986 года оттуда вышел. А всего служил больше положенного, так что долг Родине отдал сполна.

Костяев Сергей:

«Однажды уехали в Пакистан»

Костяев Сергей Александрович родился 29 мая 1965 года на станции Чусовая Нижнесергинского района Свердловской области. Закончил 10 классов в деревне Дорошата Кильмезского района Кировской области. Поступил на спортивный факультет педагогического училища в городе Советске. 7 ноября 1983 года призван в ряды Вооруженных сил. После увольнения в запас в 1985 году закончил педучилище, работал в школе.

Переехал в Качканар. Работает в Качканарском горно-обогатительном комбинате машинистом экскаватора. Воспитывает двоих детей.

стволе висел. А в Афганистане оно было на вооружении. Отличное орудие: стреляло штатными снарядами и минами, ствол у него поднимался до 85%.

Вместе с ней мы участвовали в операциях по поддержке пехоты. Сколько было операций – точно не назову, в характеристике у меня отмечено 21, а мелкие мы не считали.

Там есть такая крепость – Калабуст, говорят, при Александре Македонском строили. Хаттовская разведка донесла, что в тех местах должна была состояться встреча главарей банд. Мы стреляли ночью. Такое было ощущение, что снаряды за голову задевают, так низко проходили. По данным разведки хатта там положили 400 человек душманов, а работала только одна наша машина. Так ли это – не знаю, это их данные.

Был еще такой случай: однажды в Пакистан уехали, километров на тридцать. Офицер моло-

Служить я попал в Воздушно-десантные войска. Азы военной профессии постигал в учебной части в Принае: получил специальность наводчика самоходно-артиллерийской установки. А в июле 1984 года – прямо в Кабул. Оттуда – в один из батальонов 317-го полка. Батальон располагался в Лашкаргахе («Лошкаревка» на солдатском языке). От него примерно два-три километра пустыни, и вот он наш палаточный городок. «Колючки» не было, только посты стояли. Тут и аэродром был, вертолеты стояли, два танка нам дали – и все.

Я так и служил наводчиком орудия, которое называлось «нона». В учебке оно считалось засекреченным, постоянно было зачехленным, кран на

дой, видно, ошибся. Смотрим: паровозик едет по железной дороге. Сообразили, что-то не то: в Афганистане нет паровозиков. Проверили по карте и за голову схватились. А тут уже и танки пакистанские... Но ничего, мирно разъехались.

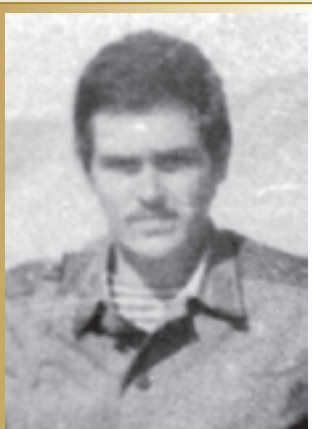
Потом нас сменила штурмовая бригада и отправили в сторону Кабула (если с Кандагара ехать) за Газни охранять дорогу. Саперов дали, потому что до этого подорвались и погибли офицеры из геришкинского батальона. А у нас мы первые ехали на гусанках. Не доехали полтора метра – там две раздавленные банки лежали и внизу фугас (авиационная бомба).

Когда на дорогу эту встали, через ночь да каждую ночь обстрелы были. А мы что? Ответно стреляли: места были пристреляны.

В бытовом плане проблем не было. Вода хоть и привозная была, но хватало. А когда на дороге стояли – там речка была. Ее кипятили с верблюжьей колючкой – и пить меньше хотелось. Можно было бросить таблетки, но тогда пахло хлоркой, а с верблюжьей колючкой, как чай.

Медицинская помощь у нас была на уровне. Врач был отличный – майор медицинской службы Илизаров, сын знаменитого доктора Илизарова из Кургана.

Всего в Афганистане был полтора года. 7 ноября был дома. 7-го ушел, 7-го пришел. Все нормально было. Ничего плохого сказать не могу.

Кочкарев Юрий:

«Свою задачу мы выполнили»

Юрий Анатольевич Кочкарев родился 26 февраля 1962 года в поселке Рудничный Краснотурьинского района Свердловской области. В 1970 году семья переехала в Качканар. Получил неполное среднее образование в школе № 2. Закончил Исовской геолого-разведочный техникум по специальности «автомеханик». В 1981 году призван в ряды Вооруженных сил.

После увольнения в 1986 году работал монтажником на Качканарской птицефабрике. Позднее организовал крестьянское хозяйство. Работал главным инженером в совхозе «Сигнальный».

Служил я в пограничных войсках в Забайкалье. В конце 1982 остался на сверхсрочную службу и был направлен для дальнейшей службы на именную заставу имени лейтенанта Деревянко, где находилась 3-я комендатура, в качестве старшего техника комендатуры. В мои обязанности входило обеспечение рабочего состояния автотранспортной техники, их сезонного обслуживания, поддерживание в рабочем состоянии дизельэлектростанции. В состав комендатуры входило шесть линейных погранзастав и одна резервная. Всего на мне «висело» 56 единиц техники. Комендатура находилась на слиянии рек Шилки и Аргуни и стояла на Аргуни. В 1983 году, будучи в отпуске в Качка-

наре, женился и увез супругу на границу (Кочкарева Марина Юрьевна в данный момент работает директором детского дома в Качканаре). В сентябре 1984 года у нас родился сын Владимир, а в октябре пришла телефонограмма из отряда: «Явиться в отряд с деньгами и вещами для убийства в длительную командировку». Утром подошла наша «Заря» (теплоход) и нас (с каждой заставы снимали по 3 бойца) к вечеру доставили в отряд. На пирсе нас уже ждали ЗИЛы, а на вертолетке вертолеты. Нас, не завозя в отряд, сразу на вертолетах отправили в Приаргунск, в соседний погранотряд, где на базе Краснознаменного Забайкальского пограничного округа формировалась мотоманевренная группа, так как Ю.В. Андропов, в то время Председатель Президиума Верховного Совета СССР, издал указ, что каждый пограничник должен пройти боевую

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

стажировку в Афганистане. В Приаргунске нас заставили спороть зеленые погоны и зеленый кант с брюк, сдать зеленые фуражки. Взамен нам выдали панамы, красный кант и общевойсковые погоны. В то время пограничные войска входили в состав Комитета госбезопасности и вести боевые действия на территории Афганистана не имели права. Из Приаргунска нас перекинули в Читу железнодорожным составом, оттуда на Ил-76 в город Кушку (Туркмения, самая южная точка России), затем в город Тахта-Базар, в очередной погранотряд, где мы впоследствии и базировались. Получали технику, боеприпасы, продовольствие и стройматериалы. После двухнедельной акклиматизации нас под охраной «обстрелянных» опытных бойцов «забросили» в Афганистан на глубину 30 километров к иранской границе. Эти тридцать километров ехали весь день. Впереди саперы, за ними вслед техника, БТРы, БМП, автотранспорт. К вечеру добрались до места базирования: небольшое плато, рядом, метрах в 700–800 – старая заброшенная крепость, внизу под нами, метрах в 500-х, кишлак Карези Ильяс, и с трех сторон – горы. Сразу стали рыть окопы, технику загнали в небольшую расщелину, выставили боевое охранение. В первую же ночь нас обстреляли. Так продолжалось на протяжении месяца. Днем тихо, как стемнеет – обстрел. Надо отметить, что мы быстро обустроились, отрыли окопы, землянки, укрытия для техники, в расщелине сделали столовую. Через две недели охранение, прикомандированное к нам для прикрытия, пока мы обустраивались и «въезжали» в службу, отбыло на свои заставы, и мы остались полноправными хозяевами. В крат-

чайшие сроки мы обнесли территорию мотомангруппы колючей проволокой, поставили мины, растяжки, сигналки. В нашу задачу ставилось не допустить проход караванов со стороны Ирана. В наше вооружение входили: БТР-60, БМП-1, 120- и 82- мм минометы, а также АГС-17, СПГ и различное стрелковое оружие. Часто выезжали в боевые рейды, устраивали ночные засады на караванных путях, брали базы «духов». Через неделю после нашего прибытия в Афганистане старую крепость заняли сарбозы (правительственные войска), с которыми мы впоследствии взаимодействовали. На протяжении всей службы в Афганистане случались частые подрывы бронетехники. В мою задачу, помимо боевых действий, входило обеспечение боеспособности техники и транспортировка подорванных машин на территорию Союза, на нашу погранзаставу. Вот так и жили: ночью воевали, днем отдыхали, приводили в порядок вооружение, оказывали сарбозам помощь в ремонте

техники. В мае 1985 года к нам прибыла смена из Тихоокеанского погранокруга. Мы как зашли в Афган, так и вышли все 260 человек, хотя было много и раненых, и контуженных. Я считаю, что свою задачу мы выполнили, людей сохранили. Выход совершали в обратном порядке.

Многое зависит от коллектива. Коллектив у нас подобрался дружный и сплоченный, командиры грамотные, все поставленные задачи выполнялись быстро и четко. В мотомангруппе у меня осталось много друзей, в частности мой командир Колмыков Анатолий, комсорт Валера Упоров. К сожалению, судьба раскидала нас по разным местам, и связь с ними потеряна. За службу в Афганистане награжден медалью «За отличие в охране госграницы» и «Воину-интернационалисту». После Афганистана продолжал службу на границе старшим техником комендатуры.

Кудряшов Владимир:

«Друзей таких — не найти!»

Владимир Борисович Кудряшов родился 16 августа 1965 года в Качканаре. Закончив 8 классов школы № 2, получил специальность электросварщика в СПТУ № 87. Работал в Главном карьере Качканарского ГОКа. В 1983–1985 годах служил в рядах Вооруженных сил.

Пролетели шесть месяцев в учебном воздушно-десантном полку в Фергане, и 18 апреля 1984 года я был в Афганистане. Распределили в 1-й батальон 317 полка 103-й воздушно-десантной дивизии. Сначала попал во вторую роту. Эта рота была боевая, остальные стояли на заставах. Через полгода перевели в разведзвод — уже до конца службы.

В чем заключалась служба? Бери больше, неси дальше — вой. В 1984 году только пришли, попали сразу на Панджшер. Кто-то его называет вторым, но для меня он был первым. Эта была армейская операция. Занимались проческой, по горкам ползали, через речки прыгали.

В августе 1984 года при сопровождении колонны подорвался, получил ранение и контузию, попал в госпиталь. Провалился до октября, после чего вернулся в свою роту. В ноябре 1984 года были большие потери. Получил звание сержанта.

2 мая 1985 года получил медаль «За отвагу».

Участвовал в двух Панджшерах, в армейской операции в Хур Кабуле (это 1985 год, месяц не помню, летчики отмечали день ВВС). Под дембель были у нас операции в провинциях Кунар и Лагар, часто бывали полковые операции совместно с «зелеными» (царандоем афганским).

Кунар, допустим. На горках выставляли заслоны, потом приходил царандой, ХАТТ (типа нашего КГБ), спускались туда, оттуда тащили оружие, мы их прикрывали. Духи уходят, стреляем: тогда уже «Утесы» появились, ДШК были (это крупнокалиберные пулеметы).

26 сентября 1985 года. Уже приказ вышел на наше увольнение. Поступили данные, что в таком-то месте должна пройти банда. Главарь банды тот-то, в таком-то кишлаке на свадьбе у своего родственника, которая будет проходить в эту ночь. Сели в засаду, сидим, ждем. Ребята с Горького сидели внизу, мы на горочке. И вот идут: сопровождение, дозор духовский, потом группа лю-

дей, завершение. Ребят, короче, заметили. У Макса Попова, парня с Горького, не была передернута снайперская винтовка. Он «пинцет» был и ходил с винтовкой. Пришлось в срочном порядке ее передергивать, а ночь, щелчок хорошо слышно. Их заметили, открыли огонь, ребята отошли к нам. Началась стрельба. Сзади нас оказалось огромное количество «духов»: они должны были в этом ущелье встретиться. И мы попали: эти спереди стреляют, эти сзади. Вызвали броню, в срочном порядке отошли. Но постреляли неплохо. С соседней заставы «нончики» открыли огонь. На следующий день подбирали трупы, было убито порядка 15 человек, в том числе главарь банды, его брат и т.д.

Командиры в основном были шикарные. Например, командир батальона. Вот командир взвода если идет, он в лучшем случае автомат возьмет, ну «лифчик» с патронами, понятно, наденет. Ни пожрать, ничего с собой никогда не брал: это все солдаты принесут. А командир батальона ходил наравне со всеми, весь заряженный и идет, не сдыхает, хотя в горах тяжело. Если он прет, значит прет. Офицеров хороших много было. Начальник штаба батальона майор Кондратенко из их числа. Замполит роты старший лейтенант Иванов был нормальный мужик. Я могу сказать, не скрывая, я никакой подписки не давал. Во время операции мы взяли банду, человек 15 «духов» было пленных. Соответственно, мы их отдаем хаттовцам, а те их всех отпускают. На другой операции берем человек пять духов в плен, среди них попались те же. Старший лейтенант их расстрелял, иначе их все равно бы отпустили.

Если мы поехали на войну, у меня РД забит патронами, еще нужно пожрать что-то взять. На меня вешают 25 гранат (хоть я не АГСник), пару мин цепляют, «Муха» висит. Идешь, поднимаешься — начинается стрельба. АГСники устанавливают позицию, начинают стрелять. Им нужны гранаты, поэтому желательно сбросить им вес, который для тебя лишний. Успел — молодец, значит, легче пойдешь. Также минометчики: устанавливают позицию, начинают стрелять — им нужны мины. Кто в нужный момент в нужном месте оказался, успел скинуть груз, опять же полегче идти.

А «зеленые» (афганская армия) идут на операцию на ГАЗ-66. Они везут кровати, матрасы, подушки. А у нас самое такое смачное было — плащ-палатка. Кроссовки, пуховые спальные мешки —

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

это уже было потом. А так – плащ-палатка и все. Втроем ложишься, одну постелили, двумя укрылись – уже тепло.

Враждебного отношения со стороны местного населения в городах я не замечал. Иногда мы в Кабул выезжали: было что-то типа караула, например, охраняли комендатуру. Сидишь на БТРе, обязательно подбегает бачата (афганские дети). Просят бензин, алюминий, тушенку, солярку. Предлагают откритки (на них девки красивые, поворачиваешь, они тебе подмигивают), фонарики и т.д., чего у нас не было.

В чем секрет моджахедов? Они были у себя дома. Мы идем на операцию и тащим с собой все на себе, а у них везде где-то что-то зарыто, закопано, спрятано... А на Панджшере у «духов» нам вообще попала книга «Партизанская война в Белоруссии». Против них хорошо воевали хаттовцы, они молодцы. А царандои – так, чтобы быть сытым, обутым, одетым.

Я получил осколочное ранение по ногам. Положили в госпиталь, но осколки доставать не стали: они сами выходят. Врачи в госпитале были нормальные, и с кормежкой было по-божески. Артисты приезжали: Розенбаум (он и на заставе выступал тоже), артисты разговорного жанра и т.д.

В полку была санчасть. В ротах были санитары. Мы называли их «пинцетами». Образования у них чаще всего никакого не было, назначили его, может быть, он прошел двухнедельные курсы – и достаточно, перевязать, кровь остановить могли. Да, в принципе, у нас любой мог за пинцета сработать.

Я уважаю всех, кто был в Афганистане. Я видел на войне и «полтинник», и дивизионщиков, и 57-й полк. Знаю, как мы воевали. Поэтому уважаю всех. Таких людей, которые были там, на гражданской не найти. Друзей таких – не найти.

Малов Юрий:

«Мечтаю побывать там, где служил»

Юрий Константинович Малов родился 7 мая 1964 года в поселке Старая Сама Ивдельского района Свердловской области. В 1972 году переехал в Качканар. Закончил 8 классов в школе № 7 и ГПТУ № 87 по специальности «машинист экскаватора».

Осенью 1982 года меня призвали в армию. До армии я занимался три года тяжелой атлетикой. Про Афганистан я почти ничего не знал, только то, что в декабре 1979 года туда ввели наши войска.

Служил я на Дальнем Востоке в городе Хабаровске на Красной речке, воинская часть № 9783, в пограничных войсках. Должность мне дали «заряжающий минометы». В армии готовят ко всему: занимались спортом, учили стрелять, разбирать оружие. Только через год забрали в Афганистан. Нас перебрасывали в Афганистан из Хабаровска до города Благовещенска, там сформировали мангруппу, загрузили в Ил-76 и полетели в Алма-Ату, где к нам села еще одна группа. Дальнейший пункт следования – Тахта-Базар, Туркмения. Три месяца была учебка.

Первый раз мы зашли в Афганистан перед Новым годом для усиления заставы. Перед нами их обстреляли из минометов, погибло 15 человек, и раненых было 9 человек. Мы пробыли там 20 дней, встретили Новый 1984 год. При нас боль-

ше обстрелов не было. Потом нас загрузили в эшелон вместе с техникой и отправили в Термез, Узбекистан. Затем через Хайратон снова зашли в Афганистан. Колонной пошли до Мазари-Шариф, заменили первую мангруппу.

Поначалу было как-то не по себе, потом обвыкся. Настроение было всегда нормальное. У нас была мангруппа № 3. Задача была охранять город Мазари-Шариф. В следующей операции под названием «Мармоль» погиб один человек и пятеро были контужены. Когда взяли Мармоль, первая мангруппа осталась в кишлаке.

Через некоторое время закинули меня на точку охранять кишлак. Так 12 месяцев провел в горах: ходили на операции, в засады. В радиусе 15 км все были моджахеды. На точке со Свердловской области было 15 человек, из них 8 с моего призыва. Все ждали дембеля, дождались. Министр обороны Устинов издал приказ № 202 в октябре 1984 года. Мы думали, что скоро домой, но не угадали.

Нас сняли с точки 13 февраля 1985 года, на четыре месяца задержали.

Боевых наград так и не дали. Писали два раза на наградные, так и не дождался, только юбилейные есть. После службы занимался спортом и работал. О службе в Афганистане вспоминаю с удовольствием. До сих пор у меня есть мечта – прокатиться по тем местам, где я служил.

Серебренников Олег: «Убили главаря банды»

Серебренников Олег Викторович родился 20 ноября 1963 года в Качканаре. Закончил 8 классов в школе № 4. В СПТУ № 87 получил профессию электрогазосварщика, работал на фабрике обогащения. 14 октября 1982 года призван в ряды Вооруженных Сил, 15 февраля 1985 года уволен в запас. Работает на агрофабрике. Воспитывает двоих детей.

Служить попал на Дальний Восток, в пограничные войска. Нормально прошел учебку в Биробиджане. В принципе, секрета особого не было в том, что могут послать в Афганистан. Само это слово не называли, а говорили «Среднеазиатский военный округ». Что интересно: нас в отряде с Качканара было восемь человек, но отправили меня одного – прошли комиссию, сказали, что годен.

Уже в поезде встретился с Юрой Маловым, он служил в Хабаровске. Сначала нас привезли в Благовещенск. Там на полигоне мы постреляли, еще погоняли нас, как положено, может быть, с полтора месяца. А уже оттуда – в Узбекистан, в Тахта-Базар. Там еще с месяцок попотели. Была еще недельная операция – вводили в Афганистан, недалеко в приграничье – наверное, чтобы вникли в ситуацию.

Вышли, дали нам технику, мы загрузились и поехали через Термез и своим ходом в Мазари-Шериф.

Ехали в 66-х (ГАЗ-66). Едет 66-й, а мы стреляли. Операция большая была, крупномасштабная. И ночью постреливали. Где стреляет – давали осветительную мину, и туда стреляем.

Вообще на операции ездили частенько. И месяц жили в других кишлаках, где – неделю, может, дня три. Особый отдел давал информацию: там банда, надо кишлак заблокировать.

Была такая операция. Мы пошли кишлак окружать и попали в «зеленку». Но пройти нам не

дали. Мы ехали на 66-х, а начальник моей группы на БТРе. Ему попало прямо в люк. Команда была выпрыгивать из машины и стрелять. Я под колесом оказался. Потом миномет раскрыли и начали в зеленку стрелять. С нами еще царандои были. Утром пошли прочесывать и оказалось, что убили главаря банды и его заместителя. На медаль писали и представление – не дали. Имею два знака «Отличник погранвойск» – их не всем давали. Звание – рядовой, хотели мне звание кинуть, но я сказал – не надо.

...Армия вспоминается, Афганистан вспоминается. С друзьями маленько дюпнешь – и пошли воспоминания. Сыну говорю: «Давай, ходи занимайся, готовься, иначе трудно будет».

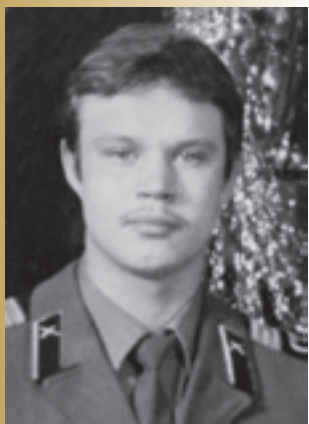

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Халин Валерий:

«Собирали и классифицировали оружие»

Валерий Владимирович Халин родился 19 января 1964 года в Качканаре. Закончил 8 классов в школе № 2, поступил в Исовской геологоразведочный техникум. В 1982–1984 годах – служба в Советской Армии. После увольнения в запас работал в организации «Востокметаллургмонтаж», на предприятиях Западной Сибири. В настоящее время работает у частного предпринимателя.

В Афганистан попал не сразу. Сначала был в артиллерийской учебной части в Мулино (Горьковская область), потом полгода обучался в десантной учебной части в Чирчике, там же прыгнул с парашютом. Но и после этого не попал в Афганистан: какое-то время служил на артиллерийской точке в Катакургане Самаркандской области. И только в январе 1984 года точку перевели через границу, через Термез в Баграм.

В марте 1984 года прикомандировали в батальон особого назначения в Баграме. В этом батальоне были пушки и гаубицы Д-20 (десантный вариант: маленькие, компактные). Наша задача заключалась в сборе и классификации боевого оружия. То есть с места боев, или в ходе зачисток, что нашли: хоть наше оружие, хоть «духовское» – все собиралось, сортировалось и отправлялось в Союз. Это были автоматы, патроны, разбитые пушки, «Грады», а иногда просто удивительные вещи. Однажды взяли ППШ, с глушителем! И в рабочем состоянии. Первый раз такое видел. БУРы – английские винтовки, они в принципе

там распространены. А вот как-то попало старинное ружье: ствол калибром сантиметров пять, заряжается с дула, совершенно неподъемное. И тоже рабочее! Прямо «Три мушкетера».

Участвовал в операциях на Саланге и на Панджшере. На Саланге был контужен, отлежал в госпитале в Баграме.

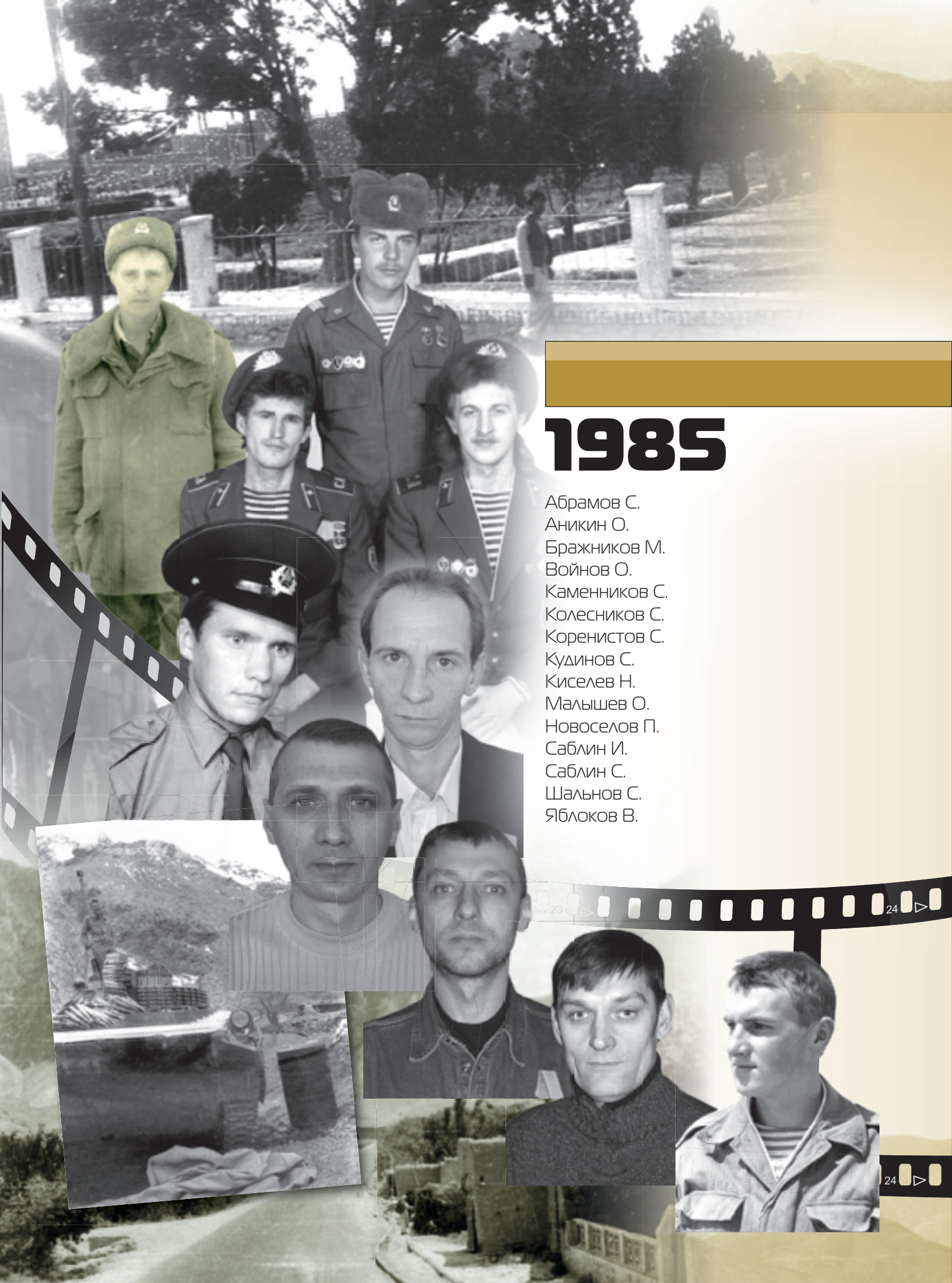
Обе операции были летом 1984 года. Загрузились в машины (у нас были КамАЗы и БТРы), собрали колонну и пошли на Саланг. Мост был взорван до нас. Пантонники навели переправу, мы по ней прошли и тут же встали на охрану этой переправы, пока войска тянулись. Потом нас сменили, мы пошли вглубь и стояли с той стороны Саланга, тоже на охране, и проческе кишлаков. В ходе операции у нас сторели два КамАЗа и один БТР. Операция закончилась, мы разгрузились и вернулись к себе.

Также и Панджшер: загрузились, поехали. Понятно, не мы одни. Там и пехота, десантура, зенитчики – у каждого своя задача. У нас – охрана, зачистка, проческа, сбор оружия.

Не всегда все обходилось гладко: и отходили, и «вертушки» вызывали. Постоянно что-нибудь случалось. На Саланге, когда с Союза заходили, дня три стояли: там стреляют, там стреляют, там стреляют – и по нам стреляют. Колонна стоит, уже не развернуться. И в тоннель не пускали, когда обстрелы. А мы в первый раз из Союза везли все: будки ремонтные, оружие... Я вел машину с «Градом». Машину подожгли, смотрю: горит. Шашку дымовую на кабину бросил (сигнал, что горит), в кузов сдвали, прицеп скинули, машину оставили. Тогда меня представили к награде, потом даже в военкомант вызывали, интересовались, но – заглохло.

На точке в Баграме жили в палатках, потом модули стали строить. Скважина была. Питание... Сухое картофельное пюре сначала вроде ничего, потом надоело. И килька – на завтрак и ужин – обязательно. В большом чане заваривали верблюжьей колючку. Эту воду мы пили и набирали во фляжки. Она хорошо утоляла жажду и, по словам врачей, была хорошей профилактикой от желудочно-кишечных заболеваний.

3 августа 1984 года уволился в запас. Что удивительно, нас не шмонали. «Оружие, наркотики есть?» – «Нет!» И все. Впереди мирная жизнь.

1985

Абрамов С.
Аникин О.
Бражников М.
Войнов О.
Каменников С.
Колесников С.
Коренистов С.
Кудинов С.
Киселев Н.
Малышев О.
Новоселов П.
Саблин И.
Саблин С.
Шальнов С.
Яблоков В.

24

24

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Абрамов Сергей:

«История, которую из жизни не выкинешь»

Сергей Николаевич Абрамов родился 24 января 1967 года в городе Верхняя Салда Свердловской области. До армии – учеба в школе и училище.

В 1985 – 1987 годах – служба в Вооруженных силах.

После армии закончил Свердловский юридический институт и был распределен в прокуратуру города Качканара, где работает в настоящее время.

Что знал об Афганистане до призыва? Знал, что там идет война, слышал песни, так как сам играю на гитаре, некоторые из них знал. В 1985 году был призван Верхнесалдинским военкоматом на службу, попал в сержантскую школу пограничных войск, которая находилась в Райчихинске (Хабаровский край, Амурская область). Обучение продолжалось пять с половиной месяцев, на отлично сдал экзамены и получил звание сержанта. Специальность – командир отделения БМП-1. Уже в сержантской школе нам сказали, что большая часть выпускников проходит службу в Афганистане. Для меня это было большой новостью, потому что я даже и не предполагал, что пограничные войска могут быть в Афганистане. Но кто конкретно туда пойдет, стало известно после экзаменов. Распределение проходило в начале ноября 1985 года. Мне объявили, что я направляюсь в Керкинский пограничный отряд, который находился в Туркмении. Сказали, что это воюющий пограничный отряд: находится на границе с Афганистаном, а сержанты-выпускники распределяются по мотоманевренным группам, которых было три и которые находились на территории Афганистана.

К этому известию я отнесся как-то с радостью. У меня спросили, есть ли возражения, я сказал, что возражений не имею.

По прибытии в отряд прошло несколько дней, пока нас перебросили в Афганистан. Нас было четыре человека, новоиспеченных сержантов, и нас четверых перебросили «бортом» (так мы называли вертолеты). У пограничников имелись свои вертолетные части: вертолетами производили быструю переброску людей, продовольствия, почту с территории СССР в Афганистан.

Первые впечатления были еще в полете, когда мы летели над Туркменией. Под нами даже в конце ноября было все зелено. У нас на Урале в это

время зима, все бело, а здесь – зеленые поля. Пролетев Амударью, пролетев границу, стало видно, что это уже не Советский Союз. Желтые поля, пыль на дорогах – с высоты птичьего полета это выглядело, как омертвевшая земля. В мыслях были какие-то волнения, даже страхи: «А как я? Справлюсь ли?» По прилету сразу поразило такое обилие пыли на дорогах, что даже засасывало сапоги и чавкало, как грязь после хорошего дождя. Сама мотоманевренная группа была обнесена колючей проволокой в несколько рядов, разделительной полосой, через несколько метров стояли боевые охранения, которые несли солдаты ММГ. Меня поставили на должность командира БМП-1, и попал я на третью заставу, заставу БМПистов. Было несколько боевых машин пехоты, меня поставили на машину, которая имела последний порядковый номер в мотоманевренной группе, вообще из всех машин. Куда бы мы не выезжали, моя машина находилась в конце прикрытия колонны.

Приходилось участвовать в боевых действиях. Боевые действия у нас велись в основном способами проведения операций. Пограничные

войска были озадачены тем, чтобы поддерживать спокойствие на прилегающей к Советскому Союзу территории. Около нашей мотоманевренной группы, которая находилась около кишлака Мордиам, проходила из Файзабада ветка крупного газопровода, и в нашу обязанность, помимо всего, входило проведение операций совместно с Советской Армией, или подразделениями афганской армии, чтобы этот газопровод был в сохранности. Хотя газопровод все равно периодически подрывали. Первый раз я это увидел в первый же день по прибытии. Нас сразу же поставили в боевое охранение. Охраняли мы сами себя, и с вышки я видел, как вдалеке произошел подрыв. Как раз в ту сторону ушла наша колонна. Когда колонна вернулась, ребята рассказывали, что взрыв произошел как раз, когда они проезжали мимо, но обошлось без жертв, хотя там же колонну и обстреляли.

Наша основная задача – быстрое выдвижение в район операции и блокирование этого района. Задача блокирования: чтобы ни один бандит не мог выйти, а потом уже войска начинали прочесывать данные кишлаки. Кроме этого еще наша задача заключалась в проведении засад, когда мы на ночь выдвигались на те или иные тропы, по которым ночью продвигаются караваны, перевозившие оружие и боеприпасы для бандитов. Соответственно на базе мы почти не находились, постоянно были в разъездах. Поскольку боевых машин пехоты в ММГ было немного, на базе не сидели.

Тактика моджахедов в то время напоминала то, что сейчас происходит в Чечне. В открытый бой они не вступали, но практиковали ночные нападения, ставили мины. Иногда поднимались восстания, когда целые подразделения афганской армии переходили на сторону моджахедов, тогда приходилось проводить крупные операции. Но, в основном, их тактика была партизанской. Наша тактика заключалась в том, чтобы не допускать потерь у нас, поэтому мы действовали за спиной афганской армии. Хотя были в наших же пограничных войсках десантно-штурмовые, маневренные группы, которые выполняли задачи по ликвидации банд, которые блокировались.

Особенностью службы в пограничных войсках можно считать то, что в них были очень серьезные службы контрразведки. В то время погранвойска входили в КГБ, и за всем, что делалось, КГБ очень строго следило. В первую очередь нам сказали исключить контакты с афганцами. Поэтому мы сидели на базе за колючей проволокой, так и сидели

в кругу своих. Контакты были во время проведения операций – от этого никуда не уйдешь.

Особенность службы была такова, что все мы были друзьями-товарищами. Приходилось из одного котелка есть, спать бок о бок. Были и такие ребята, с которыми я и сейчас поддерживаю отношения. Командир у нас был один – начальник заставы. С командирами выше мы не контактировали. Хотя когда выезжали на операции, могли попадать под командование других офицеров и для себя их подразделяли: кто лучше, кто хуже. Но, в основном, ценились офицеры те, которые могли найти контакт с солдатами. В Афганистане такой контакт – очень большая вещь. Командир в условиях боевых действий очень зависим от солдат. Даже в плане поесть. Полевых кухонь у нас не было. Готовили сами себе. Когда на блоке стоишь – не разгуляешься. Бывает даже соседней

машины не видно. Любые передвижения опасны. Поэтому готовили тут же около машин, машины окапывались. Офицеры питались с нами.

Бытовые условия менялись. Когда я только прибыл сюда, была одна казарма. Она была построена из того, что лежит под ногами: пыль, песок смачиваются, насыпается солома, делаются кирпичи. Из этого складывается коробка здания, сверху кладутся палки, хворост, солома – вот такая казарма. Афганцы таким же способом строят дома. В такой казарме мы жили, помещение в казарме почему-то называли кубриками. Впоследствии была построена еще одна казарма, по типу землянки, зарыта в землю и сверху покрыта крышей. Зато появилась возможность жить в более просторном помещении, где койки стояли в один ряд. Было у нас даже электричество, но на ночь его отключали. Ночью сидели с лампой керосиновой. Стригли сами себя – были такие умельцы, которые хорошо это делали. Питание было разнообразным в том плане, что бывало пусто, бы-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

вало и густо. В основном питались сами. На базе были редко, поэтому получали сухой паек: крупы, консервы, очень распространена была килька в томатном соусе, которую называли «изжога» и у которой срок годности давно истек, черный хлеб, для которого муку привозили с червями, но хлеб из нее получался ничего. Будучи молодыми солдатами, ели хорошо, не брезговали, а впоследствии вовсе не обращали внимания, что червяки попадались, запеченные в хлебе.

Досуга практически не было. Пальцев на руках хватит посчитать ночи, которые я спал полностью, с вечера до утра. Наш распорядок был такой, что на базе мы всегда несли боевое охранение, у нашей заставы было два поста. Я всегда ходил старшим наряда на один или другой пост. Каждый день был расписан. Это была в ночные часы служба, и в дневные часы служба. Оставалось время только поесть, поспать, привести себя в порядок. А во время боевых операций – не до досуга. Ночи тоже делили, спали немного ночью, немного днем.

Случаи... Вся служба – один большой случай, история, которую из жизни не выкинешь. В первые же дни службы – тревога, поставили задачу вместе с колонной выдвигаться к крепости царандоя, которая находилась в трех километрах от нашей ММГ, поскольку на нее было нападение. Моя машина шла последней, я был молодым, плохо разбирался в обстановке. Но был у меня механик, которому оставалось служить полгода и который опасность чувствовал хорошо, имел опыт в ситуациях. А командиром нашей небольшой колонны был замполит нашей мотоманевренной группы, который тоже только заступил на службу. По дороге нас обстреляли из гранатомета, я шел четвертым, граната ударила, где-то перед третьей машиной

по обочине дороги. Мой механик, высунувшись из люка, закричал наводчику, чтобы он разворачивал башню и стрелял туда, откуда произведен выстрел. На посту царандоя меня вызвал замполит и стал ругать, почему открыли огонь без команды. Тогда впечатление было сильное от опасности, почувствовал адреналин в крови.

Но большие воспоминания о том времени – постоянная усталость и постоянная нехватка сна. Также и перед концом службы, когда ждали молодое пополнение и вся тяжесть службы по боевому охранению ложилась на нас, кто уже собирался домой.

Закончил службу в мае 1987 года и также вертолетом был переправлен в Советский Союз. У меня есть награда, медаль «За отличие в охране государственной границы СССР». К этой медали командир написал представление после очень важной операции, где колонна состояла из машин разных мотоманевренных групп. Были у нас офицеры из группы, которые проходили практику, которая заключалась в том, что их тоже поставили в бое-

вое охранение, а я – старший сержант, ходил у них старшим наряда. Дали мне троих человек: капитана, старшего лейтенанта, лейтенанта – и я ставил им задачу, как нести службу. Когда проводилась эта операция, мне пришлось на своей машине тащить БТР, который отстал. Колонна была

большая, останавливаться она не могла из-за одного БТРа. Колонна ушла вперед, мне была поставлена задача ни в коем случае не оставлять поломанный БТР. Я своей машиной зацепил его и догонял колонну. Командир заставы похвалил меня. И раньше меня хвалили за хорошее несение службы. Сначала был представлен к нашему знаку «Отличник погранвойск» 1-й степени, а потом к медали, которую получил уже дома, в Верхней Салде.

Афганистан имеет большое значение в жизни. Здоровья там ушло много, но я выстоял, вынес тяготы и лишения, я горжусь своей службой, как фактом биографии. Како факте в истории страны – сказать не могу, я не политик. Все-таки война в Афганистане не сравнима с войной в Чечне. Она была более организованной, более грамотные были командиры.

Новоселов Петр:

«Контраст между отсталостью и современностью»

Петр Николаевич Новоселов родился 12 декабря 1965 года. Семья переехала в город Волжск под Казанью, где закончил Волжскую среднюю школу № 2 и СПТУ по специальности электросварщик.

В августе 1984 года призван в ряды Вооруженных сил. После увольнения в декабре 1985 года работал электросварщиком городе Волжске. Затем переехал в Качканар, работал на заводе ЖБИ «Запсибнефтехстрой», Качканарском заводе по ремонту горного оборудования. В настоящее время – инвалид II группы.

После недолгого пребывания в Йошкар-Оле, Казани, Пензе – учебка в Илотане (Туркмения), тоже недолгая, всего два месяца, артиллерийские войска. Потом построили, объявили и на борт. Ветер в голове, рады были, что летим в Афганистан.

В Кабуле часть выгрузили, а нас этим же бортом в Шинданд. Конечно, увиденное показалось диким в сравнении с Россией – эти их глинобитные мазанки. А вот Мазари-Шариф, мусульманская святыня, понравилась. И еще разительный контраст между отсталостью и современностью. Вот, например, афганский крестьянин пашет на поле на двух быках сохой, как в средневековье. И рядом современная японская аппаратура, какой мы в Союзе и не видывали.

Определили меня в арtpолк, но с пушками вообще никаких дел не имел. Все больше приходилось сопровождать грузы от аэродрома до части. Все было очень хорошо. Сгущенка, шоколад – в Союзе мы такими продуктами не были избалованы. Молодой был – так и косячок попробовал, но не сильно. Однажды отдыхаем, два часа ночи, и вдруг какие-то странные звуки, каких раньше не слышали. Выстрелили на звук – оказался баран: зато мясо ели.

Однажды получил 10 суток ареста. Стоял в карауле, приехал командующий, так я ему даже честь не отдал. Я и не знал, что это командующий. Командира своего полка знал, а выше...

Дважды мог погибнуть. Ездили за боеприпасами, и уже когда возвращались обратно, попали под обстрел. Водитель получил пулю под сердце. Я ему вколол прамедол, а сам сел за баранку. Водитель выпал из кабины, прапорщик спрыгнул, а меня понесло в пропасть. Как я вылетел – так и не понял, но у меня – ни царапины, а КамАЗу с боеприпасами – кранты.

А вот в другой раз не повезло. Мы были на точке. Обычная точка: палатки, два танка и БТР.

Через какое-то время пришла смена, не наша, десантура. И вот уже у аэродрома нас обстреляли. Валили борт – и нас зацепили. Попало по броне, меня выбросило. Понял, что контузило: в голове шум, ничего не слышно. Потом почувствовал, что обжигает. Посмотрел: а кровь течет, как с барана. Но сознание не терял, отстреливался. Расстрелял все подсумки, хотя стрелял короткими очередями: «двадцать два» – как учили в учебке. Потом стало тяжело дышать. Прамедол был – сам себя уколол и пошел до «санитарки» (ГАЗ-66). Там мне еще вкололи прамедол – совсем хорошо стало. Потом вертушка пришла – меня на ней в Шинданд, в госпиталь. Хирург, полковник Ребров, посмотрел:

«Укол ставить не буду, тебе и так хорошо». Я еще сам в операционную палату зашел. Потом силы оставили. Оказалось, что прошило бок и ногу. Правая нога не поднималась: обрезан берцовый нерв. Осколки частью достали, частью выходят сами до сих пор, маленькие, со спичечную головку.

Поменял много госпиталей: Ташкент, Чарчжоу, Куйбышев, Казань...

Домой вернулся в декабре 1985 года. Что представлен к медали я и не знал. Работал на КЗРГО, пришел представитель из военкомата и вручил медаль «За боевые заслуги».

Афганистан вспоминаю нормально. Там было и хорошее и плохое, но хорошего – больше. Афганистан нас сплотил.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Шальнов Сергей:

«Афган — это жизнь»

Родился 13 мая 1967 года в поселке Косья Нижнетурунского района Свердловской области и до 1984 года жил там. Закончил Косыинскую среднюю школу. В девятом классе научился играть на гитаре и с друзьями организовал ансамбль из 4-х человек. Играли на вечерах в школе, в местном клубе на танцах. Уже тогда заболел небом, парашютами и в 10-м классе послал документы в Рязанское высшее десантное училище, но не прошел по баллам. К тому времени родители получили квартиру в Качканаре. Переехал и встал на учет в Качканарский горвоенкомат. В 1984 году поступил в СПТУ № 87, учился на помощника машиниста электровоза. С учебы ездил по направлению в Нижний Тагил на курсы парашютистов. Отучился и отпрыгал на отлично. Сделал три прыжка с Ан-2. В мае 1985 года вызывали на собеседование. Группа уезжала в Егоршино 10-го, а 18 лет мне исполнилось 13-го. В общем, был отправлен в войска 10-го мая 1985 года с отметкой: «убыл в расположение части 13-го мая». День рождения отмечал в поезде. Вернувшись после службы домой, восстановился в СПТУ № 87, закончил его и начал работать в ЖДЦ сначала в локомотивном депо, затем помощником машиниста тепловоза. Уволился по собственному желанию. Работал на КЗРГО. Вернулся обратно, где сейчас и работаю, в УГЖДТ.

Что знал об Афганистане? Да практически ничего... «Идет война. Оказывается помощь и т.д.». Могут убить? Ну какой 18-летний пацан об этом думал? Мы – герои, а кругом просто взрослая игра. Уже перед отправкой пугал знакомых девчонок: «Все, в Афган. По секрету сказали». Те закатывали глаза. Ахи, вздохи: там же стреляют... А ты такой стриженный «герой». Но перед автобусом у военкомата отец, провожая, сказал: «Ты едешь в десант. Напрыгаешься и настреляешься и так. Слышал, болтаешь про Афган. Зачем тебе это? Дай слово, что не будешь проситься туда сам». Пришлось пообещать. С чем и уехал.

Из Егоршино на вторые сутки мы были отправлены эшелонном в Литву, в 201-й учебный десантный полк. В поезде все перезнакомились, сдружились. Через шесть суток прибыли. На распределительном пункте нас распределяли по полкам и по ротам, причем по желанию получения воинских специальностей. С двумя качканарцами я сдружился еще в поезде. Один хотел быть наводчиком – из пушки пострелять, другой – командиром БМД. Ну а я, раз руки к технике заточены, заявил: «Буду механиком-водителем. Соз-

дадим Качканарский экипаж. Служить вместе будем». Наивный!

В большой палатке сидели майоры, подполковники – «покупатели» с разных полков. У одного из них и был мой военный билет. На вопрос, кем хочу быть, ответил: механиком-водителем. Последовал второй вопрос: «А на БМП пойдешь?» Замешательство. Какая БМП? Мы же десант! Взгляд в глаза и третий вопрос: «В Афганистан пойдешь?» В тот момент подумал о многом. И о слове, данном отцу (но я его не нарушил), о товарищах и офицерах, смотрящих на меня сейчас в этой палатке. Сказал просто: «Конечно, пойду». И попал служить в 201-й учебный полк (в/ч 42227 «Т») – третья парашютная рота, рота механиков БМП («афганская»). Домой написал сразу, не врал, просил не беспокоиться. Через пять с половиной месяцев, после выпускных экзаменов, стали готовиться туда, «за речку».

В учебке подготовка велась, в основном, по специальности, но хватало и прыжков с парашютом, и марш-бросков, и ночных вождений машин, но все же основное – машина. Упор делался, как любил говорить ротный капитан Булычев, на «условия горно-пустынной местности и дружеское расположение местного населения». 25 октября 1985 года самолетами Ил-76 с Гайжунайского аэродрома были отправлены в Кировоград. Разместились в учебном центре где-то в степи на двое суток. После чего самолетами Ту-154 перелетели границу СССР и через 3,5 часа приземлились на Кабульском аэродроме. Первые впечатления: жара +25°, причем вылетели при -3° ночью. Горы – далекие и величественные, покрытые белыми шапками снегов. Люди в непонятной песчаного цвета форме с множеством карманов, с оружием в руках. Причем держащие и носящие автоматы не на плече, согласно уставу, а как газету, как какую-то ненужную сейчас вещь, но не бросающие ее, так как упрут другие.

Мысль одна: куда это меня занесло?! Шум аэродрома, рев моторов, крики команд – все смешалось. Казалось, все это сон, не страшный кошмар, нет, а скорее какой-то сумбур, с одной стороны дикий, но очень интересный и динамичный. Все было довольно быстро. Пересчитали по головам, и повели колонной по трое в клуб. Продержали с час, провели политинформацию, которую никто толком не понял: где мы и что мы? После чего по списку, по фамильно мы были распределены на три полка: 350-й, 317-й и 357-й. Попал служить в 357-й Краснознаменный двух орденов Ленина гвардейский воздушно-десантный полк (в/ч п/п 48059 Т), в третью роту первого воюющего бата-

с не дружеским местным населением. На самом перевале, около двух километров от нас, была одна из застав нашего полка. В случае чего могли прикрыть огнем. Кстати, в первые полтора месяца один из парней нашего выпуска наводчик с БМП предотвратил ночью обстрел реактивными снарядами Кабульского аэродрома. Духи подготовили установки, а наши ночью их обнаружили и подавили огнем. Наутро с этой заставы уходила через перевал наша разведка, обнаружила 6 установок и 20 реактивных снарядов.

Через три месяца я был возвращен в полк, где получил не новую БМП с бортовыми номерами 733. Началась весна, и в горах зашевелилась вся «нечисть». У нашей роты начались сопровождения колонн, выезды на операции, засады. Началась та большая игра, в которую еще дети играют. Название ей – война. Выездов было очень много, лето было жарким в прямом и переносном смысле. Один, два раза в неделю сопровождения колонн на Гардез, на Газни, засады в районе Чарикара,

льона. В полку было три батальона: 1-й воюющий плюс отдельная рота разведки; 2-й нес службу на заставах вокруг Кабула; 3-й включал в себя роту КамАЗов РМО, связь, кухню, автопарк и т. д. Полк размещался в самом городе на возвышенности, огороженной бетонным забором с колючкой, окружен минными полями, в старых английских казармах, оставшихся после вторжения англичан. В этих казармах со стенами толщиной до полутора метров, по рассказам, размещалась юнкерская школа. Место носило название «крепость Балахисар». Была осень, и мы, молодые солдаты, проходили адаптацию к климату. Из-за недостатка парка боевых машин технику мне не дали. Две из семи БМП были разбиты: подорвались на минах. Их отправили в Союз, а новых пока не было. Я остался служить в своей роте простым автоматчиком. Вскоре получил пулемет, но из-за нарушения дисциплины был отправлен в командировку (ссылку) на строительство стрельбища для нашего полка. Нас было четверо солдат и прапорщик. Днем строили укрытия, рыли траншеи, ночью несли службу в казарме по двое. Рядом с нами находился перевал Паймунар, а за ним кишлаки

войсковая операция на Газни, выезды на блоки. Весна и лето 1986 года прошли практически без потерь, так как при технике сопровождения в самых опасных местах применялась тактика усиления колонн бронетехникой. Одна БМП, два-три КамАЗа, БМП (БТР), опять два-три КамАЗа. Причем во время гонки по опасным местам, гнали до 80 км/ч, в обе стороны велся массированный огонь из автоматов и пулеметов пехоты, сидящей на броне, так, что даже носа никто высунуть не мог. Колонны всегда поддерживались огнем с блоков, на которых сидели ребята с нашего 1-го батальона. После провода колонн блоки снимались на ночь, и ребята возвращались в полк. Боевых операций было довольно много, всего не описать. Дважды были на Суруби, ходили на Хур-Кабул, собирались, но так и не сходили к Хосту. В 1987 году угонял в Союз на капитальный ремонт разбитую на «боевых» технику, получал в Хайратоне новые БМП-2, через Саланг вернулись в Кабул.

Участвовали в выводе первых шести полков в 1986 году. Первый вывод был произведен в 1986 году с большой помпой из расположения нашего полка, из крепости. Мы же были перебазированы

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

на окраину Кабула, чтобы освободить место для выходящих полков. Их перегнали вместе с техникой в крепость, а оттуда в Союз.

Вооружение у нас, конечно, по тем временам было самое современное. Много было новинок: АГС, пулемет «Утес», различные ракеты («иглы»), ЗДП, новые гранаты РГН («яблочко») – очень много всего.

Успехи. Главный успех на войне – это отсутствие потерь. До осени 1986 года, можно сказать, были успехи, а потери начались, как только правительство доктора Наджиба начало политику примирения с душманами. Нам запретили стрелять. Только отвечать огнем на огонь. Это сыграло на руку

духам. Они же вели тактику партизанской и минной войны. Высунул, выстрелил и вниз в колодец, кириз по-афгански. Отвечай, сколько влезет. С конца лета 86-го, осень, зиму мы несли потери. Подорвалась на радио фугасе машина с моего взвода №732, БТР саперов налетел на мину, зажали в засаде разведку нашего полка: ребята приехали почти без патронов, выручать ходила 2-я рота. На некоторых БМП пришлось менять стволы пушек – увело от перегрева. Колонны периодически попадали в засады. Можно сказать, умылись кровью. Зиму 1986 года почти никуда не ходили, только на Хур-Кабул и Суруби. Это основные операции. На Хур-Кабуле нас тоже потрепали изрядно, под минный обстрел попали в первый же день, а выходили вообще ночью без фар и габаритных огней в темноте.

Много также пришлось поехать по заставам, возить начальство с проверками. Ездил и одиночкой, и двумя машинами. Всякое было. В одной поездке за Теплым станом попал и сам в засаду, получил гранату в борт, но там мне повезло, там дух смазал, оторвался только кусок фальшборта, да остались царапины от пуль на бортах и броне башни. Ездил тогда с комбатом Фроловым, так он пьяный, вечером сам меня в роте нашел и что-то кричал, мол, хрен им – нас не взять. Потом два взводных его спать увели, ему руку в тот раз легко ранило. Командиры – комбат, его заместитель майор Цыганок и прапорщик Степанов (техник роты). Других не хочу вспоминать, они не мужики и ни в коем разе не командиры. Шакалы. Вот меткое солдатское прозвище.

Из высокопоставленных начальников видел, общался, охранял генерала Варенникова – он

был проверяющим Генерального штаба. Весной и осенью приезжал из Союза с большой группой начальников. Во время визитов останавливался в «резиденции» – гостинице около дворца (штаба 40-й армии). Третья рота в составе двух взводов охраняла его со свитой. Три БМП были в усилении. Зимой 1986 года в Кабул прилетел Шевар-

днадзе, в то время вроде министр иностранных дел. Наш батальон дежурил в городе. Во время прохождения по основной улице колонны «мерсов» механы ставили машины поперек прилегающих к главной дороге улиц, пехота с автоматами наизготовку выстраивались в шеренгу воз-

ле машины (БМП, БТР). При попытке прорыва к колонне было приказано открывать огонь на поражение. Хорошо, что их не было. После прохода колонны БМП убирались на обочину, и движение на улицах возобновлялось.

Афганские солдаты? Особо не общался. Но могу привести такой пример. Были мы как-то в наряде по комендатуре. В городе ночью наступил комендантский час. Мы стояли в ночных патрулях в Кабуле на перекрестках. Стояли вместе с афганскими солдатами. Их обычно по двое с нами стояло ночью. Они останавливают и проверяют документы у афганских военных машин (другие ночью не ездят), мы же – у советских. И вот ночью двое наших пехотинцев, пеший патруль (наводчик бдит на башне, двое ходят вокруг БМП), услышали разговор двух афганских солдат. Те выкурили сигаретку с анашой, ну и начали скалиться, по-своему лопочут, на нас показывают. Ребята подошли (афганский, общие фразы, немножко понимали мы все), ну и завязался неприятный разговор. Они, видишь ли, заключили, что советские солдаты – дерьмо, а они, мол, чуть не «Рембо». Кончилось тем, что один из них дернул с плеча автомат. Это был ППШ, произошел случайный выстрел, пуля – в асфальт и в колено нашему солдату. Кровь, мат, те бежать, мы парня перевязали и в госпиталь. В общем, ни наше КГБ, ни их ХАТТ так его и не нашли. Заключили: ушел в банду с оружием. Вот такое дело. Такое отношение: не хотели воевать за себя, трусливы, хитры.

Бытовые условия: уже говорил – пока были в крепости Балахисар, быт был довольно налажен. После передислокации в 1986 году стало послож-

нее. Парикмахерской не было вообще, стриглись сами. Баня, точнее душ – от спецмашины на базе ГАЗ-66, питание в столовой. На боевых – сухой паек. Досуг – телевизор утром и вечером программа «Время».

Контакты с местными? Какие могут быть контакты с хитрым, изворотливым врагом. Почти не имели. При остановках в городе никого не подпускали к машине, могли прицепить мину. В 350-м полку было два взрыва в парке. Мальчишки прицепили мину за фальшборт. Никто не пострадал, кроме бронетехники. На дорогах мальцы кидали камни в нас, плевались, грозили кулаками. Взрослые нас побаивались. Зимой 1987 года приказом по дивизии нас, механиков-водителей, обязали научить водить технику командиров – сержантов и наводчиков. В городе, мол, были убиты двое механиков-водителей из окна в голову, использовался ПБС (прибор бесшумной стрельбы). Так же пришла информация о переходе со стороны Пакистана подготовленной группы женщин-боевиков. Цель: уничтожение солдат и офицеров в городе. По мусульманским законом прикасаться к женщине в парандже никто не имеет права. Она подходит и – чик из пистолета с глушителем. Вот такие отношения с местными.

Награды, кроме юбилейных и «От благодарного афганского народа» нет. Почему? За время несения службы, как в должности пехотинца, механика, так и в должности старшего механика роты, проявил себя настырным, не взирающим на чины, добивающимся своего солдатом. За это, в принципе, и пострадал. Во время боевых в Суруби отказался выполнять глупый приказ замкомбата по тылу. Эта крыса решила устроить строевой смотр от безделья. Мы стояли лагерем в долине, рядом текла грязная речка, но при спуске к реке одному из солдат оторвало ступню: наступил на мину. Естественно, больше никто к реке не лез. Майор нас построил, на машинах остались только наводчики и пеший патруль рядом, и приказал нам, грязным и пыльным, подшиться и вымыться. После чего через 30 минут будет смотр. Обычно такие крысы не ходили на боевые действия, но, видимо, захотелось и ему награду. Сплошь и рядом такие получали награды за один выезд из части. После команды «Разойдись», скомандовал я: «Третья рота, на месте!» Произошел неприятный разговор, почему я отказался выполнить приказ. Он брызгал слюной, орал, но мои «орлы» не ушли и остались стоять. Солдаты других рот (механы) были удивлены. Кто я? И кто Он. Но если ты не знаешь, когда придут роты, а придут они без воды, это точно, и у тебя в баке пить-

евой воды всего 20 литров, да на 20 глотков ты сам ее пить не будешь, не то что мыться. И плевать на звезды. Ни один нормальный командир не отдаст такого приказа. Вода – это жизнь. И это не пустые слова. И только после его обещания, что воду привезут, я повел своих механов мыться, бриться и т.д. Подворотнички пришили проволокой, умылись. Не обманул. Пришла водовозка, залили вечером все, что было. Пехота пришла через двое суток. Все были удивлены количеством воды. Пили чай. Сварили суп из тушенки. А я получил клеймо на всю оставшуюся службу. До самого последнего дня эта сволочь не давала прохода, а наградной лист писарь из штаба последний раз видел в его руках.

Ну и ладно. Нет наград, значит, не заслужил. Главная награда – это когда ты уже в «парадке» стоишь у грузовика, который отвезет тебя на аэродром, а твой молодой, прощаясь, стоит со слезами на глазах и говорит: «Зря ты на сверхурочную не остался. Послужил бы еще». Другой же, тоже твой молодой, уезжает на выезд из ворот парка, нажимает на сигнал и давит, давит. Прощается. Значит, служил правильно, не давал поблажек, но и не давал никому в обиду.

Уезжал с последней партией, с группой старослужащих механиков-водителей. Нам пришлось на последней операции в район Чарикара обкатать молодых механиков-водителей. Пришел такой приказ от комдива. Прокатились без проблем, хотя было не по себе. Вся пехота уже дома, а ты еще здесь. Из родной части выехали на двух «Уралах». В одном мы, в другом охрана. Вылетели с Кабульского аэропорта на грузовом Ил-76, который доставил нас в Ташкент. Пройдя таможенную, отправились на железнодорожный вокзал. На самолет не было билетов. На поезде до Оренбурга, потом на Свердловск, где все и расстались.

Какое имеет значение Афган? Считаю, огромное. Это становление личности, умение выживать. Становления мировоззрения. Кто есть кто. А, в общем, это все ерунда. Афган – это жизнь. Эти полтора-два года, которые любой, кто прошел войну, будет вспоминать всю жизнь. И эта печаль, боль, гордость – все это останется в душе вечно, как останутся в памяти имена друзей.

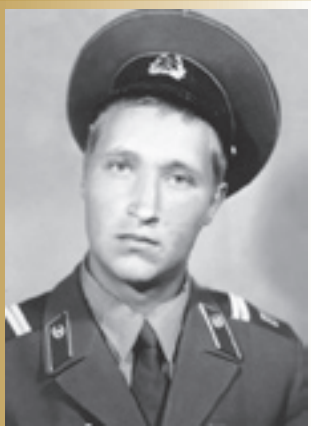

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Яблоков Владимир:

«Нас просили о помощи»

Родился 18 января 1965 года в городе Верхняя Тура Кушвинского района Свердловской области в семье рабочих.

В 1972 году поступил в начальную школу № 18, в 1975 перешел в среднюю школу № 19. Закончил 8 классов, в 1980–1982 годах учился в ГПТУ № 50 города Верхняя Пышма по специальности токарь. В сентябре 1982 от Кушвинского горвоенкомата был направлен учиться в город Нижний Тагил на водителя категории «С». В 1983–1985 годах служил в Советской Армии. В настоящее время педагог-организатор ОБЖ в Качканарском профессионально-педагогическом колледже. Организовал военно-патриотический клуб «Юный пограничник».

19 апреля 1983 года призвали в пограничные войска на Дальний Восток (Амурская область, город Шимановск). После учебки в августе этого года был направлен для продолжения службы на заставу № 5 водителем автомобиля ЗИЛ-130. Возил прожектор «Пункт технического наблюдения». В октябре 1984 года переводят в отряд мотоманевренной группы (ММГ) в качестве наводчика-противотанкового безоткатного гранатомета. О том, что ММГ комплектуется и готовится для Афганистана, узнали в начале января 1985 года. Командир отряда построил всех военнослужащих и объявил, что ММГ направляется в ДРА выполнять интернациональный долг, желающим – выйти из строя. Вышел весь отряд, но отобрали тех, кто отслужил не менее года.

17 января вылетели с Дальнего Востока, прибыли в Керкинский пограничный отряд, там проходили спецподготовку в песках Каракумов.

14 февраля 1985 года в 10 часов местного времени выехали в ДРА. Пока ехали до города Андхой, миновали множество кишлаков, в этих кишлаках дети голодные, раздетые, просили сигарет, пищи. Очень их было жалко. Это самое первое впечатление. Другой мир. Цивилизации, в нашем понимании, нет. Местом нашей дислокации был город Андхой, в стороне метров 300 от него.

Метрах в 300-х от нас еще одна база, где жили сарбозы, это которые за революцию. Раньше там было типа поместья, забор метров восемь высотой, ходили часовые. Перед нами там стояла мотгруппа, она выехала, мы заехали.

Наша задача – прикрыть границу Советского Союза. Этому придавали большое значение после того, когда в 1984 году душманы обстреляли город Термез. Впредь этого нельзя было допустить. Наша группа была 300 человек, зона ответственности – Андохойский район. В других районах были свои мотгруппы. Когда была крупная операция, они

сбегались определенным количеством людей, техники и уничтожали банду. В обычное время – обычный распорядок дня, занятия идут, связанные с военной подготовкой. В этот период времени довелось участвовать в трех боевых операциях и около десятка раз выезжали на боевые засады.

Я был наводчиком безоткатного противотанкового орудия. Орудие стреляет на пять километров, сплошное поражение 250 метров. У нас во взводе было четыре отделения, в каждом по четыре человека. Безоткатное орудие переносили на себе два человека: командир расчета несет впереди, наводчик сзади, плюс заряжающий и своя машина ГАЗ-66, которая возила снаряды в любой операции. Одна такая операция была у города Шибеган. Сколько в ней участвовало людей, я точно сказать не могу, где-то четыре коробочки БТРов, коробочки четыре БМП, военнослужащих человек 50–70, экипажи и кто на броне, и два расчета наших выезжало.

Когда стали подъезжать к городу, там бой уже шел. Десантно-штурмовая группа высаживалась в горах с вертолета. Банда стала уходить из города. С нашей стороны сразу погибло 3 человека. Выбежал сержант, спрыгнул с вертолета (хотя их задача была только окопаться). Следом офицер –

спасать сержанта, тоже попал под обстрел. Потом рядовой – все трое погибли.

Обычно боевые действия были по ночам, а здесь днем. Мы встали на свою точку, где должна находиться наша мотгруппа. С нашей стороны была равнина, пески, было спокойно, мало стреляли. В основном стреляли с гор и в горы – там были наши десантники и пограничники. Нам был приказ не стрелять. У нас командир был капитан. Мы у него спросили: «Почему не стрелять?» Он: «Хотите повоевать?» Мы: «Не в том

дело, это жизнь людей». Он: «Сидите спокойно. Банда будет выходить – на вас нарвется». Но как они на нас нарвутся, если днем мы окапывались. Только наш расчет выкопал семь окопов, а еще пулеметчики, автоматчики. Коробочки стояли между собой через 300 метров. Сарбозам было приказано сесть между коробочками, те боялись отходить. Спрятались за нами. Вечером, ближе к темноте, начался бой, очень сильно били по нашим в горах, десантникам не давали высунуться, а мы все это слышим – у нас тишина. Те просят помочь, а у нас приказ не стрелять. Поговорили со своим командиром расчета Заверюхой Евгением и приняли решение уничтожить душманские пулеметы. Я, как наводчик, навел на один пулемет, оставалось только нажать кнопку. Не было смысла стоять и ждать: душманы из своих пулеметов сильно стреляли, а банда уходила. Мы приняли решение на свой страх и риск. У водителя взяли болты и гайки, командир бросает их в БТР – якобы нас обстреливают, здесь начинают стрелять автоматчики, пулеметчики, под этот шум я из своей пушки стреляю и уничтожаю пулемет с первого выстрела. Здесь же с горы пе-

редают по рации: «Спасибо, ребята, уничтожьте еще пулемет», – и дают координаты. Начальник штаба находился в другом БТРе, спросил: «Кто стрелял?» Ответили, что никто не стрелял. Он так же доложил дальше. А водитель БТРа, который слышал координаты, сказал про второй пулемет: «Я не видел откуда он стреляет, его точка была за дувалом». Но из расчета, что у меня 250 метров поражения, я мог его уничтожить. Я навел безоткатное орудие, приготовился. Но я не имел права стрелять без разрешения командира расчета. Я опять взял болтов, гаек и опять стал кидать в

БТР, чтобы создать шум, ребята по договоренности начинают стрелять из автоматов. Мы стреляли из безоткатного орудия. Капитан был в БТРе и выстрелов не слышал. По рации передают: «Спасибо, дали вздохнуть». Огонь пошел с нашей стороны туда, где выходила банда. Часть ее ушла, часть была уничтожена.

Утром бой закончился, разрешили уйти в город местным жителям. В основном это были дети и женщины. Я впервые услышал, как ревет город, весь город, хоть мы стояли 300–400 метров от него. Город за ночь очень сильно пострадал. Мужья их и отцы оставались охранять имущество и многие погибли. Когда операция закончилась, нас всех выстроили, начальник штаба приказал выйти тем, кто стрелял. Я вышел, и Заверюха вышел. Мы думали нас накажут, а нам объявили благодарность, и мы встали в строй. Когда приехали к себе в мотгруппу, доложили своему командиру взвода о случившемся. Командир тоже объявил нам благодарность. Немного погодя начальник штаба объявил благодарность командиру за его подчиненных. Минут через 10 подошел капитан, чей приказ мы не выполнили. У него был неверный приказ, а докладывать и жаловаться там было некому, так как начальства там больше не было. Мы приняли решение уничтожить пулеметы, и мы это сделали.

22 мая нам объявили, что дембеля уезжают домой, а наша мотгруппа уходит в другое место. Мы так поняли, что возвращаемся на Дальний Восток, так как выполнили свою боевую задачу. Когда выехали в Союз ближе к погранотряду, прилетел генерал-майор, фамилию не помню. Был приказ совершить марш-бросок на боевую операцию за

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

800 км. Мы вдоль границы проехали в Кушкинский погранотряд, заехали опять на территорию Афганистана в район города Герата. Нам сказали, что душманы отравили воду. Наши медики туда полмешка хлорки бросили. Через час-два приехали местные и заявили, что это мы воду отравили. А мы-то ее наоборот обеззаразили. Мы пили эту воду, это убедило местных, что вода не отравлена. Я сам кружек пять этой воды с хлоркой выпил.

Дня через два-три я приказ получил на службу, а обычно мы службу несли со своим безоткатным орудием. Бежит начальник штаба: «Куда?» «Приказ получили на службу». – «Быстро к вертолетам на боевую операцию!» Здесь же нас на вертолеты, летели час-полтора на афгано-пакистанскую границу, в район горы Чашма-Инжир. Высадили нас около гор, в горах уже шли бои, там база душманская была, ее не могли взять в течение нескольких лет. Здесь была полномасштабная операция.

Базу брали часов шесть-семь, одних подвозили, других отвозили – много было раненых, были убитые. Когда высадили наш расчет в низине, мы на эту гору километров пять с боем прорывались. Конечно, не только мы, со всех сторон эту гору брали. После того, как эту гору взяли, мы удерживали единственную там дорогу.

22 июня 1985 года в соседнем районе шла операция, также были раненые и убитые. С вертолетами, которые их вывозили, вывезли и тех из нас, кому на дембель, в Союз.

Вспоминается мне такой случай. 27 апреля отмечали день апрельской революции. В городе Андхой они решили устроить парад по этому случаю. Нашу мотгруппу попросили охранять этот парад. Нас выехало туда человек 200. Парад прошел очень хорошо. Когда он закончился, мы уехали. Минут через двадцать-тридцать в нашу сторону идет колонна с белым флагом. Нас попросили о помощи. Что случилось? В этот день главарь банды женился в какой-то раз, и в честь этого они решили испортить праздник местным и запустили в город две мины. В это время там выступал детский театр типа цирка, а дети у них сидят на земле, а не на скамейках, как у нас. Мины эти попали почти в центр. 147 человек было ранено, около 20 убито. Раненых везли к нам, потому что их госпиталь был переполнен. Я сам нес ребенка без ноги и девочку без руки, где-то 3–4 лет. Наши медики оказывали пострадавшим помощь, а мы носили.

После службы я хотел поступить в военный институт. По некоторым обстоятельствам я туда не попал. Когда уезжали, начальник политотдела сказал нам: «Ребята! Вы должны подготовить таких же ребят в пограничные войска, как вы».

В 1987 году я женился, в 1989 году переехал в Качканар. Отец троих детей. В настоящее время работаю преподавателем-организатором ОБЖ в КППК. Создал и веду клуб юных пограничников. Два моих выпускника поступили в Хабаровске в пограничное училище. Просьбу начальника политотдела я выполнил.

1986

Андреев Е.
Арсентьев А.
Бормотов В.
Белоусов М.
Воробьев А.
Колобков О.
Колчин А.
Калинин А.
Лучина А.
Любимов Ю.
Мосный Б.
Мохов В.
Палаумов В.
Папава Э.

Полуляхов А.
Ростовщиков А.
Раткевич Л.
Сазанов Ю.
Салыхов Е.
Титовец В.
Устьянцев А.
Фефелов А.
Филипишин Д.
Харисов А.
Халиуллин А.
Цаплин С.
Черноскутов О.

23

24

22

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Андреев Евгений:

«Саперы, вперед!»

Евгений Станиславович Андреев родился 1 августа 1967 года. Окончил школу № 6, поступил в Свердловский горный институт, но после второго курса, в 1986 году, был призван в армию: тогда практиковался призыв студентов. Попал в учебную часть инженерных войск в г. Тапа (Эстония), где получил специальность «сапер».

После службы окончил институт по специальности «инженер открытых разработок», но по специальности не работал – не прошел по здоровью. Устроился в энергоцех экономистом. В настоящее время работает частной фирме. Женат, воспитывает сына.

В Афганистане служил в 45-м инженерно-саперном полку. Полк был расквартирован в г. Чарикар – это где-то километров 50 от Кабула и километров 30 от Баграма. Раньше при любом соединении был инженерно-саперный батальон, у нас же был полностью полк, где были все специальности. Был батальон спецминирования, батальон минной разведки, я попал в батальон разграждения. Основная моя задача – минно-розыскная деятельность, поиск мин. Допустим, идет большая армейская операция, какую-то группу ведут саперы. Наша задача: провести, снять мины. Обнаруживаем их щупом или миноискателем. Почва там горная, плотная, если поставить мину, в месте выемки она рыхлеет. При соответствующем навыке, сноровке, опыте мину можно обнаружить. Особенно обращаешь внимание на неоднородность почвы. Щупом тычешь, шаг сделал, второй, протыкал – нормально, тропа есть. Всякие растяжки снимали. Допустим, стоит мина, два проводка в траве, идешь, ногой замыкаешь – взрыв. Если раньше миноискатели работали на железо, то в наше время – на неоднородность почвы, то есть они могут как-то сканировать, там видно уже какой-то процессор стоит. Даже если вокруг гильзы валялись, он отслеживал общий фон и на общем фоне тоже искал неоднородность. Мина – это неоднородность. У мины оболочка железная или пластиковая, поэтому постановка их была сложная: ставится шашка, или снизу камень, сверху камень, или камень на камень. Просто могли поставить нажимное устройство: оно само по себе ничего не представляло, просто два контакта, а мина где-нибудь рядом стояла, причем большой мощности. В то время, наверное, и появилось та-

кое понятие, как минная война. Поэтому и создан был этот полк: очень серьезная была проблема. Саперные батальоны при воздушно-десантных, мотострелковых соединениях такие задачи не могли выполнять, как наш полк. У нас был спецполк, были постоянно специалисты из подмосковного города Нахабино, где находился инженерно-саперный институт. Приезжали капитаны, майоры, подполковники, которые сами разрабатывали эти устройства и непосредственно в боевых действиях испытывали. Мы с ними плотно контактировали, у нас был полигон, где мины ставились в разрезе почвы, чтобы можно было все наглядно представить. Серьезно подходили, серьезная была подготовка, потому что это – жизнь. Чисто психологически это тяжело: когда перед тобой ноги отрывает, травмы, инвалидности. Сам тоже имею контузию и травму позвоночника: сидел на броне, сработал сильный фугас...

Мы попали как раз под вывод. Были последним призывом, который отслужил полностью, следующих выводили. Поэтому попали под всякого рода зачистки, расчистки к выводу. Частей и застав, которые контролировали определенные участки во время вывода, было множество. Попасть к ним можно было или на вертолете, или была дорога. А дорогу постоянно минировали.

У нас и техника была. Прежде всего, это БМР – боевая машина разграждения. Это танк с тралом. Трал дает давление, продавливая почву, взрывное устройство должно срабатывать, но могло и не сработать: мины ставили давно, карт никто не делал. Иногда, бывало, колонна идет, и где-нибудь посередине под узиком срабатывает. Поэтому БМРы прошли, потом саперы вперед пошли, собаки. Ищем, снимаем, взрываем. Но уже в то время много мин ставили на неизвлекаемость, их снимать смысла не было. Руками снимали очень редко. Мину нашел – кошкой ее или шашку на нее. Старались больше соображать, чтобы меньше потерь было.

...Задача была – вывести десантников. Они в засаду попали, под плотным огнем на минное поле нарвались. Наша задача была снять мины и забрать их оттуда. А как получилось: дорога, войска идут, блоки ставят, чтобы с гор не обстреливали. Все ушли, мы последние остались, а те вообще застряли и про них забыли, как обычно в армии бывает. Ну, мы сняли, прикрыли, сами попали под обстрел. Операция закончилась, я ехал на броне, сработал сильный фугас – контузия, травма позвоночника и ...орден Красной Звезды.

Насчет наград. До этого уже у меня была «Отвага» и «За боевые заслуги». «Отвагу» получил на Алихельской операции. Я еще черпаком был. Такой замечательный возраст, когда тебя еще не пугают, что домой вовремя не отпустят, но по сроку службы уважают. Так что достаточно свободно себя чувствуешь. На ночь нужно было технику поставить. А местность сложная: постоянно реку пересекали, по ущелью шли. Ущелье – кусок земли, БМРы тралят. Колонна большая, стали ее заводить, торопились: темнело быстро. А нужно было еще людей покормить и отдохнуть. Технику заводят, а саперы ищут. Я раз мину нашел, вторую, третью; приостановились. Народ гонят, там какие-то полковники из Москвы были, «пальцы веером». Я как-то посмотрел: а там площадка была перед горой, видимо, техника раньше там ставилась. Но вот трава как-то в шахматном порядке: здесь не растет, здесь не растет. Я уже сержантом был: тут ищи, тут ищи. Нахожу шнур, которым все это соединяется, объявляю об этом. То есть если бы технику загнали, подорвали бы. Как раз из Нахабино кто-то был, они с нами нормально искали. И вот обнаружили минное поле. Сняли мины и эвакуировались.

А «За боевые заслуги» – тут уж по количеству операций. Я один из первых духов, кого стали

брать. Полгода в войсках – это дух. Каждого нужно было подготовить. Вперед их не пускали, старослужащие ответственно к этому относились. Ну, а я шустрить начал: туда послали, туда... в общем, побегал. Посылали на «За отвагу», пришла ЗБЗ («За боевые заслуги»). Видно, решили – молод еще.

Много всего было, но плохое забывается. Была и дедовщина. Но я не скажу, что унижали, просто были люди, слабые духом. Определенных вещей не прощали: стукачества, крысятничества – когда жрешь хлеб под подушкой. На боевых все, и офицеры, сидели за одним столом. Никогда не было, чтобы офицер свой паек жрал в одиночку. Сухпай выдается: все в общую кучу. Так что нормально было, весело в определенном плане, бурно, события каждый день новые. Хотя тяжело, конечно, было. Зимой по грязи идешь, сырой, холодный, голодный.

Как-то раз забросили в горы. Начали проческу, нашли много складов оружия. В горы идешь – берешь обычно паек на три дня. Он закончился. Какой-то генерал прилетел на вертолете. «Ребята! Ищите, ищите!»

– Товарищ генерал! Жрать хотим!

– Все, распоряжусь! – и улетел, и ничего.

Через пару дней прилетел: «Ну что, как?» А мы вынуждены были обходиться подножным кормом, мародерством заниматься.

И под обстрелы попадали, и жутко было, и страшно. Забрасывают определенные подразделения в горы, они там задачу выполняют: или блок держат, или караваны отслеживают, отсекают, ликвидируют. Их, естественно, обнаруживают. Задача саперов их вывести. Нас или на вертолете забрасывали, или с подразделением поддержки туда приходили. Спускаться, выходить с гор всегда сложно. Как-то выходили в Пули-Хумри, большая операция была, много нашли РСов (реактивных снарядов), которые были направлены на наши войска. У нас ребята много наград тогда получили. Выходили с гор, и местные нача-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

ли подсвечивать. Нас долбить начали, жутковато было, потому что ночь, ничего не видно. Спустились с гор уже не в состоянии шевелиться –

кипеш такой. Смотрю: лежат бойцы около кишлака, в плащ-палатку завернутые. А нас человек пять было. Легли и мы, завернулись. В полудреме чувствую, как меня тянут за ноги: «Давай, грузи его. О, шевелится! Живой, что ли?...» Оказывается мы легли спать среди мертвых.

Ракетницы местное население доставало любыми путями, чаще всего солдаты им меняли или продавали. Задачу нам поставили. Мы разобрали ракетницу: там капсуль-воспламенитель, вышибший заряд и эта штука, которая светит. Вышибной заряд мы убрали, вставили детонатор, запечатали и в таком виде стали продавать. Через несколько дней операции наши войска идут – взрывы рядом. Ракетницы перестали покупать.

Как-то раз выбирались с гор, какой-то политрук спланировал, что три подразделения должны встретиться в одной точке: «Я вот вывел войска». По карте 17 километров, а на деле... Заблудились, долбить начали, ходим по горам не понятно где. Самому командиру плохо стало – сердце. Ходили с неделю, голодные, холодные, какая-то безысходность. Все идут, серьезного прикрытия нет, долбят со всех сторон, туман, в облаках где-то ходим, связи нет...

Еще был случай. На трассе ночью пункт сделали, выставили блокпосты. За водой пошли – сидят бородатые дяди с автоматами, смотрят на нас жутковато. Мы водичку набрали и свинтили оттуда. Доложили вон там те-то. С нами ходили артнаводчики. Залп! И готово!

Считаю, что противник наш – солдаты великолепные. Они в этой среде родились, с детства с ножами, с автоматами. А наше самочувствие в го-

рах? Минус 30° ночью, днем плюс 40°. Вода такая, что пить ее невозможно. Они же пьют ее и ничем не болеют. А мы – только если две таблетки хлорки кинешь. Многие переболели дизентерией, желтухой, тифом.

Страна отсталая, труднодоступные места, им наплевать было: правительство – не правительство, какая власть. Мы как-то раз на БМРе шли, и что-то с двигателем случилось. Нас дотащили до ближайшей заставы: «Торчите тут!» А нам что? Застава так застава. Они там закопаны все, их задача кусок дороги охранять. К ним при всем желании можно было только на вертолете, если погода. Вечером сидим – приходят бородатые: в шашки играть, в шахматы. Кто такие? Банда, которая охраняла соседний кишлак. Завтра придут с другого кишлака. Духи? Конечно, духи. А на фиг они нужны. Их тронь – они задавят. Приходят периодически и просят: стрельните туда. А потом другие приходят: стрельните туда. У них между собой конфликты. У них другие ценности, другие порядки. Они живут на своей земле. Народ недалекий. До всего им «фиолетово». По большому счету нам там делать было нечего.

Были места, по-моему, Гардез, шли в колонне по долине реки, скорость километров 20–30. С обеих сторон поймы – маковые поля, они не кончаются. Народ нищий. Ничего не растет. Хотя одна из последних операций была: апельсиновые плантации – и тут же кедр рядом растет, кедрачи здоровущие. Необычно.

В полку все было нормально: баня, душевые, вода из скважины, которую пили. А вот в южных провинциях была проблема с водой. Какая-то мелкая операция была в Джелалабаде – может, пара батальонов участвовала. Нас туда послали – офицера и саперов человек восемь. Мы в Джелалабаде жили, никому не нужны. Ну и нормально: сол-

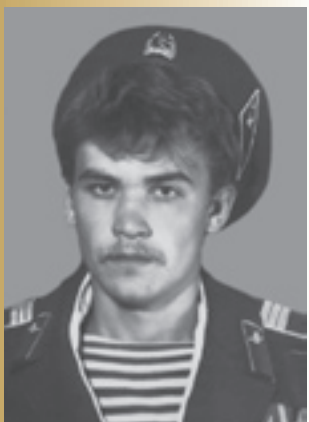

дат спит, служба идет. Воду качали где-то с реки, река грязнущая, в ней нельзя было даже купаться: холерная палочка. Чистилась она на станции и так нагревалась в трубах, что была горячей. Июль, жара. Рукой дотронешься до железа – обжечься можно. Ночью жара почти не спадает. Простынь влажную наматываешь на час где-то, откроешься – комары. В Кабул потом приехали – тоже лето и жара, а нам кажется прохладно. Солдаты служили голые по пояс, у офицеров – рубашка с коротким рукавом. Офицеры, в основном, были на уровне. Это не как в войсках в России. Здесь как бы семья. Спишь, ешь, прикрываешь – вместе всегда. Старослужащие вообще близко с офицерами общались. Ругали, конечно, наказывали. Но мы понимали, что все это не шутки. Там невозможно по другому.

Потери были, ранения, подрывы. У меня с Алапаевска был друг. Стояли с ним у костра, грелись. Подорвался танк – между нами пролетел каток, а он килограмм 500 весит. Взрыв – такая стихия: можно далеко стоять и разорвет, а можно рядом стоять – и нормально.

Очень уставали. Операции шли неделями, месяцами. Самолет собьют – начинаются поиски пилота и ящика. Вертолеты несколько раз сбивали. Зачески, прочески... Изнуряюще тяжело. Ноги еле волочешь от усталости. Мины нашли – саперы, вперед. Настолько устаешь, что перестаешь соображать. Бдительность теряется и становится по фиг – помрешь ты или нет. Ко всему люди привыкают.

Страна посылала нас защищать рубежи, потом это оказалось ненужно. Государство кинуло нас выживать. Кто-то озлобился. Но надо к этому относиться философски: так есть, так случилось. Нужно помнить, что государство начинается с каждого из нас. После Афганистана многие вещи кажутся мелочью.

Воспоминания М.П. Белоусова хочется предварить словами об этом неординарном человеке. Автора этих слов связывает с ним давнее знакомство. Несколько лет подряд вместе с учениками школы им. К.Н. Новикова в летние каникулы мы участвовали в сплавах по рекам Чусовая, Мана в Красноярском крае, Мрасс-Су в горной Шории. Надо ли говорить, что это большая ответственность, если не сказать риск: вести детей в дальние походы, да еще водные, когда в стране такая нестабильность. Но эта проблема во многом сводилась на нет благодаря тому, что рядом с нами был Михаил Белоусов, или просто «Палыч», в то время по совместительству инструктор водного туризма турклуба «Исток» Качканарского ГОКа.

Белоусов Михаил: «Службу несли от и до»

Михаил Павлович Белоусов родился 23 августа 1967 года в г. Качканар. Окончил школу № 3, поступил в СГПТУ № 87, специальность – помощник машиниста электровоза, но окончить училище не успел: в 1985 году был призван в ряды Вооруженных сил. После армии работал в УГЖДТ Качканарского ГОКа помощником машиниста электровоза. В настоящее время – старший машинист.

Сила, уверенность, надежность – эти его качества отметили всякие опасения. С таким – как за каменной стеной. В походе же из отрывочных фраз узнали, что Михаил – «афганец», служил в разведке. Желающие, исключительно желающие пацаны, ухари те еще, получали от него «калабаху» (что такое, объяснять не буду, кто знает, тот знает), а вообще ребята обожали его за все вышеперечисленное, а так же за чувство юмора, понимание, доброту.

Еще до призыва несколько раз обращался к тогдашнему военкому Маковецкому с просьбой отправить в Афганистан. Сама служба в то время воспринималась как святое дело, а служба в Афганистане – интернациональный долг и не как иначе. Конечно, не во власти военкома маленького городка решать, кого куда отправить служить. Но в его власти было отправить на парашютные прыжки в Нижний Тагил, а это уже

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

первый шаг к цели. На областном сборном пункте в Егоршино была отобрана команда в 30 человек, которую самолетом перебросили до Ташкента. В сорока километров от него, в Чирчике, находился специализированный десантный учебный центр. Это была учебка, в которой пол года готовили к службе в Афганистане. Гоняли хорошо. Получил специальность «радист-разведчик», чем и занимался первые полгода.

После учебки на самолете – в Афганистан. Страх не было. Единственное чувство – ощущение неизвестности. Приземлились в аэропорту. Служить оставили в Кабуле, в роте специального назначения. Задача роты – охрана Кабула. С этой целью постоянно осуществлялись выходы для уничтожения мелких групп душманов, перехватов караванов и т.д. Основной метод – устройство засад на горных тропах, перевалах, в заброшенных кишлаках. В составе роты было четыре разведгруппы, а так же группы связи, собаководов, механиков и два повара. Повара тоже участвовали в выходах – всем хотелось. Жили в модуле – это такое сооружение из фанеры, типа казармы. Бытовые условия были хорошими. Всегда была возможность помыться, постирать. Гигиена была на уровне, поэтому каких-либо эпидемий, инфекционных болезней не было. И питание было хорошим.

Отлично помню свой первый выход, он был неудачным, никого не нашли, но сами здорово устали. Гораздо чаще выходы были результативными. По данным разведки, или по радиоперехвату, или по наводке, становилось известно, что на та-

бакой – для обнаружения мин, иногда гранатометчик с РПГ и просто разведчики. Разведчик вооружен автоматом, к нему штук 12 магазинов с патронами, 4–6 гранат Ф-1, а также брали с собой несколько фляжек с водой, сухой паек, спальник. На группу также необходимо было брать прибор ночного видения, пару приспособлений для

бесшумной стрельбы, сигнальные ракеты. Если предстояло идти в «зеленку», одевали маскхалаты. В горы надевали «песочку». На ноги удобней всего кроссовки. На БМП довозили до поста, дальше – пешком. Как уже говорил, сначала был радистом, потом снайпером. Снайпер вооружен винтовкой Драгунова. Я обычно шел в головнике, то есть в головном дозоре группы. За головой шло ядро группы, потом замыкающие. Придя на место, располагались и ждали душманов, иногда несколько дней. То, что мы находились в засаде, давало нам большое преимущество. Мы были на высоте положения. Приближавшихся духов уничтожали или брали в плен. Сопротивление они практически не оказывали, при первых же выстрелах стремились разбежаться. Этим можно объяснить наши небольшие потери в сравнении с теми, кто участвовал в армейских операциях. За время моей службы потери роты составили три человека: лейтенант, прапорщик и солдат. Хотя случалось всякое. Можно было самим нарваться на засаду. Однажды даже пришлось вызывать вертушку, что бы вывезти семерых раненных. Или сами иногда неосторожно подставлялись: спустились раз в кишлак и были обстреляны. Связались с нашим постом, артиллерия обстреляла близ лежащие горы и подавила обстрел. Кстати, на этом посту служил земляк Лева Раткевич. Иногда приходилось сотрудничать с бойцами афганской правительственной армии. Но нам это не нравилось – боевые качества их невысокие.

ком-то перевале в такое-то время должны пройти духи или их караваны. В это место на перехват в засаду отправлялась разведгруппа. В ее состав входили командир (офицер), прапорщик, радист, два пулеметчика ПКМ, снайпер, собаковод с со-

Мы же службу несли от и до. Часть у нас была боевая. Мы гордились службой в ней. Дедовщины не было. Цену себе знали. Достоинство свое стремились не уронить. Готовы были сесть на гауптвахту, но честь отдавали не всем офицерам. Это конечно, не по уставу, но ведь они по горам с нами не лазали, особенно которые со штаба. Жесткой дисциплины не было, но порядок поддерживали. Часть боевая, поэтому понимали, что к чему и мы, и офицеры. Когда было свободное время, чистили оружие, играли в теннис и в футбол, смотрели телевизор. Иногда приезжали артисты. Особенно запомнился А. Разенбаум.

Так подошло время дембеля. Можно было отправиться сразу домой, но мы еще заехали в город Алмалык, на могилу к погибшему товарищу. А уже оттуда – домой.

Уже в Качканар пришла медаль «За отвагу». Нисколько не жалею, что в моей жизни был Афганистан.

Колобков Олег: «Я – снайпер»

Родился 1 февраля 1968 года в городе Нижняя Тура Свердловской области. Заглядывая в прошлое, я хотел бы поблагодарить Того, Кто вершил наши судьбы. Поблагодарить за все, что было со мной до сегодняшнего дня.

Не могу сказать, что служба в Афганистане занимает основное место в моей жизни. Я редко захожу на эти страницы прошлого. Детство, яркое солнце, красивый мяч, что еще нужно для детского счастья. Школа. Помню, в гости к нам пришел бывший ученик школы, долго рассказывал о службе в Афганистане. Я был, наверно, в пятом классе. «Зачем нам это? – думал я тогда, – с нашими проблемами это не вяжется, вырастем – тогда поймем». По телевизору про Афганистан говорили немного. Лично я думал, что солдаты там помогают мирным жителям строить детские площадки и так далее. Где-то в девятом классе меня задело сообщение о том, что душманы могут теперь сбивать наши самолеты и вертолеты с помощью ПЗРК «Стингер». Мой внутренний голос подсказывал мне: «Скоро армия – это твое».

Поступил в 1985 году в Свердловский горный институт. В институте как-то встретил своего

знакомому из Нижней Туры, пожали друг другу руки. Он вернулся из рядов Вооруженных сил и служил в ДРА. Спросил меня, готовлюсь ли я к армии? Похлопал меня по плечу и я понял, что попал. С этого дня я стал серьезнее готовиться к службе в армии: бегал, занимался на турнике и так далее. Началась «перестройка», все были в ожидании перемен.

Наш круг друзей получил известие о том, что бронь института на службу в Вооруженных силах отменена. Специальным набором сорок человек из Свердловска должны были влиться в ряды Вооруженных Сил СССР. Напряжение после сдачи досрочных экзаменов сменилось ожиданием призыва. Разумеется, все ребята хотели попасть в ВДВ. В Егоршино прошли медицинскую комиссию – все без ограничения. Каждый день строимся, нас никто не берет. Стали замечать, что офицеры нашу команду не трогают и смотрят с состраданием. В ночь перед отправкой в Ташкент у всех горели лица, хотя куда нас везут, и в какие войска попадем, никто не знал. Помню, к нам подошел лейтенант-артиллерист и сказал, что мы едем с ним на юг и что мы будем служить не в его роде войск.

Ташкент, Чирчик, парашютная вышка. За забором совсем другая жизнь. Все по расписанию:

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

подъем, зарядка, столовая, стрельбы, занятия. Служить в спецназе – ответственная задача. Вчерашние школьники стали солдатами. Помню, когда первый раз надели военную форму, долго смеялись. Не могли узнать друг друга – все стали одинаковыми.

Постепенно нас готовили к боевым действиям на территории Афганистана. В ночь перед отправкой наши сержанты обнимали всех нас, украдкой смахивали слезы. Кто-то хотел лететь с нами: тот, кто служил, знает, как крепка воинская служба.

Аэробус Ил-76 летит уже два часа. Гул моторов, горы внизу, снежные вершины. Первая мысль – пешком обратно не дойти. Самолет делает крутой вираж так, что у меня закладывает уши, и сразу садится на взлетную полосу.

Афганистан. Выходим на взлетную полосу, земля жжет ноги, яркое солнце... – вот и все, мы за границей.

Кандагар, опять ожидание, говорят здесь горы, где-то есть еще пустыня. Где лучше, сказать трудно. Раннее утро, холодно. Вертолет несет нас на высоте трех километров в Лашкаргах – самая южная точка Советских войск в ДРА. С борта регулярно отстреливаются патроны против «Стингеров». Сорок минут и посадка в части.

Я не писал родителям уже три месяца, в учебке не хотел расстраивать их, а в части не знал, что придумать. Написал, что служу в Монголии, адрес полевой почты № 83428 все равно ничего не выдаст.

Здесь не было такого психологического пресса, как в учебке. Мы на месте, пропаганда ни к чему, все перед глазами. Желтое от песка небо, ря-

дом город за разрушенными крепостными стенами, колючая проволока, стрельбище за мусоркой, вертолетный аэродром, пехота по периметру.

Свист реактивных снарядов по вечерам над казармами со стороны кишлаков. Ответные залпы самоходных установок. Кинотеатр под открытым небом. Ранний подъем, зимняя жара за 50°. Маленький телевизор под потолком казармы. Прошлая жизнь забыта.

Я – снайпер, штатная единица боевой разведгруппы, в составе которой 16 человек: два связиста, два минера, два пулеметчика, расчет АГС и так далее. Группа несет на себе много железа. Помню, посмотрев передачу про «металлистов» – любителей тяжелого рока, кто-то предложил повесить на них наше снаряжение и тогда посмеяться.

Первое боевое задание началось с построения у штаба. «Как настроение?» – спросил начальник штаба майор Телейчук. Что мне было ответить?

Вертолеты делают проверку систем, подскакивают и садятся на взлетной полосе. Группа летит в двух вертолетах МИ-8, два МИ-24 прикрывают. Вот и заданный район, вертолетчики делают осмотр местности, совершают ложные посадки. В пустыне везде глаза и уши, а группа должна высадиться незамеченной.

Уже почти год ловим караваны с оружием. Потерь пока нет.

Стою у штаба бригады. Офицеры говорят между собой, что группа спецназа под Кандагаром, уничтожив караван с оружием, сама попала в засаду, бой идет уже 5 часов, пытаются сбросить ребятам боеприпасы, вертолетами забрать их нельзя, в той местности одни горы. По радиации, в штабе, слышен свист пуль и разрывы снарядов.

Боевые действия меняют людей. Многое становится на свои места перед лицом смерти.

Идем уже десять часов по камням Регистана, каменной пустыни. С нами проводники – афганцы. Дерзкая вылазка в глубь вражеской территории. Над нами, как рыбы в океане, во мраке ночи летают контуры МИ-24. У них своя работа – ищут цель, охотятся. С опаской посматриваем на небо, не равен час, обстреляют. Конец долгого пути. Привал, уставшая группа валилась с ног. Командир группы старший лейтенант Михалев говорит, что нужно поменять позицию, встаем медленно, помогаем друг другу, трудно вставать, порой рвутся мешки рюкзаков от боеприпасов. Выходим на исходную позицию, проверяем ночные прицелы. Поступили данные о том, что по этой дороге должны быть посланы важные документы из Пакистана. Нужно перехватить.

Утро: крики пастухов, лай собак вдалеке, шум колес на трассе. Что-то не так. Связной едет с группой прикрытия, вступаем в бой. Рядом укрепленный район, здесь и самолеты-то летать побаиваются; документы захвачены. Отходим в старый заброшенный кишлак. Группа растянулась. У меня не лучшая позиция, почти на открытом месте втроем на возвышенности, ребята внизу. Нас обло-

вдруг такие перемены? «Если буду жив, поверю в Бога», – говорю я себе. Странное дело?

Падают душманы, где-то пристрелялся по нам миномет, шипят и рвутся рядом мины, иногда отскакивают от земли и падают рядом неразорвавшиеся гранатометные выстрелы. Слышен свист моторов. Летят за нами Горбатые, стреляем вверх сигнальными ракетами. Боевой разворот и залп. Наши!!! Грузим убитых и раненых, летим в полной тишине обратно. Первые потери в группе. В ушах звон, трудно перейти к реальности. На этот раз все обошлось, могло быть и хуже.

Немного тяжело все это вспоминать.

Есть и романтика. Едем в районе Заранжа на «Уралах». Белая глина, как сплошной асфальт. Скорость 90 км/час. Из глаз от скорости текут слезы. Мимо, как в большом городе, проносятся крепости Александра Македонского. Странное дело – вечность. Солдатские песни трогают душу. Красивая природа, горы, песок, звезды. Жизнь идет. Много юмора, хорошее настроение.

Вот и конец службы. Сидим и смеемся. Кажется, в армии родились, в армии и помрем. Долго провожали ребят, которые должны были лететь вертолетами в Кандагар, а затем в Союз. Не очень хотелось выходить с войсками.

К вечеру неожиданно забежал старшина и крикнул, что вертолеты без нас, оставшихся, не полетят. Как-то не по-человечески все, наспех собираюсь, словно куда-то убегаем, ни тебе прощаний, словом, хочешь домой – делай ноги. Собрались у штаба, на этот раз не на задание – летим домой! Впереди ожидание самолета в Кандагаре, дальше Ташкент, Кольцово. Впереди все лучшее. Все впереди. Человек живет надеждой.

жили со всех сторон, к духам пришло подкрепление. Знакомая ситуация, словно тогда, в штабе, но теперь уже реальная. Странное дело: яркое солнце, небо светлое, утренняя прохлада, горы вдалеке, одним словом – природа, а тут война. Рвутся мины, пули роют землю; ранен связист, ранен минер, боеприпасы тают на глазах. Второй связист кричит, перекрикивая рвущееся железо и автоматный треск: «Горбатые! Нужны горбатые!» Прошел уже целый час. Гранаты...! «Если что, взорву себя», – эта мысль немного успокаивает. Наверное, сейчас будет поставлена точка, почему же тогда в напряженном состоянии в мыслях

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Мосный Борис:

«Так и воевали»

Борис Анатольевич Мосный родился 23 сентября 1967 года в городе Качканаре. Закончил среднюю школу № 6. В 1986–1987 годах служил в Вооруженных силах. В настоящее время – индивидуальный предприниматель.

После школы пробовал учиться в Горном институте, но не поперло. Знал, что заберут в армию, практически знал, что в Афганистан: тогда парни с Урала туда в основном и направлялись. Устроился в ЖДЦ Качканарского ГОКа, где начальником был мой отец, Анатолий Николаевич. Но если кто скажет про меня: папенькин сынок – не верьте. Отец отправил меня в депо, на самую грязную работу. И так до армии, в которую был призван 9 апреля 1986 года.

Фергана, 4 часа утра, температура +28° (а когда отстыковывались на Урале, там шел снег). Сидим на взлетке. Подходят сержанты, спрашивают, кто откуда. Оказалось, что и у меня там земляки: Серега Юмаков и Вадик Чикунов – они на полгода старше меня.

Как нас дрючили в учебке! Учебка в фильме «Девятая рота» – копия! Иной раз показывают джейперов, думаешь: вас бы в армию. Полчетвертого утра подъем (а перед этим тебя вздрючивали «подъем-отбой»). Бежишь, берешь свой парашют, товарищ берет свой, а вместе с товарищем берем еще и офицерский. Бежим на взлетку – почти 10 км. Прибежали. Одели парашюты. Джейперов показывают – они красивые, супер. А ты одеваешь парашют и становишься скрюченный весь, тебя всего стягивает, чтобы когда купол раскрывается, не разорвало: все умными людьми продумано.

Летит самолет. Рамка открылась и трясется. Я прыгаю вторым. Команда: «Пошел!» – но ладом не оттолкнулся и, как мужики говорили, чуть мордой обшивку не собрал. Прыгнули. Парашют собрали, и свой, и офицерский. Пришли в полк. На плацу (8 часов утра, 40°) собираем купола. Стропы положил, проходит проверяющий. Проверил: «Закрывайте». Закрыли. Линейку отдали, с помощью которой стропы собирали. Все нужно

отдать. Линейка осталась, не дай бог, – это смерть твоя парашютная.

С октября 1986 года в Афганистане. Служил в 345 отдельном парашютно-десантном полку в разведроте связистом. Быть связистом – неблагодарная работа. Все идут и идут, а ты помимо боекомплектов тащишь станцию весом 11 кг и восемь батарей к ней по 2 кг. Но я никогда не сдыхал. Я для себя решил: сдохну, но вытащу.

Недели через две пошли на войну. В 3 часа утра подняли и поехали. Куда? По молодухе не больно разбирались. Тут Баграмский гарнизон, тут Пандшерское ущелье... Никого не поймали. На речке поставили сети, рыбы наловили, крышками от консервных банок чистили. И как пошел обстрел пулеметный – головы не поднять. Вот – первая война.

Вообще нам говорили, что по молодухе мы, как ишаки, должны таскать все, что на нас нагрузят. А войну ведут старослужащие. Так мы и ходили боевыми тройками. Во-первых, дембель. Он хоть и дембель, но не тарился, чтобы не убили, он воевал. Второй – на полгода помладше. Третий – молодой.

Как только встретили новый 1987 год, начались непрерывные засады. С вечера собираешься – и поехали. И вот в одной засаде как долбануло. Я со

станцией сидел, микрофон висел на ленте – сдуло, я его вообще не нашел. Воротник на бушлате оторвало взрывной волной. Я не упал, стою, понять ничего не могу. Смотрю – взводный катается по земле. Нас кучей всех собрали – и в медсанбат.

Госпиталь – в Баграме. А у нас не принято было долго лежать: считалось западло. Меня посекло осколками и мелкими камнями, они потом после армии долго еще из тела вылезали. Лечили нормально. Там одна женщина была, у нее у самой сын погиб. Так вот она у афганцев на свои деньги (чеки) покупала мазь на основе мумия. Обычно по молодухе все заживает, как на собаке. А там нет, гниет почему-то. Уколы ставят – а толку нет. А мазь эта здорово помогала.

Когда пришел из госпиталя, снова пошли на войну, в провинцию Джелалабад. Там есть такие черные горы. Мы суток трое обходили их. Это как раз граница с Пакистаном. Захватили гору, но первые пацаны, которые поднимались на высоту, подорвались на минах. Вызвали «вертушку». Летчики – профи, каких во всем мире не найти. Без света, в полной темноте, передними колесами «вертушка» упирается на маленький пятачок земли – забирает раненых. Почти неделю мы сидели на этой горе, и каждый день кто-нибудь подрывался.

Один раз ходил телохранителем у Ф.А. Клинецевича. Это такой человек! Он особист, ходил в договорные банды. Парень, который с ним ходил постоянно, рассказывал: «Мы приезжаем, отдаем оружие. Но гранату оставляем себе между ног, потому как если что – смерть у «духов» тяжелая. Идем через «зеленку» километров десять. Приходим: горит костер, сидят «духи», все обдолбанные наркотиками. Я им три часа читаю Коран. Потом Клинецевич начинает с ними договариваться».

Однажды мне пришлось быть свидетелем подобного случая. Мы приехали на БМП. Приехали в договорную банду. Кишлак стоит. Наши офицеры с Клинецевичем пошли туда. Говорят: «Полчаса нас не будет или выстрелы – равняйте кишлак с землей». Это словами не передать: мужики на смерть идут. Мы сидим в БМПшках. Все, они обратно пришли, значит – договорились.

И вот ночью приезжаем туда. Глинобитные их домики. Внутри стоит такая печка, нашими умельцами сработанная: там керосин по капельке капает и горит, отчего в домике очень тепло. Они нас угощают – плов, шурпа. Они нас угостили, мы их

должны угостить. Клинецевич говорит мне: «Сходи к броне, возьми несколько сухпайков». Я вышел. Я среди «духов» без автомата. Любой «дух», если бы захотел, прихлопнул бы меня без усилий. Но они хоть и бандиты, но люди. Им сказали: не трогать! Сходил, принес, разогрели нашу кашу, поели и они, и мы. Потом они принесли бадью с чем-то персикового цвета. Макнул туда лепешку – а там курдючный жир с перцем! А выплюнуть нельзя – обидишь. Ем, давлюсь, слезы бегут. Вдруг: выстрел на улице. Клинецевич: «Сходи, посмотри». Выхожу, спичкой чиркнул, а там душман стоит: «Джебье, иди сюда!» Лестница винтовая, поднялся – куда посмотреть, где там что видно, такая темень.

Сейчас Ф.А. Клинецевич – не последнее лицо в «Единой России». Я политикам не очень доверяю, но Клинецевичу верю безоговорочно, потому что знаю, что ему пришлось испытать в Афганистане.

Из больших военачальников видел генерала армии Варенникова. Я был дневальным. Заходит в расположение небольшого роста мужчина. С ним два спецназовца с АПСами. Кричу: «Дежурный по роте на выход!» А он не видный такой, да еще в камуфляже – больших звезд и не вид-

но. Прошел, заходит в каптерку, а там прапорщик Горбатенко, генерала не узнал и спрашивает у него: «Что Вам нужно, товарищ прапорщик?» А Варенников спокойно так: «Я не прапорщик, я – генерал армии». Вышел, закрыл дверь. А прапорщик Горбатенко был, да нет – убежал через форточку.

Первую медаль «За отвагу» получил за Алихель. Была такая армейская операция. Там я встретил своего одноклассника Женю Андреева. Женька – сапер. А мин там! 10 метров – взрыв, 10 метров – взрыв. За сутки проезжали не больше 10 километров. Едет танк, впереди катит «яйца» по несколько тонн. Так они вылетали черт знает куда. Зато природа там! Долина, покатые склоны – тут стоят дома. Стены глинобитные, снаряд попадает в такую стену, и делает лишь вмятину. Так и воевали.

Вторую медаль «За отвагу» мне вручили в Качканаре.

...Не думаю, что мир в скором будущем наступит на афганской земле. За годы войны многие афганцы отвыкли от мирного труда: проще убивать, чем в земле ковыряться. Вот и сейчас там не спокойно. В нашей памяти Афганистан останется навсегда.

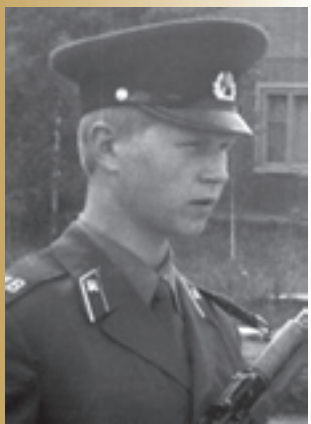

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Палаумов Владимир:

«У нас был маленький военный коммунизм»

Владимир Юрьевич Палаумов родился 11 марта 1967 года в поселке Махнево Алапаевского района. Закончил 10 классов. До армии поработал в совхозе. После армии закончил Алапаевский индустриальный техникум, работал в УГЖДТ Качканарского ГОКа. В настоящее время работает в ГИБДД.

В 1985 призван в армию. На Дальнем Востоке заканчивал сержантскую школу погранвойск, оттуда – в Афганистан. В 1986 году я был уже на той стороне. Уже задним числом вспоминается, что вызывали в особый отдел и беседовали, никто ничего не говорил и не предлагал, но вопросы типа: «как отнесетесь, если...» – были. Когда приехали в поселок Лангар, только там и узнали, куда едем. Утром погрузили в колонну ЗИЛов, пересекли границу. Выстроили нас, все, что было зеленое сняли, документы сдали еще на той стороне. Приехали на базу в Ишкашим ночью. А ночи там такие – глаз выколешь. Выстроили в колонну, сказали держаться друг за друга за ремень, впереди офицер с фонариком, в темноте проем открывается – туда цепочкой заходим. Это оказалась казарма нашего ДШМГ (десантно-штурмовая маневренная группа). Там мы ночевали первую ночь. Наутро нас уже выстроили, объявили, разделили, кого куда, на какие точки. А вечером приехали ребята, отслужившие, они домой ехали и пояснили толком, куда мы едем. Ни досады, ни страха не было. Все быстро, все внезапно. Новое место, новая служба – нужно обживаться. У нас была четко обозначена задача: не допускать бандформирования к нашим границам. Каждый отряд (часть) охранял свою территорию, по периметру которой были точки. В этих точках мы служили. Я попал на точку Рабальти-Чихильтон – это Горный Бадахшан. Зона ответственности: где проходит граница по Пянджу, угол границ Китая и Пакистана.

Сначала был на этой точке. Потом на другую точку, в Карамаджойское ущелье. Зрительно это выглядело так: на склоне горы местность такая пологая, снизу кишлаки, речка, а выше на склоне располагалась наша точка. Выстроены укрытия наполовину из камней, наполовину в землю заглублены, потому что почва там такая: песок разгребашь, а там камень, кладешь его по пери-

метру. А внутри глина, камень – такие строили казармы, в таких казармах и жили, сделанных по такому же принципу, как у местных. Численность заставы не превышала сорока человек.

Что касается самой службы. У нас погранвойска службу несут по четыре часа. Наряд из трех человек: один старший, двое младших. Четыре часа стоишь, потом четыре часа отдыхаешь и еще четыре часа стоишь, итого восемь. На обороне по периметру нарядом выходили, стоим в разных местах, старший ходит контролирует, чтобы не спали. У каждого свой сектор обзора.

Моя служба проходила спокойно, внештатных ситуаций не случалось.

Потом заставу сняли, ее закрыли совсем, поставили аншлаги, что все заминировано. Нас на вертолете перебросили в другую точку. Это точка была больше прежней. Сходится в одном месте Кармазонское ущелье и еще три ущелья, я уже не помню их названия. Переводится как «раз дыра, два дыра, три дыра». Восемь километров где-то было до Пакистана, может чуть больше. С нашей точки хоро-

шо был виден пакистанский перевал. Несколько ущелий составляли как бы узел, который мы своей точкой прикрывали. Там уже у нас в разное время было по-разному: стоял минбат обязательно – три орудия минометных, взвод повышенной боеспособности и т.д. – количество людей менялось. Там дополнительно еще вертолетку охраняли (до нас можно было добраться только вертолетом). Ну и когда открывались перевалы, выходили на засады: перекрывали ущелья, чтобы не было никакого хождения. Задача обычно ставилась на 10 дней, а там уж как получится. На 10 дней боеприпасы,

спальные мешки, палатки, питание – все на 10 дней, все это грузится на себя и пошли. Тропинок и дорог там нет, очень тяжело. Как-то раз шли, где-то на полдороге сильно устали, и тут парни вспомнили известный мультфильм и, переступая с ноги на ногу, запели песенку из него: «А в Подмоскowie водятся грибы...». Вроде, полегче стало.

У нас ребята ходили на пятитысячник (5.100м), с него видно все три ущелья. Поднимались сутки, с вооружением, со всем, дня на 3–4. Они засекли караван более тысячи человек и полностью вооруженных. Их задача была засечь, а потом вертолеты нанесли ракетно-бомбовой удар, потом ДШМГ провели зачистку, караван был уничтожен. В этом караване было три инструктора-иностранца, один из них женщина. Это как раз одно из тех мест, которое на Пакистан выходит. Достаточно красивые места. Конечно, когда идешь с рюкзаком, ничего этого не замечаешь, а потом уже вспоминаешь. Мимо нашей точки через ущелье бежит речка. Там три озера красивых, чистых, глубоких. Водилась форель, маринка.

У нас хорошо было в плане быта. Высокогорный паек. Выдавался сыр, джем, колбаса, количество сахара и масла было увеличено. Бывали, конечно, и перебои, но в основном хорошо было. Повара специального не было, кто-нибудь из БМ-Пистов или стрелков готовили. Готовили не по меню-раскладке. Мы, например, не брали сухого молока и сгущенку из пайка, поэтому делали на завтрак кашу сладкую, то есть делали, как нравится. Были выстроены русские печи, и повар делал замесы, поэтому хлеб был свой. Недостатка в воде не было – речки кругом, вода ледяная. Весной, когда таяние снегов, вода шла с песком, тогда ее очищали через угольные насосы. Выдавали таблеточки – воду обеззараживать. Случаи болезней были редкими: у нас и зелени никакой не было, если где-то на прочесах поедим фруктов и овощей. Доктор говорил, что у местного населения в крови палочки столько, что нам хватило бы. Болезни, если случались, у нас протекали в сильной форме.

Афганистан – нищая страна. Внизу, может, и получше, а в горах, как говорил нам замполит, на весь Горный Бадахшан выращивалось полмешка муки. В основном, баранов пасут. С местным населением нам запрещались контакты, но иногда общались с сарбозами и хаттовцами – их служба безопасности. Они все офицеры, часть их училась в Советском Союзе, часть в США и Англии. Они грамотные ребята, с ними беседовать было интересно. А рядовой сарбоз деньги получает и ему безразлично. Вплоть до того, что спрашиваешь у него: «Вот ты сейчас служишь, а дальше что?» «Пойду в банду. У меня там отец, брат».

А вообще у нас было спокойнее, чем в других местах. Местного населения мы не касались, хотя они приходили со своими проблемами. Еще на старой точке староста их кишлака пришел – свадьба у них: немножко муки дали, немного крупы. Мы когда уезжали оттуда, они чуть не со слезами нас провожали. Керосин постоянно кланчили. Керосина где-то им подбросим. Мы в их дела не вмешивались, главная наша задача – чтобы не было бандгрупп. А нет бандгрупп – опять же они спокойно работают. Крупных банд рядом с нами не было. Небольшую местную банду возглавлял Наджмутдин. Он закончил Ташкентский строительный институт, отношение к нам с его стороны было неплохим. Даже, бывало, ночью сарбозов вырежут тихонько, а по нам даже выстрела не сделают.

Досуг как обычно: был телевизор, стояла тарелка – смотрели наши передачи, но не часто: электричество как такого не было, стоял дизель, в определенные часы работал. Газеты, письма, посылки приходили, когда два раза в месяц, когда через три месяца. Разом получали кучу писем, кучу посылок, обычно их сразу всей заставой делили. Был такой маленький военный коммунизм. Застава – небольшое подразделение.

В Афганистане прослужил год. Дослуживал в этой же части, но на нашей стороне, в Лянгаре.

Уволился в мае. 28 мая, в день пограничника, был в Свердловске.

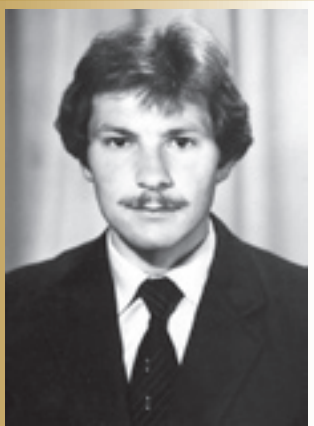

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Полуляков Александр:

«Тащил службу, как многие»

Александр Валентинович Полуляков родился 5 июня 1962 года в городе Нижнем Тагиле. В 1985 году закончил Свердловский инженерно-педагогический институт. 27 октября 1985 года призван в Вооруженные силы.

С октября 1985 по апрель 1986 года находился в учебном подразделении инженерных войск в городе Волжском Волгоградской области. В учебке было 12 рот. Я попал в 12-ю роту полевого водоснабжения. Обучение проходило на автомобилях МАФС, ВФС и т.д. Когда я попал в эту роту, то нам сказали, что эта рота смертников. Большая часть выпускников попадает служить в Афганистан и Среднюю Азию, где очень жарко и наша специальность самая нужная там. Но когда мы об этом узнали, то естественно как-то не верилось. Из 170 человек роты – 70 были с высшим образованием, мужчины в возрасте от 23 до 27 лет, многие семейные и с детьми. У меня также родился сын 10 марта 1986 года, когда я еще был в учебке. Пять лет государство нас учило, затратило много

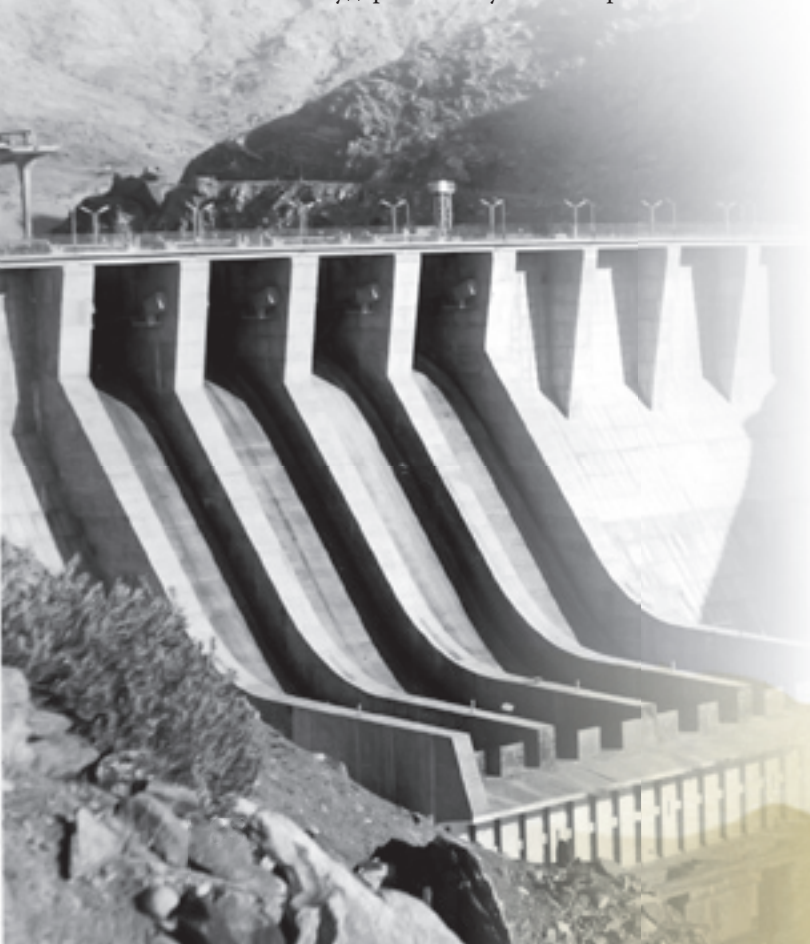
средств, а тут вдруг погибнем, кому от этого выгода? С такими мнениями мы и обучались.

Чем занимались в учебке? Наверное, как и везде: в 6.00 подъем, зарядка, умывание, утренний осмотр, проверка внешнего вида, чистый подворотничок, чтоб бляха и сапоги блестели. Затем построение на плацу всей бригады, всех 12 рот. Командир бригады полковник Харин ставит комбатам задачу, они командирам рот, а те командирам взводов, затем завтрак, потом занятия. Если теория, то в классе, если практика, то на полигоне. Зубрежка Устава, статьи караульной службы учили наизусть. Также были наряды по роте и по кухне.

Пролетели учебные полгода. По окончании их получили звание младшего сержанта, командира отделения полевого водоснабжения, специалиста 3 класса. Прибыли покупатели из разных округов, были и из Туркестанского военного округа. Поступила разнарядка – 52 человека в ТуркВО. Каждый день по 20–30 человек из роты отправляли в Волгоградский военный госпиталь на медкомиссию. Ходили слухи, что отправят в Афган, но нам не верилось.

Прошли медкомиссию 100 человек, но в ТуркВО 52-х не отправили. Курсанты оказались умными ребятами, стали косить: один не видит, другой не слышит и т.д., короче отмазывались, кто как мог. Добрались и до нас, оставшихся 70 человек. Прибыли в Волгоград, начали проходить медкомиссию. Все оказалось в норме. Воспитан я был на честности, высоких коммунистических идеалах, поэтому косить не стал, хотя был уже отцом. Подумал – значит это судьба. Председателем медкомиссии был какой-то профессор – подполковник. Всем в медицинских книжках поставили штамп «Годен для прохождения службы в ограниченном контингенте Советских войск в ДРА». Старый подполковник пожал всем руки и сказал: «Служите, сынки!» На следующий день прибыл в Ташкент самолетом, из Ташкента автотранспортом в Чирчик, там была пересылка, трое суток жили в палатках, не мылись, не раздевались, ночью костры жгли и грелись, чтобы не замерзнуть. Из 52 человек должны были остаться 10 человек в Чарджоу.

Помню, был среди нас один слабак. Узнав, что 10 человек остаются, все ходил за офицерами и плакался, якобы у него мама одна, и если его убьют, то она этого не переживет. Как будто у нас не было

матерей. В один из трех дней собрали нас всех на какой-то поляне, тут же всем конвейерным способом поставили по шесть прививок и сказали, что это от малярии, тропической лихорадки и еще от чего-то, сейчас уже не помню. Через 3 суток таким же способом отправили 42 человека в Ташкент на военный аэродром. Посадили всех на самолет Ту-134 и в небо. В салоне молодые симпатичные дев-

чонки в коротких униформах, а мы не мытые, не бритые, голодные, полгода воздержания, готовые выть волками. Все возбужденные, довольные, что вырвались из учебки, которая всем до чертиков надоела. «Куда летим, девочки?» – спросил кто-то из бойцов. Последовал спокойный ответ: «В Кабул, ребята!» Наступило гробовое молчание, и все наконец-то поняли, что вот она истина. Каждый гнал от себя мысль про Афган, и вдруг все прозрели, всем открыли глаза, и ничего изменить нельзя. Мы уже в полете, и с каждой минутой война все ближе и ближе. Все уставились в иллюминаторы, а там облака и горы, горы, горы... Их было так много, что куда ни брось взгляд, везде горы, перевалы, хребты. Пелена спала через час 10 минут, когда начали приземляться. Из самолета полетели ракеты через равные промежутки времени. Пилоты отстреливали ракеты, чтобы с земли нельзя было сбить самолет, хотя говорили, что от «стингера» это не спасет.

Приземлились 26 апреля 1986 года на Кабульском аэродроме, пересыльном пункте. Вертолеты и самолеты разрисованы для маскировки, то там, то здесь раздается стрельба из автомата или другого стрелкового оружия, обстановка боевая. Войну видели только в кино и вдруг оказались прямо на ней. Все были подавлены и ошалевшие, сержанты с пересылки кое-как пинками поставили нас в подобие строя и повели на пересылку. Был вечер, и решили ночевать здесь. Спали на полу, вещмешок под головой. Ночью стрельба, канонада. Путем не спали. Утром погрузили в транспортный самолет

Ил-12 и полетели. Приземлились в Баграме, потом на БТР – в полк.

Попал я в 45-й саперный полк недалеко от г. Чарикар в провинции Парван. Специалисты моей военной специальности в полку не требовались, таковые уже были, но не хватало специалистов. Попал я в первый батальон, первую роту специминирования, где командиром был Семидумов Геннадий Мефодьевич, 1957 года рождения. Командира в первом взводе не было, так как он был ранен и отправлен в Ташкентский военный госпиталь. Командиром 2 взвода был старший лейтенант Савчук Владимир Игоревич, 1959 г.р. Командиром 3 взвода был лейтенант Пачежерцев Александр (отчество не помню) 1963 г.р., замполит – лейтенант Чеховский, 1962 г.р. Командиром полка был подполковник Антоненко, замполитом полка – майор Щербань. Нашим комбатом был подполковник Гордиевич.

Задачами полка были минновзрывные работы. Минирование троп, подходов к дорогам, ущелий, а также разминирование. Начались занятия. Опять пришлось осваивать незнакомое для себя дело. Изучать мины, взрыватели к ним, а также способы их установки, маскировки, тактико-технические характеристики (ТТХ). Прошло собрание, где выступал сам командир полка. Небольшого роста, с усиками, простым отцовским голосом он рассказал о жизни в полку, местных обычаях и т.д. А в конце сказал: «На боевые операции мы неподготовленных бойцов не посылаем. Если хотите вернуться домой живыми, то лучше лишний раз никуда не лезьте. В полку можно найти боевые патроны, гранаты и запалы к ним. Лучше в руки ничего не берите, пройдите мимо». Эти слова я запомнил на все 11 месяцев, которые там находился.

Распорядок дня в полку в принципе был почти как в учебке. Разница была лишь в том, что здесь фильмы показывали каждый вечер перед сном (различные комедии, французские, итальянские, американские), а в учебке только по воскресень-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

ям и только военные. Здесь была война, и фильмы про нее только лишний раз напоминали бы, что ты тоже являешься ее частицей.

Кормили нас хорошо, но все равно не хватало. Дедовщина была, но терпимо, держались дружно одного призыва, стычки, драки были, но это все мелочи.

На первую боевую операцию поехали в конце июня 1986 г. Операция проходила недалеко от Кабула, в провинции Логар. Поехали на своей технике – БТР, ЗИЛах, КамАЗах. Банда была небольшая, человек 10 всего. Народу согнали, наверное, несколько полков (у нас в полку было около 100 человек). Тут же были и артиллеристы со своими САУ, установками «Град», танкисты, мы – спецминеры, пехота, десантура. Чтобы нас чем-то занять, командиры заставили копать окопы для стрельбы стоя. Земля сухая, твердая, лопатки лишь саперные, операция проходила около недели. Пехота с десантурой воюют, мы после них идем и минировать те места, которые обозначены в карте минирования. В итоге пять духов убили, четверых взяли в плен, один ушел в пещеры, что в горах. Группа разведчиков-десантников во главе со своим капитаном (человек 10), и мы 30 человек на следующий день пошли в то место, где они случайно в «зеленке» наткнулись на банду. Произошел бой. С нашей стороны потери были минимальные. Духовские ребята мне понравились. Все в кроссовках, вооруженные китайскими АКС, кто с СВД (снайперка), гранаты, патроны. Ничего лишнего, один спальник да сухие пакеты. Мы же, как ишаки нагруженные: каска, бронежилет (от 6 до 18 кг), гранаты, патроны, мины и т.д., снаряжение достигало до 60 кг веса. К тому же еще жара адская и горы до 2300 м высотой, короче не сахар. Десантники воевали трофейными автоматами, в случае чего, можно бросить – не жаль.

Пять убитых нашли. Это были мужчины от 18 до 25 лет. Один, видимо, был инструктором (европеец), документов при нем не было. Мы первый раз видели трупы, тем более что при такой жаре, они быстро разлагались. Стоял сладковатый трупный запах, рой мух кружил над убитыми. Пока офицеры не видели, солдаты-десантники быстро обшмонали одного у меня на глазах, нашли финку, сняли с него горные ботинки хорошего качества. Я не скажу, что это мародерство. Таких вещей у них не было, а на войне все сгодится.

За 11 месяцев, проведенных там, участвовал в боевых операциях. Еще три месяца были в Кандагаре, в городе Джелалабаде. В Кандагаре минировали подступы к дороге, по которой наши колонны через Хайратон шли к границе в Союз. Продовольствие, боеприпасы шли сухопутным и воздушным путем.

Один раз, помню, досталось мне здорово недалеко от Джелалабада. Собрались, сложили снаряжения, рассовали сухой паек кто куда, и в горы. Открытое пространство метров 300, а там подножье горы и безопасность. Необходимо было преодолеть эти 300 метров бегом, духи стреляют, местность простреливается – автоматы бьют и ДШК. Короче, думать о смерти некогда – надо бежать. Как я преодолел эти 300 м, до сих пор не помню, но знаю, чем они были в моей жизни. Потом, немного отдышавшись, начался затяжной подъем, неизвестно сколько километров. Тащить это снаряжение было делом не из легких. Кажется, вот она вершина, рядом. Поднимешься, а за ней еще одна и кажется, что конца и края нет этим горам. Солнце палит нещадно, все х/б липкое, мокрое, пить хочется ужасно. Вот так я первый раз и «лопухнулся». До обеда выпил всю воду (большей частью мне узбеки и таджики наши «помогли» – отказать было неудобно, зато потом научился на всю оставшуюся службу).

Самое ценное в пустыне – это вода, остальное все мелочи жизни. Короче, до вечера была пытка жаждой, шли пешком до назначенного места. Впереди разведка: человек шесть десантников, в середине мы, и сзади, немного отстав, еще человек шесть – прикрытие, которые помогали тем, кто не могли идти. Мы с одним дембелем из нашей роты отстали довольно сильно. Тот был пулеметчиком на БТРе (они обычно в горы не ходили). Так вот этот дембель сделал какой-то проступок, а ротный, в качестве наказания, отправил его вместе с нами. Я по неопытности своей с водой «лопухнулся», а тот видно расслабился, так как вышел приказ об увольнении, а его послали на операцию. Он до последнего дня не верил, и вот оказались мы с ним в одной связке. Нагруженные, как ишаки, отмахали неизвестно сколько: на карте линейной

всего 20 км – это по прямой дороге, а мы и в гору, и с горы, может раза в три больше. Впереди привал, все падают, отдыхают. Мы с ним пока подтянемся, уже команда: «Подъем, вперед!» Выбились мы с ним из сил без отдыха, воды нет, организм уже обезвожен, апатия полнейшая, стали как зомби. Встать сил нет, а идти надо. Подходит к нам лейтенант пехотный, достает «Макарова» и говорит: «Сейчас пристрелю вас прямо здесь, и спишем на «боевые». Видит, что на нас никакого воздействия не производит его речь, достает из сумки какой-то пузырек с таблетками. Дал нам по две штуки и по глотку воды. Мы довольно быстро взбодрились, пришли в себя, видимо, какой-то наркотический стимулятор.

Короче, догнали мы их и больше уже не отставали. Но все равно от жажды до вечера с ума

сходили. Самое интересное, что никто не давал попить, и я уже потом поступал также. Урок горький, но учит на всю жизнь. Лежишь на привале, глаза закроешь, а перед тобой вода, вода и ничего больше. Кажется, что сразу выпил бы литров пять, не меньше, а ее нет. И речка рядом бежит, да подойти к ней нельзя – место открытое, простреливаемое. Когда стемнело, пошли за водой. Майор Купцов (наш начальник штаба батальона) строго настроен без таблеток не разрешал пользоваться водой для питья. Обычно набираешь во фляжку воды (неизвестно какая она, вдруг отравленная), кладешь две таблетки (что-то с хлоркой связано), и через 15 минут уже можно пить. А мы, добравшись до воды, забыли про все наставления. Сначала напились все, а потом уже и про таблетки вспомнили. Фляжки набрали, таблетки опустили. Вернулись в расположение, но Купцова разве обманешь. Покрыв нас трехэтажным матом, фляжки отобрал, но утром все равно отдал.

Слава богу, все обошлось, может быть, кто-то животом помаялся, но живыми все остались. На той же операции отминировались, и уже надо было возвращаться, но время было позднее, темнота там наступает быстро. Может быть, лучше было бы переночевать, но каких-то десять километров до брони казались сущим пустяком, тем более что идти уже было намного легче, мин не было, но зато оставались: каска, бронежилет, автомат с тремя магазинами, по 2 гранаты (Ф-1 и РГД-5), по 120 патронов в пачке к автомату, а у меня еще и переносная радиостанция с тремя аккумуляторами (каждый по 1,5 кг). Кажется, мелочь, но если прикинуть, то килограмм 25–30 набралось, но духом уже были крепче, боевую задачу выполнили, быстрее на броню и домой в полк, хотя все были измотаны. Десантура с пехотой ночевать не хотели, нам без прикрытия оставаться тоже не резон. Но случились разногласия: один предлагал идти по хребту, а другие – спуститься в ущелье и тропами к технике. Наш командир Купцов решил идти с десантурой по хребту. Уже темнело. Пехота благополучно спустилась в ущелье засветло, а там уже тропами легче идти, чем по хребту, где ни троп, ни дорог нет – одни камни с валунами. Но мы же стойко должны переносить все тяготы суровой солдатской службы, как написано в Уставе, и шли по бездорожью, как могли. Но вот стемне-

ло, хоть глаз выколи, в метре от себя ничего не видно. Шло нас 23 человека. Постоянно перекликались, чтобы никто не потерялся. Пока были сигнальные ракеты, поджигали, светили себе дорогу, но они быстро закончились. Впереди идет командир с одним единственным фонариком, а мы за ним,

как слепые котят. Шаг, два сделаешь – ничего не видно, падаешь, снова встаешь и снова падаешь, и так до бесконечности. У меня еще ботинки порвались, чувствую, что мелкие гвоздики прямо в подошву втыкаются, но что делать – надо идти. На одном из привалов с ребятами посоветовались (а нас было 16 человек), все уже на зубах, все злые, что послушались Купцова, тот налегке с одним автоматиком и спальником. Подошли к нему и поставили его перед фактом: «Товарищ майор, мы идем вниз, в ущелье». Самое интересное было то, что он даже нам приказывать не стал, а легко с нами согласился: «Ну что ж, вниз, так вниз». Как мы спускались вниз – этого не было видно,

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

потому что темень была невозможная. Это надо было чувствовать. Я лично это почувствовал на своем заду. Во-первых, грунт был сыпучий, идти было невозможно, так как на каждом шагу приходилось падать, ноги подвергались. Кто-то предложил сесть на зад и, отталкиваясь руками от камней, спускаться вниз. В темноте ничего не видно, но тело было, все болело, руки кровоточили. Как мы добрались до брони, я уже помню не слишком хорошо, но когда мы прибыли в полк в ободранном х/б, в разбитой обуви, с синяками и ссадинами на всем теле – это надо было видеть. Про себя скажу, что на мне не было живого места. Кисти рук были одна сплошная короста. Все тело в синяках и кровоподтеках. В тот момент я думал, что все так и останется на всю оставшуюся жизнь, но зеленка сделала свое дело, и через неделю уже все было довольно сносно. Раны зажили, и даже следов не осталось.

В принципе, операции проходили в среднем один раз в два месяца. Первый раз страшно, вдруг убьют, а дома родители, молодая жена и маленький сын, который совсем не знает, где его отец, и даже не видел его ни разу. А потом уже месяца через два-три как-то легче и интереснее. Были и такие, которые пугались операций, страх, видимо, очень сильное чувство, и не все могут его преодолеть. Просто не надо думать об этом, хотя смерть напоминала о себе не раз. Но об этом потом.

Все было хорошо. Правда, летом сильно пекло, жара невозможная, но мне повезло еще тем, что я был на севере Афганистана, а вот в Кандагаре (пустыне Регистан) стояла бригада ДШБ. Там я побывал три раза. Условия жизни там не сахар. У нас в полку стояли деревянные модули – что для солдат, то и для офицеров. Разница лишь в том, что у нас казарма с кучей двухъярусных кроватей, а у них комнаты на 3 человека, у них технички (молодые женщины), в столовой у них тоже официантки были, старший комсостав вообще жил довольно комфортно. Сверху натянута маскировочная

сетка, под ней резиновый бассейн РДВ-5000 (на 5000 литров воды), своя скважина была, из которой качали воду, тут же фильтровальные машины МАФС-3 грязную воду превращают в зеркально-чистую, на этих машинах я и учился работать. Но судьба круто дала крен, пришлось таскаться с минами и сеять смерть налево и направо, потому что до 70 % потерь у духов было от наших ловушек и сюрпризов. Она так и называлась – минная война. Командир полка при мне ни разу не ездил на боевые операции, в полку-то безопаснее. Ниже рангом командиры ездили, но не часто. Больше всего доставалось нам и командирам взводов. Ротный в начале ездил, но когда до дембеля осталось полгода, он тоже начал отмазываться. Жить хотелось всем. Я не осуждаю их за это. У каждого своя голова на плечах.

Первая рота спецминирования насчитывала 64 человека. В нее входили командир роты – капитан Семидумов Г. М., три командира взвода, один замполит и один старшина. В каждом взводе три отделения по 5–6 человек. Наша рота была образцово-показательная, считалась лучшей ротой в полку. Дисциплина была на высшем уровне. Два раза посылали представления на капитана на Героя Советского Союза, но пришел орден Красного Знамени. Я помню, когда на плацу ему вручали орден, так он еще и кривился – недоволен был, видимо, хотелось большего, хотя орден в то время считался очень высокой наградой. Было замечено, что если посылают на орден, то приходит медаль «За отвагу», посылают на медаль «За отвагу», приходит медаль «За боевые заслуги» и т.д.

Старшина роты старший прапорщик Косюга, здоровый хохол, килограмм под 120, мастер спорта по вольной борьбе, с зычным голосом, не был он ни на одной боевой операции, но исправно по два раза в году ездил в Союз. Один раз законно в отпуск, а другой уже как бы на лечение в госпиталь. Его другом был генерал-майор Яремчук – начальник инженерных войск ТуркВО (они вместе служили в Германии, оба хохлы, может даже и земляки), и тот постоянно делал нашему старшине бюллетень. Наш Косюга во время отбытия в Союз, в очередной раз всегда при параде – вся грудь в орденах и медалях, в руках по 2–3 здоровых баула с духовским барахлом (тогда аудиоаппаратура в дефиците была), так он постоянно по двухкассетному увозил (настоящих «японцев») – это не то, что сейчас китайский ширпотреб.

Самое интересное, что наград был полный иконостас. Но кто в Союзе знает, что он дальше каптерки и не высывался, а то, что в духовские лавки (торговые лавки) армейское добро сдавал или менял на барахло – этого тоже никто не знал,

а потом на боевые операции спишут все это. Всем хорошо – война все спишет.

Больше всего мне нравился командир 2-го взвода – старший лейтенант Савчук Владимир Игоревич. Небольшого роста, очень грамотный и начитанный. Сам он из Калининграда. Я единственный в роте был с институтом. После очередной боевой операции сидим с ним в офицерском модуле – сочиняем наградные на очередную партию бойцов. Разное сочиняли, и что было, и чего не было.

Один раз сочиняли командиру роты на орден «За службу Родине» III степени (ему как раз срок подошел – 10 лет в ВС прослужил). Командир роты приходит, спрашивает, как дела? Я начал зачитывать: «Семидумов Г.М. такой-то, такой-то участвовал в 13 боевых операциях...» Тут он меня перебивает: «Пиши в 23 операциях, больше эпитетов, красочных случаев, экстремальных ситуаций, там наверху любят красивые истории, чтобы за душу брало», – бросил он, уходя. А мне какая разница, скажет в 30-ти, напишу в 30-ти, он командир. Вот так и сочиняли мы красочные случаи. И теперь я знаю, как многие ордена и медали там доставались. В принципе, чего бы нашему правительству жалеть этих побрякушек? Если хотя бы какую-то материальную поддержку ежемесячно давали к ордену и медали, а то сунули и отвязались. Обещали квартиры в любом городе Союза вне очереди (кроме Москвы и Ленинграда), а я после армии лишь через 10 лет получил благоустроенное жилье в одном из последних домов.

В октябре 1986 года к нам прибыла очередная замена из состава офицеров. В нашу роту попа-

ли два молоденьких лейтенанта, можно сказать только что из военного училища, оба с 1964 года рождения. Один лейтенант – Заремба Игорь Всеволодович из Западной Украины, а второй лейтенант – Юрин (звать не помню как) из средней полосы. Заремба высокий ростом – до 1,9 м, Юрин небольшой – под 1,7 м. Зарембу поставили командиром первого взвода. Как-то с ним разговорились, я уже полгода отслужил в Афгане, а он только что прибыл – ему было все интересно. Они с Юриным по собственному желанию написали рапорт и написались – повоевать захотелось, романтика военных дорог поманила. Если бы тогда в госпитале в Волгограде спросили бы мое желание, ответ, конечно, был бы отрицательным. Меня никто не спрашивал, послали и все. Этих молодых юнцов может поманила двойная зарплата, а может быть, думали, что после Афгана будет быстрее продвижение по службе, хотели, наверное, генералами стать...

Но все по порядку.... Поговорили о том, о сем, а в конце я возьми да ляпни ему: «Товарищ лейтенант, первому взводу не везет на командиров, то одного убьют, то другого ранят». Короче, взвод частенько без командира оказывался. Он как-то искоса на меня тогда посмотрел. Не думал я тогда, что мои слова окажутся пророческими. После того случая стал замечать, что язык у меня скверный, как скажу, так частенько сбывается. Это было через два месяца в декабре под Джелалабадом. Была обычная боевая операция по минированию «зеленки». Ничто не предвещало беды. Была, правда, одна маленькая деталь, на которую никто не обратил внимания. На складе в полку получили взрыватели к минам другого образца. Обычно пользовались клинкерами зеленого цвета. Этот взрыватель переводился в боевое положение через семь минут после того, как из него выдернута чека. На этот раз клинкеров не было. Получили взрыватели МУВ-1 (точно не помню модификацию), но знаю точно, что в боевое положение переводится за одну минуту, то есть в отношении безопасности для минера, практически ноль.

Минирование происходило днем. Кругом прикрытие, иногда только духи из миномета стреляли. На это как бы никто внимания не обращал. Погода теплая, не очень жаркая, но трава сухая. Все благополучно отминировались и начали собираться недалеко от минного поля, которое сами устанавливали, может, метров в 100–150. Кто-то курил, кто-то переговаривался. Остались двое: лейтенант Заремба и рядовой Буранов Абдусамат (казах по национальности), отслуживший больше года и не побывавший ни на одной операции. Вдруг раздался сильный взрыв, ударная волна прошла над нашими головами. Кто стоял, тут же

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

падали на землю, я успел упасть только на колени. Сначала все решили, что это духовский миномет и мина разорвалась слишком близко, но когда вспомнили про Зарембу и Буранова, то все стало ясно. Все бросились туда, где они находились.

Это зрелище я не забуду никогда в жизни, и даже сейчас, через столько лет, эта картина стоит у меня перед глазами. Впечатление было такое, что здесь была война. Кругом была багрово-красная кровь, много крови... Здесь в духовской «зеленке» лежали два молодых парня: одному 19, а другому – 22 года. Тело Буранова было без головы, левой руки тоже не было, из артерии на шее толчками вытекала яркая кровь. Метров в 10-ти лежал Заремба без сознания, руки, ноги, голова – все на месте, но два осколка – один в виске, другой за ухом сделали свое дело. По дороге к броне минут через 10–15 он скончался, не приходя в сознание. Начался сильный пожар, многие были в шоке от увиденного, близко так смерть многие видели впервые. Я не был исключением, но огонь все сильнее разгорался, сухая трава воспламенялась, как порох. Подобрали все, что нашли – бронежилет в клочья разорвало, одни лохмотья остались; дуло автомата загнуло набок, приклад и газовая трубка превратились в щепки, голову так и не нашли. Пожар пошел в сторону минного поля, пытались тушить, но бесполезно. Опасаясь детонации других мин из-за огня, спешно решили уходить к дороге, к броне, пытались спасти еще дышавшего Зарембу.

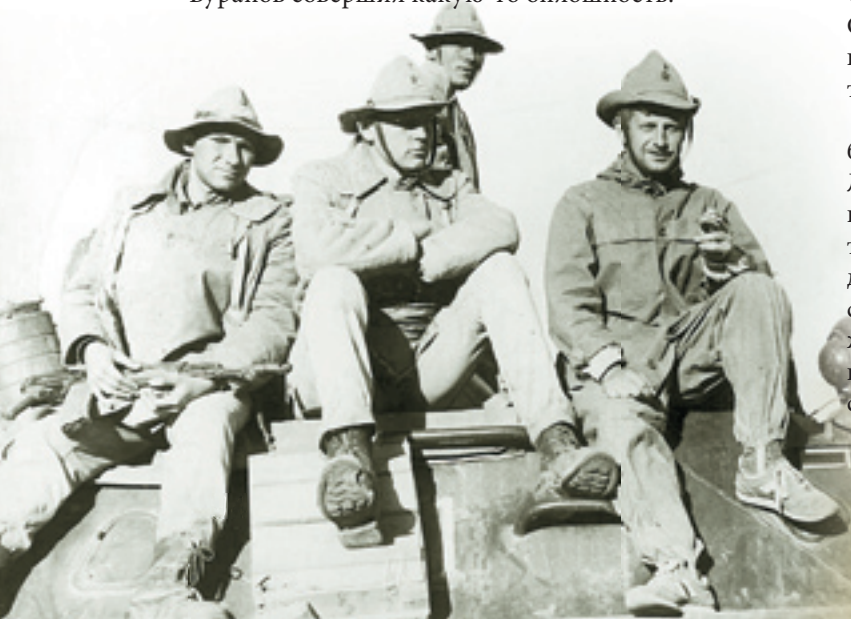
Потом, когда анализировали данную ситуацию, картина прояснилась. Рядовой Буранов устанавливал осколочно-заградительную мину со взрывателем, который был описан выше. От мины в разные стороны расходилась тонкая медная проволока-растяжка, на первый взгляд незаметная. У него всего была одна минута для того, чтобы замаскировать мину и быстро удалиться в безопасное место. По всей видимости, ему потребовалось больше времени на маскировку, может быть взрыватель был некачественный, а может, Буранов совершил какую-то оплошность.

Свойства мины следующие: при детонации она выскакивает из металлического стакана на 90 см от земли. В ней 5 кг тротила и плюс 2000 металлических осколков (маленькие свинцовые, а может, стальные шарики или цилиндрики). Это мина-лягушка выскакивает с очень большой си-

лой. Видимо, Буранов склонился над ней и та бешеная сила, с которой мина выпрыгивает, оторвало ему руку и голову, но своей жизнью он спас многих из нас, ведь мы находились рядом. Разлет осколков 200–300 м. Он своим телом изменил направление полета осколков: часть ушла в землю, а часть пролетела у нас над головой. лейтенант Заремба видимо находился за спиной у Буранова, может быть, из любопытства наблюдал, как тот маскирует место минирования. Это его и погубило. Его рост оказался для него смертельным. Оба осколка в голове. Был бы маленький, то остался бы в живых, но это видимо судьба. Через два месяца на первой же операции и по своей вине – глупое стечение обстоятельств. Оба представлены к наградам: Зарембу – к ордену Боевого Красного Знамени, Буранова – к ордену Красной Звезды. В Союз отписали, что погибли как герои. Кому она нужна, правда, родственники хотят верить, что их сыновья и мужья были героями, погибли за Отечество, выполняя интернациональный долг. Сестра Зарембы прислала письмо с просьбой написать правду о смерти брата, но мы с Савчуком так и не решились этого сделать.

Был еще такой случай: недалеко от Джелалабада также отминировались все, а двоих не было. лейтенант Пачежерцев и рядовой Мрачко устанавливали шлагбаумы (деревянная досочка с четырьмя противопехотными минами нажимного действия – ПМН). Духи засекли их и начали обстреливать. Мрачко испугался и побежал, и надо же было, на свой шлагбаум и встал. Обоих ног как не бывало. Жил еще часа два, но от потери крови скончался.

Контактов, как таковых, с местным населением у нас не было, но был такой случай: частенько к нам в полк приезжали военные инженеры из Союза. На полигоне испытывали новые виды мин. Этот полигон был недалеко от полка. Вокруг полка стояло минное поле для безопасности от духов. А здесь, видимо, лазейка была со стороны «зеленки» и частенько туда наведывались бачата лет 14–16. Там находился у нас дозор: один сержант и двое рядовых бойцов. Сержант частенько работал, помогал инженерам в установке и испытаниях и, видимо, много интересного знал.

Однажды, когда один из бойцов ушел в полк за обедом (они там и жили на полигоне постоянно), пришли бачата и каким-то образом выманили оружие у наших ребят. Те подумали, что это шутка и значения поначалу не придали, но все дело обернулось для наших ребят трагично. Эта молодежь увела их в плен. Подняли тревогу, но было поздно. Через неделю тело одного сержанта подбросили на блокпост, недалеко от Кабула. Его трудно было узнать: глаза выколоты, руки вывернуты, все тело шамполами истыкано, на спине звезды вырезаны. Сотрудничать он, видимо, с ними не стал, пытался бежать, но безуспешно,

слишком хорошо его охраняли. А второй боец, который с ним был, остался живым. Приводили его к нам в полк в духовской одежде, показывали, малость умом тронутый. Обменяли его на несколько духов и отправили в Союз. Не знаю, что с ним стало потом. Вот такие случаи были.

Из Афгана несколько человек нас отправили в Ташкент (30 марта 1987 г.) на офицерские сборы в войсковое училище имени Ленина. 45 суток в Ташкенте! Вначале было дико. Мирное небо, люди ни о чем не думают, а там война. Сразу в училище не пошли. Коля Бочкарев, мой дружок, был местный. Завалились к нему впятером. Получили немного денег (на водку хватило), купили водки, нарезались до чертиков, сняли стресс.

19 мая 1987 года прилетел в Свердловск, потом на поезд в Качканар, здесь встретили родители и жена с маленьким сыном (1 год 2 месяца). Потом, ближе к Новому году, пришла медаль «За боевые заслуги». Я думал, что может Савчук, позаботился, но он где-то в июне-июле оттуда выбыл. Потом дали юбилейную медаль «70 лет ВС СССР» и афганскую медаль «От благодарного афганского народа».

Героем не был, просто тащил службу, как и многие там.

Раткевич Лев:

«ВДВ — школа мужества»

Родился 1 июля 1967 года в поселке Валериановск, там же закончил среднюю школу. Учился в ГПТУ-87 по специальности «Машинист бурового станка». После службы в армии вернулся в п. Валериановск. Работает заместителем начальника бурового участка Северного карьера ОАО КГОК «Ванадий».

Когда началась война в Афганистане, военнослужащие срочной службы массово писали рапорта с просьбой о переводе для дальнейшего прохождения службы в Демократической Республике Афганистан. Писали сами, никто этого делать не заставлял и не принуждал. Качканарец Лев Раткевич был одним из них.

— Я считал (и считаю), что продолжил традиции наших парней, воспитанных в духе патриотизма. Не стесняюсь этого чувства — любить Родину, и мой долг — защищать ее, — так началась наша беседа с Львом Германовичем Раткевичем, заместителем начальника бурового участка рудоправления. — У меня растут два сына, старшему 17, и думаю, что они разделяют взгляды отца. А

тогда, в 86-м году, закончив сержантскую школу в Прибалтике, я имел выбор: служить в Венгрии или остаться в «учебке», готовить молодых сержантов. Я сделал свой выбор — Афганистан.

Самолет, на борту которого летел сержант Раткевич, приземлился в Кабуле 22 апреля 1986 года. Здесь новобранцев распределили по местам службы. Раткевичу выпала честь влиться в 103-ю Витебскую воздушно-десантную дивизию, в гвардейский артиллерийский полк.

Мождахеда, по заведенной традиции, на советские праздники устраивали «праздничные» обстрелы наших войск. Шестого мая Лев прибыл на свой блок-пост и сразу же узнал, что такое боевые действия.

— Не скажу, что для меня это был шок, но представление о войне изменилось. Я реально понял, куда я попал. Одно дело — мальчишеское восприятие войны, основанное на героических книжках и фильмах, на рассказах ветеранов и старослужащих. Но мало кто из них говорил о смерти. А когда сидишь в окопе, и вокруг тебя взрываются

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

снаряды и свистят пули, понимание сути происходящего переходит в реальную плоскость. Ну, а деваться уже некуда, если уже взялся за гуж...

Панического страха не было, был страх как инстинкт самосохранения. Особенно ближе к дембелю, когда ты уже практически гражданский человек, и нет никакого желания лезть под пули. А вообще-то у меня были мысли остаться в Афгане на сверхсрочную. Не то чтобы хотелось подвигов, просто привыкаешь к военному ритму жизни, блок-пост, застава становятся домом родным, несмотря на то, что война – это холод, голод, грязь, кровь, страх, смерть.

Однажды, спустя несколько лет, увидев по телевизору свою «точку» (показывали сюжет о движении Талибан), Раткевич всерьез разволновался:

– У меня дыхание перехватило, мурашки по коже. Мы же этот блок-пост, через пот и кровь, на каменистой высоте сами строили. Ладони в кровь стирали, но окопы сделали в полный рост.

Медаль «За боевые заслуги» Лев Раткевич получил спустя полгода службы, будучи уже заместителем командира взвода. Его расчет обеспечивал прохождение на Гардез колонны с боеприпасами и продовольствием.

– Моджахеды устроили обстрел колонны, и мой расчет поразил вражеский миномет, – не хочет вдаваться в подробности мой собеседник, – За это дали медаль.

Механизированные колонны – это был чуть ли не единственный способ доставки припасов. Чтобы она дошла без потерь, с ней шла еще одна колонна – колонна сопровождения. Из-за любого угла, из-за любого камня, при каждом удобном случае стреляли в советских солдат. И чтобы бойцам было что поесть и чем воевать, потери в колонне должны быть минимальными. С этой задачей Раткевич с товарищами справились успешно.

– Вызвать «вертушку», увезти раненого в госпиталь было настоящей проблемой. Вертолеты обстре-

ливались постоянно. Горы потребовали изменить привычную тактику и стратегию ведения войны. Теперь если высаживались с «вертушки», то только в прыжке с высоты полутора метров от земли.

– Лев Германович, хоть Вы и служили на передовой линии огня, наверное, было и свободное от войны время. Чем снимали стресс, как расслаблялись?

– Свободно времени было немного. Ночью – в карауле, днем – готовишь технику, пополняешь боезапас. Мы сделали на заставе мини-спортгородок: бруссы, перекладина, боксерский мешок – и, если выпадал случай, там и отдыхали: кто больше подтянется, кто больше отожмется. Бренчали на гитаре. После обеда проводились политзанятия, и обязательно – отдых перед ночным караулом. Повар у нас был отменный, до службы работал в столовой ЦК. Понятно, что по классу «люкс» он готовил для офицеров. Но если ты профи, то и обычную кашу невкусно уже не приготовишь.

Как показывают в кино, что молодые стирали для «дедушек» носки, такого у нас не было. Бить – били. За сон на посту. За это били жестоко, и я с этой мерой воспитания абсолютно согласен: ждать, когда тебе от уха до уха перережут глотку? Приходишь на пост менять караул, а парнишечки спят, обнявшись с автоматом. Честно скажу, становится не по себе. А если бы пришли не мы?.. Были случаи, когда засады, и даже заставы вырезали, и никто пикнуть не успевал.

Молодым доставалась наиболее тяжелая работа, например, рыть окопы. Грунт скалистый, сначала надо вырыть шурфы, заложить в них взрывчатку. Взрываешь, затем ломиками расковыриваешь и снова долбишь, снова взрываешь. Дембеля тут же с сигареткой да с командами, но не сказать, что совсем не прикасались к лопатам и каелкам.

– А в столовой? Лучший кусок – «дедушке»?

– Едой молодых не обделяли. Да, половинили пайку сахара и масла, но голодными не оставляли. Если сидели голодными, то все. Это когда колонна с продовольствием задерживалась, и на заставе из еды оставались лишь жестяные банки с ржаными сухарями и вода. Но в целом с продовольствием проблем не было, кормили хорошо. Я до сих пор гречу не могу есть, а, если Вы помните, она тогда в Союзе считалась дефицитным продуктом.

А кому мы там были нужны? – задает себе вопрос Раткевич. И сам же отвечает: – Никому из простых афганцев. Это была чистая политика, а политика, как известно, грязное дело. Брежнев с Кармалем договорились: один рвался к власти, другой хотел закрепиться на выгодной территории. И я понимаю, что Афганистан – это стратегически важные высоты, и, наверное, нет дыма без огня, когда говорят, что мы вошли в Афган буквально на несколько часов раньше американцев. С этой стороны афганская война может быть оправдана. Но для местного населения мы были

захватчиками, завоевателями. Знаете, как к нам относились? Днем улыбаются – вечером стреляют. Сейчас, спустя годы, я их понимаю. Стоял кишлак, жила община, со своим укладом и порядками. Пусть бедно, но тихо-мирно. Пришли солдаты, началась стрельба и не стало кишлака. Мы где-то можем, хлебушка дадим, консервов, но в бою – тут уж каждый за себя. В тебя стреляют из дома, ты же не знаешь, кто там сидит: пара душманов или все семейство. Лупанул в него пару раз – домик сложился... Какое после этого будет отношение?

Что характерно, в Афганистане воевали не совсем с афганцами. По словам Льва Германовича, было много таджиков, наемников-арабов, однажды довелось увидеть негра. Против СССР активно действовал Пакистан, на чьей территории располагались душманские базы. Не менее активно действовали против нас США, которые как раз через Пакистан финансировали и снабжали врага. Помогал оружием коммунистический Китай, поставляли мины итальянцы.

– Возвращались мы из засады, уже солнышко вставало. Смотрим: «вертушки» летят. Прошли над нами, развернулись и... Заходят на боевое положение! Задницы подняли, как обычно перед залпом. Тут, конечно, струхнули не на шутку. От своих же погибнем?! А сверху разве разберешь, свои мы или нет. Одевались все почти одинаково, камуфляж различить просто невозможно, вот и решили вертолетчики нас «проутюжить». Благо, боеприпасы никто не считал. Мы давай руками махать, ракеты пускать, кричать русские слова, лишь бы признали! Они прошли без залпа, покружили и, слава Богу, улетели. А бывало, смотришь, МиГи бомбят «зеленку» – кто разберет, только ли враги в ней?

Раткевич вспоминает еще один случай, о котором рассказывал старший лейтенант, «героический взводный», как его называл Лев Германович. Лейтенант с группой бойцов корректировали огонь из жилого дома, и вскоре их убежище было расстреляно.

– Они в дувале замуровались, а «духи», как тараканы, лезут на них со всех щелей. Убили уже почти десяток солдат. Лейтенант (к сожалению, не могу вспомнить его имя) спрашивает у парней: «Что будем делать?» Тут либо плен – либо смерть. И парни решили вызвать огонь на себя. К счастью, в дувал не попал ни один снаряд. «Духи» отступили, на «вертушки» погрузили убитых и раненых, а лейтенант попал на заставу, где служил Раткевич.

– Лев Германович, действительно ли афганская война была бойней, как сейчас принято считать?

– У нас на заставе не было ни одного смертельного случая. Часто рассказывали о потерях, но нас Бог миловал. Я считаю, что 15 тысяч погибших – это заниженная цифра. Архивы-то до сих пор не рассекречены. Знаю ребят, которые по каким-либо

причинам делают запросы для оформления документов, а ответ – нулевой, никакой информации.

...Рев, пыль, комья земли, грохот, тьма – на заставу сыпались реактивные снаряды. С началом обстрела все рванули к окопам.

Я бы, может, и успел бы добежать, если бы не один момент. Недалеко разорвался снаряд, и я дернул за ногу молодого солдата, чтобы он лег. А сам залечь не успел... – вспоминает Раткевич.

В первое мгновение Лев боли не почувствовал. Просто, как будто кулаком ударили. Посмотрел на грудь, а по ней кровь струйкой... Когда очнулся, его спросили: «Ты живой?» – «Вроде живой». Санинструктор с замполитом осмотрели входное отверстие (оно было совсем небольшим) и сгоряча рану недооценили.

– Санинструктор мне говорит: «Рана чистая, давай, пока ты в шоке и боли не чувствуешь, ее зашьем», – и достает обычную швейную иглу и шелковую нитку от стропы. А я: «Что я вам, подушка?», – и не дался зашивать. Так до демобилизации рана кровила, но не моя это смерть была. Ведь войди осколок на десять сантиметров выше, в шею, – и никакой врач меня бы не спас.

После ранения на Льва Раткевича оформили документы для представления его к награде – ордену Красной Звезды.

– Наградной лист я видел собственными глазами, но не знаю, что где затерялось. Я лет пять еще вспоминал о нем, ведь спустя не один год получали парни награды за Афган. Ну, не судьба. Я спокойно отношусь к своим «железякам» (это медали «За отличие в воинской службе» II степени, «За боевые заслуги», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «За самоотверженный ратный труд в Туркестанском военном округе» и другие юбилейные награды – М.Р.). Надевал их единственный раз, когда пришел из армии, на День ВДВ.

С медалями на груди и осколком в ней Лев Раткевич в ноябре 1987 года демобилизовался и приехал в родной Валериановск. Его дождалась любимая девушка, с которой он дружил еще со школы. Сыграли свадьбу, Лев устроился на работу в Качканарский ГОК и так и жил с осколком в груди.

– Когда я вернулся, мне сделали снимки грудной клетки. Выяснилось, что железка пробила мне ребро и застряла в плевральной полости. Я поехал в Свердловск, в госпиталь, но там не ока-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

залось свободных мест. Предложили приехать «через недельку», но я плюнул и больше не ездил, пока стало совсем невмоготу.

Родители и жена настаивали на операции, да и у самого Льва при резях в груди стал появляться страх: куда воткнется осколок железа? В 97-м году Лев поехал в госпиталь на Широкую речку, ему извлекли осколок и теперь он лежит дома, как память о войне.

– Заодно обнаружили у меня кучу болячек, – с улыбкой говорит Лев Германович. – Меня при ранении контузило, кровь из уха шла, потому мучаюсь головными болями. Да еще разного по мелочи. Вот и числюсь я на инвалидной группе. Но я стараюсь не «грузиться» на эту тему. Надо жить, надо радоваться.

Когда началась чеченская война и объявили набор служивых на контрактной основе, Ратке-

вич пришел в военкомат узнать, какие для этого нужны документы.

– Помните, какая у нас тогда жизнь была? Неплатежи, пустые полки, на работе дадут 300 рублей – и живи как можешь. Семье жить негде, на душе кошки скребут... Наверное, как крик отчаяния было мое решение ехать в Чечню. Мама плакала, отец говорил: «Что ты хочешь там заработать? Пулю в лоб?». У нас уже ребенок был, и жена, конечно, тоже была против. Короче, я не поехал.

Сегодня, спустя 16 лет, я не жалею, что служил в Афганистане. Я узнал, на что я способен. Как ни высоко это звучит, я горжусь принадлежностью к ВДВ, а это, между прочим, школа мужества.

М. Ревина

Титовец Владимир:

«На шестой заставе прослужил до дембеля»

Владимир Сергеевич Титовец родился 24 апреля 1967 года в Качканаре. Закончил 8 классов в школе № 2 и СПТУ № 92 по специальности «автослесарь». Работал на производственно-техническом предприятии (ПТП).

В 1986–1988 годах – служба в Советской Армии. После увольнения в запас работал в ООО «Ремэлектро». В настоящее время – в фирме «Качканар-мебель».

9 апреля 1986 года меня призвали, а 4 августа был уже в Кабуле. На 2–3-й день нас забрал покупатель и самолетом – в Баграм. Там уже ждали вертолеты. Один вертолет улетел, а наша вертушка сломалась. Улетели только на следующий день, в горы, в Рухинский полк. Руха – это такая речка, мелководная, но чистая. По кругу – горы, на вершинах – наши посты, в середине две взлетных площадки. А так же столовая, казармы наподобие землянок, плац. Я там переболел москитной лихорадкой. Через две недели нас вернули в Баграм, оттуда нас увез на БТРе командир роты (капитан, фамилию не помню, родом из Тюмени, рыжий, высокий, строгий, даже жесткий, но классный).

На 6-й сторожевой заставе (дорога на Кабул) прослужил до самого дембеля. Сначала я был заря-

жающим. Но иногда в шутку мы себя называли универсалами. Во-первых, потому что ездили на всем: на БТР, на танке, на БМП. Во-вторых, потому что в зависимости от обстоятельств могли сработать за любого. Штата не хватает, дембелей дембельнули, молодых задержали, да мало ли что, вот и пришлось выезжать за заряжающего, за наводчика, за механика и даже за командира выезжал.

Уже в конце августа послали на караван. А я еще молодой, необстрелянный. Там ведь как: приходит «доброжелатель» и сообщает информацию – по этому руслу должен пойти караван. Только не сказал с чем. Но караваны пустые не ходят. На дороге встали, все стволы туда. Ночью, ближе к утру слышались шорохи. Есть! Караван небольшой. Везли медикаменты, продовольствие и шмотки.

Вскоре после каравана нас послали в Чарикарскую зеленку. Две недели мы бились там с этими гадами. Там такое здание, окруженное высокими стенами, в нем решили поставить пост. Пока его отстраивали, наш экипаж оставили, чтобы мы их охраняли, пока они отстроятся.

Афганские «бачата» – это бедствие. По моим понятиям их следовало бояться не меньше, чем взрослых. Они везде лезли. Где-то прохлопаешь ушами, они тебе что-нибудь подцепят, отъехать не успеешь и взлетишь. Такой карапуз идет, и ППШ помахивает: приклада нет, толи обломился, толи сгнил, как обрез, но стреляет. Днем тебе: «Шурави, шурави» – а ночью может в спину садануть. Верить им нельзя, да и взрослым тоже.

На заставе нас было 15 человек: 14 бойцов и командир. Баня была, отапливалась дровами, хотя с ними туго было, использовали ящики из под снарядов. Воду завозили, стояли две большие цистерны: в одной вода под баню, в другой для кухни. Насчет покушать – всяко было, иногда случались перебои, если духи не позволяли завезти продукты. Кино не смотрели: с электричеством был напряг. Был свой генератор на бензине, старенький, ломался. Я за него был ответственный. Постоянно нужно было что-то подтянуть, подшаманить, подтереть. С бензином было туговато. Взводный скажет – заведу.

Праздники всегда отмечали. Что-нибудь сварганим из своих запасов. Нам с местными контакт не был разрешен, офицеры же могли сходить в афганский дуكان. Их пост стоял недалеко от нашего, его поставили перед выводом: дескать, шурави урулят, а вы чтобы тут были. Мы им давали ящики пустые, и они нам что-нибудь принесут. Если день рождения, делали торт из толченого печенья со сгущенкой, сверху украшали конфетками.

Командиры были отличные. Как-то наехал на меня молодой лейтенант, что хожу в кроссовках. Какая разница, в чем воевать? Лишь бы удобно было. А тут уставщик приехал. Вызвал меня: «Ты авторитет что ли здесь?» – «Авторитет, не авторитет, но слушаются». И правда, ребята как-то ко мне прислушивались, хотя я их и не припахивал. «Товарищ лейтенант, вы только приехали, от Вас еще домашними пирожками пахнет, а я уже полтора года здесь». Ну и все стало нормально. Иной раз позовет, спросит, посоветуется. По званию мы обращались только к офицерам. Большую роль играл срок службы. Дедовщины, в плохом смысле этого слова, не было, но младшие призывы должны слушаться старших. А старшие поглядывали за молодыми, что бы не залезли куда, совет могли подкинуть. На дембель кто шел, тому отстегивали чеков. Это была не принудилровка, а от души, чтобы парень нормально домой пришел. Пока я был заряжающим, получал 13 чеков, стал наводчиком – 24 чека.

Имею контузию. Я еще духом был. Как-то в парно-хозяйственный день (ПХД) решил прокипятить одежду. Одолели бельевые вши. До армии я вообще не знал, что это такое. А тут две недели были на боевых – не мылись, и подменку выдали, видать, уже с ними. Зашел в расположение переодеться, одел сапог, второй не успел. Вдруг раздался взрыв. Ничего понять не могу, в ушах звон, в расположении пыль, и команда: «Застава, к бою!» В одном сапоге доскакал до танка, запрыгнул. Я был заряжающим: снаряды по 40 кг – подергай их. Выехали, постреляли. Через казенник наклонился, а наводчик Саня из Нарофоминска спрашивает: «Что у тебя на шее, кровь?» Отстрелялись, отбой. В расположение зашли, а там вонь, матрас горит, форточки сорваны. Из гранатомета пульнули.

Первую помощь при необходимости мог оказать медбрат. У нас это был Гадам из Туркмении,

он учился в мединституте, со второго курса его призвали в армию. Перед концом службы случай был. На посту стоял сапер нашего призыва, делал звездочку для комсомольского значка из пряжки. Взял гранату от гранатомета и давай гвоздиком в ней дырку долбить. И попал капсюлем. Взрыва не было, граната улетела за пределы. Раздался щелчок, как при стрельбе одиночными из автомата. Дело было ночью. Я – дежурный по заставе, решил посмотреть. А он в угол забился, за живот держится, кричит, бледный, лужа крови. Первая мысль – самострел. А у него фалангу пальца оторвало, висит на коже. Гадам прибежал, увидел все это и ему самому сделалось плохо. Иди на хрен! Кровь остановили, перевязали, увезли в госпиталь, там зашили – и обратно.

Еще молодыми были, сидим втроем: я, Юрий с Тюмени и Гадам и мечтаем: если останемся живыми, заедем друг к другу в гости. К Гадану мы заехали, он был из Чарчжоу, две недели туркменского гостеприимства – как «тысяча и одна ночь».

Вышел приказ на увольнение, но из полка еще не пришел. Нужно было из «зеленки» вывезти наш пост, а туда забросить царандой. Комбат позволил на заставу, чтобы отобрали одну коробочку из старослужащих. Вот нас и отправили. Нужно было проходить через кишлак, командир предупредил, что всякое может быть. Бронежилеты сроду не одевали, а тут приказали надеть. И вот колонна двинулась: танк, БТР и две БМП (в них сидели царандоевцы). Туда съездили нормально. Нашу машину поставили на блокировку, остальные прошли дальше. Задницей подъехали, двери открыли: царандойцы оттуда, наши туда быстро запрыгнули. Обратно выезжать – колонна прошла, мы задом попятнулись – а на выходе толпа боевиков. Люки прикрыли, а стрелять первыми нельзя: политика «национального примирения». В триплексе смотришь: кто-то из них гранатомет вскинет... Как выбрались – это другой вопрос. Потом нас построили, и командир дивизии сказал представить каждого из нас к ордену Красной Звезды. Представили или нет, не знаю, я ничего не получил.

А 14 июня 1988 года – на дембель.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Черноскутов Олег:

«Куда деваться? Будем служить!»

Олег Владимирович Черноскутов родился 29 июня 1967 года в Качканаре. Закончил 8 классов в школе № 7, получил специальность сварщика в СПТУ № 92. Работал в «Уралдомнаремонте». В 1985–1986 годах служил в Вооруженных силах. После увольнения в запас и по настоящее время работает дежурным электриком на обогатительной фабрике Качканарского ГОКа. Отец троих детей.

В учебной части в г. Принай (Литва) получил специальность наводчика САУ-2С9. Впоследствии, по службе, приобрел другую специальность: стал старшим связистом батареи.

О том, что будем служить в Афганистане, нам не говорили, но мы об этом догадывались потому, как нас часто водили на прививки. Объявили же об этом накануне, на вечерней поверке, назвали по фамилиям, кто завтра отправляется в Афганистан. И вот Афганистан, Кабул. Все такое военное, часовой такой экипированный, в бронеке и каске. Попрощались с дембелями, которые нашим бортом улетали на Родину. «Ладно! Служите ребята!» – сказали они нам. Куда деваться? Будем служить!

Распределились с Левоу Раткевичем в артиллерийский полк 103-й воздушно-десантной дивизии. Почему-то мы с Левоу попросились на заставу. Заставы эти охраняли Кабул. Располагались они на горе, на высотке. Наша была пятая, прикрывала Гардеское направление. Подъем на гору тяжелый-тяжелый, но мы были молодые, сильные. Нас прибывало восемь человек.

На вторую же ночь заставы были обстреляны из ПТУРСов. Тогда это шокировало. Нам, молодым, дали оружие, но оно совсем в другом направлении: там орудия стояли по сектору. Дембеля – те сразу к своим орудиям, а мы – так... Ночь отстреливались. А оно хорошо слышно, когда снаряды летят. Утром ребята предупредили: «Вы смотрите, если снаряд идет и слышен шелест – он мимо уйдет, если шелест пропал, прячься, куда можешь, это уже ваш». Артиллерия – это не пехота.

Прошло где-то с месяц, нашу заставу перебросили в другое место. Там начались какие-то капитальные обстрелы, будто душманы прорыв хотели сделать на Кабул. И там, начиная с июля и по август 1986 года, обстрелы были каждую ночь. У орудия сидишь, все рвется кругом. Минут 15 обстрел – отбой. Только зашли в расположение, слышим: опять трассера полетели. По новой началось...

Днем мы обязательно обстреливали окрестности, а все данные, все прицелы заносились. Когда нас обстреливали, мы видели, откуда вспышка, соответственно, прицел такой-то и – огонь! Доставалось не только нам. Рядом через горку стоял полк «зеленых» – и им тоже попадало.

Потом случилось так, что из-за болезни меня увезли в полк. Там в санчасти лежал старший лейтенант, командир 6-й батареи. Он предложил мне перевестись в эту батарею связистом. А что? В связи я разбирался. Вот и все. Я стал ходить по горам. Для меня это казалось лучше, чем на заставе сидеть. Тяжело? Ну и что! Носил радиостанцию Р-107 (она весит 7 кг), РД со всеми причиндалами, еще и ребятам поможешь, кому тяжело.

Я не разведчик, ходил как связист-корректировщик. Ходил до самого дембеля. Последний раз – буквально за неделю. Тогда духи царандойцев задавили в зеленке. Взводный спрашивает:

– Кто пойдет?

– Я!

Ребята: «Тебе делать нечего? Тебе домой через неделю, ты головой думай!».

– Да схожу!.. Что молодых пацанов отправлять?

Ну и все. Взяли еще одного парнишку. За нами приехали, повезли. Началась зеленка, пошли дувалы. Начали корректировку. Большая война была. С нами был советник с этого царандойского полка: «Ну, ребята, спасибо, что приехали, я уже не знаю, как с ними тут воевать». Офицер дает корректировку, я передаю, второй прикрывает, артиллерия ведет огонь.

Медаль «За боевые заслуги» получил за другую операцию. Это было в провинции Газни. Мы вышли со своей батареей и две недели стояли там. Я был старшим связистом в батарее. Работали по полной и днем, и ночью. Каждые 2–3 часа у нас были обстрелы. Мы подавили 50 радиостанций духовских, по всем районам в округе у них были отдельные группировки. Мы подавили их своим огнем. А у нас «нона» – у нее подъем ствола 80°, дальность стрельбы до 12 километров. Мы стояли у самого хребта, все остальные сзади. Отрабатывали хорошо, четко, слаженно. За это отослали письмо родителям и представили к медали, которую получил уже в Качканаре.

Конечно, Афганистан вспоминаю. Иногда он снится.

1987

Алексеевич И.
Апатенко А.
Боб Ю.
Воробьев В.
Ганюшин В.
Голенев И.
Гиматутдинов М.
Замараев В.
Иовлев В.
Комаров Е.
Лучина И.
Макаровец О.
Неплях В.
Проценко С.
Федечкин В.
Фоминых Ю.
Хан О.
Цыбенко А.
Шарипов М

Макаровец Олег

*Домой улетаю, ребята...
Счастливого, братья, пути!
И прошедшему нему возврата,
Что ждет вас еще впереди?*

*Домой... Ну, а мы остаемся.
Окопы, обстрелы, бои...
Все это в достатке хватили,
Все это уже позади.*

*И как в ночную прохладу,
И как в полуденный зной,
Мы тосковали по дому,
Вспоминал, как нелли с тобой.*

*И больно сжимается сердце
От этой щемящей тоски.
И вьюю родные березы,
Смотря на пустые пески.*

*Вы улетели. А мы - через месяц,
И пусть пролетают года...
Друзей боевых и афганские тропы
Нам не забыть никогда.*

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Апатенко Александр:

«Афганистан вспоминаю с грустью и печалью»

Александр Анатольевич Апатенко родился 13 апреля 1968 года в городе Червонограде Львовской области. В 1979 году семья переехала в Качканар. Окончил 8 классов в школе № 2, потом СПТУ № 87 по специальности слесарь-сварщик-стропальщик. 9 ноября 1987 года призван в ряды Вооруженных сил. Уволившись из рядов Вооруженных сил, работал на заводе «Забсибнефестрой». В настоящее время работает в ГОКе.

Что знал об Афганистане до призыва в армию? Много. Очень много об этой стране писали газеты, особенно «Комсомольская правда», были телерепортажи. Вся эта информация сводилась к следующему: в Афганистане идет освободительная борьба, в которой Советский Союз оказывает афганскому народу интернациональную помощь. Однако, к тому времени в Советский Союз, в том числе и в Качканар, поступал печально знаменитый груз-200, и возвращавшиеся оттуда ветераны рассказывали совсем не то, что средства массовой информации.

Однако необходимость службы в армии даже не подвергалась сомнению. Причем хотели служить в элитных войсках – воздушно-десантных. 9 ноября 1986 года был призван в ряды Советской Армии. О месте службы, роде войск узнал на областном сборном пункте «Егоршино». Там была отобрана команда примерно 30 человек. Вывели на плац и объявили, что команда отправляется в Чирчик с последующей отправкой в Афганистан. Кто не желает – пойдет служить в другое место. Не пожелал всего один человек. Все остальные дружно сделали шаг вперед.

Дальше – полгода учебки в Чирчике, подготовка к Афганистану. Готовили спецназ. Кормили отлично. Пайка была шикарная. Кроме тех случаев, когда в плане психологической подготовки какое-то время приходилось вообще обходиться без сна, еды и воды. Много было физической

подготовки. Пешком практически не ходили, только бегом. Проводились занятия по тактико-специальной подготовке, в ходе которых отправлялись в город для выполнения некоторых задач, сходных с теми, с которыми, возможно, придется столкнуться в Афганистане. И вот с военного аэродрома Тузель самолетом Ил-76 в Афганистан. Настроение у всех бодрое, приподнятое. Сами себе казались суперменами. Приземлились в Кандагаре. Первые впечатления как-то развеяли романтический задор. Первого, кого увидел – наш солдатик в выгоревшей, почти белой форме, с потертым автоматом. Невероятная жара, воздух как будто плавает. Поразил убогий пейзаж. Где-то вдалеке слышна была стрельба и грохот взрывов.

Местом службы стал 6-й батальон бригады специального назначения ВДВ, дислоцировавшийся в населенном пункте Лашкаргах, провинция Гильменд. Провинция названа в честь одноименной реки. А «Лашкаргах» будто бы переводится как «солдатские казармы». Есть легенда, что здесь останавливались войска Александра Македонского на пути в Индию.

Быт был обустроен относительно нормально. Жили в глиняных казармах, пол ниже уровня земли. Окна обтянуты светомаскировкой. На случай обстрела отрыты капониры. Хотя обстрелов практически не было: вокруг нет гор.

Имелась столовая типа «ангар». Питание было отличное, на убой. Еще была баня, прачечная, пошивочная мастерская. С водой без проблем – имелась артезианская скважина.

Принимал участие в поисково-засадных действиях по обнаружению и досмотру караванов мятежников в пустынях Регистан и Даштиморго. Караван мог идти в Пакистан, тогда его груз составляли наркотики, документы. С ним могли

находиться связники, люди с важной информацией. Из Пакистана везли оружие, обмундирование, деньги.

В засаду обычно отправлялась группа в составе 20 человек. Возглавлял ее командир (офицер). Его заместителем был сержант. В группу входили два минера: на случай заминировать тропу, прикрыть тыл группы, уничтожить груз и т. д. Связь с базой осуществляли два связиста, работавшие на радиостанции «Ангара». Солдаты снаряжались согласно боевой выкладке десантника. У каждого автомат, патроны в магазинах и в пачках, по два гранатомета «Муха», не менее четырех гранат (обычно две Ф-1 и две РГ-42), 3 ракеты: осветительная, красная (к бою), зеленая (отход), штык-нож. У многих был нож разведчика стреляющий. На группу брали гранатомет АГС-17 (он тяжелый, но эффективный), иногда ДШК (пулемет Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный), АПСБ (автоматический пистолет Стечкина бесшумный), пулемет ПК или ПКМ, снайперскую винтовку (СВД), 2–3 автомата АКМ СН (складывающийся), оптические приборы: по паре биноклей, ночных приборов БН-2, труба разведчика, оптические прицелы – ПСО для стрельбы днем и НСПУ для стрельбы ночью, штук пять радиостанций Р-398.

На место забрасывали на броне или на вертушках под вечер или рано утром. Если на броне, то делали приличный крюк: у моджахедов была развита система наблюдений, информацию они качали исправно. Поэтому их нужно было как-то вводить в заблуждение. В этом случае вместе с БТР отправлялся «Урал» – наливник для заправки. На месте группа занимала позицию, маскируясь под барханами с помощью натянутой маскировочной сети. Сами одеты в «песочку». На бархан выставлялась «фишка» (наблюдатель) – днем один человек, вечером два. Что-то заметив, они подают сигнал или постукиванием по тангенте (кнопка на выключателе рации) или голосом привычное всем: «К бою!» или «Атас!» Появлению каравана предшествовал головной дозор: на ослике, если караван вьючный или на мотоцикле, если на машинах. Его пропускали. Связисты в это время должны были сообщить на базу: «Вижу караван», – и получить добро на досмотр.

Одно из необходимых условий подобных мероприятий – скоротечность. Во-первых, караван может иметь вооруженную охрану, численно в несколько раз превосходящую засаду, а во-вторых, кто-то все равно убежит и сообщит, что караван попал в засаду. Поэтому сначала следовало подавить огневой мощью: взрывами и пулеметным

огнем. А дальше, смотря по реакции духов: отстреливаются или сдаются. Затем короткими перебежками к каравану направляется досмотровая группа. Производится досмотр. Если необходимо – задержание подозрительных. Отсев, как правило, производится по лицу: сразу видно, это простой человек или бай. Уничтожается, что должно быть уничтожено, например, наркотики, забирается, что необходимо – и быстрее уходить. Духи своих никогда не оставляют. Они обязательно придут на это место: по религиозному обычаю погибших следовало похоронить до захода солнца.

Свой первый выход совершил сразу, как только прошел курс молодого бойца в Лашкар-гахе. Командиром группы был капитан Дымов, имевший репутацию везунчика и хорошие результаты операции. В засаду отправлялись на вертушке. Находились там примерно полтора суток. Караван был вьючный. Результат первого выхода: 25 стволов, боеприпасы, деньги.

Бывали засады до недели. Самая большая – до месяца. Здесь большую роль играет наличие воды. Ее необходимо до трех литров на человека в сутки. В длительные засады брали большие емкости. Иногда брали воду из местных колодцев. Для этого имелись специальные обеззараживающие таблетки – пантоцид и специальные трубки с фильтром. Был случай, когда у солдата, дембеля, за двое суток без воды помутился рассудок.

За полтора года службы потери роты составили два человека. Во многом это объясняется умелыми действиями наших командиров. Мои командиры – это люди с большой буквы, элита спецназа, специалисты высокого класса. Они берегли личный состав. Для них это был вопрос чести и личного престижа. За каждую потерю было жесткое разбирательство. Случиться же

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

могло всякое. Однажды ехали на засаду и сами же подорвались на mine. Это была итальянская мина, у нее пластмассовый корпус, и ее не берет миноискатель. Погиб один человек.

Во время одной операции группа была обстреляна: духи оказались очень опытными. стали обходить группу с тыла. Мне пришлось с ДШК прикрыть группу. Группа рассредоточилась и выполнила боевую задачу. За это награжден орденом Красной Звезды.

В августе 1988 года наша рота прикрывала вывод войск западного направления: Кандагар–Фарах–Герат–Шинданд. В Шиндандт сдали технику, оружие и на самолете в Союз. Остаток службы проходил в Баку, в поселке Хырдолан. В это время там имели место националистические выступления. Немного помогали МВД.

Служба в Афганистане – один из самых ярких моментов в моей жизни. Вспоминаю о нем с грустью и печалью.

Комаров Евгений:

«Афганистан даже пахнет по-другому»

Комаров Евгений Анатольевич родился 4 марта 1969 года, в городе Кушве Свердловской области. До армии учился в училище № 44 по профессии «машинист проходческих и очистных машин». Образование среднее. В Советскую Армию призван 3 мая 1987 года.

Службу проходил в Литве в учебном полку ВДВ в Гайжюнае, по специальности командир отделения. К службе в Афганистане готовили с первого дня в учебке. Очень много стреляли из всех видов оружия: пистолет, гранатомет, пулемет, БМП (боевая машина пехоты). Наш взвод был ночным, поэтому стрельбы проходили в основном ночью. Бегом до стрельбища, отстрелялись и

офицер и спросил, смогу ли я сделать подъем переворотом на перекладине. Я сказал, что могу, и сделал шесть раз. Он взял мой военный билет. Так я и попал во 2-й «Афганский» батальон.

После учебного подразделения нас погрузили в самолеты, и по воздуху мы прибыли в Фергану, там около двух часов были на аэродроме. Дальше самолетом в Кабул. Снижались над Кабулом кругами по спирали. В хвостовой части Ил-76-го есть иллюминатор, и мы пытались увидеть город через него, но было темно, и я, например, не увидел ничего. Страшно то, что нас могут сбить ПЗРК «Стингер». Нам уже рассказали, что это такое.

После посадки построили в колонну по три и повели в полк. Первые ощущения на афганской земле – это незнакомый запах, который исходил от земли и пыли. Еще в учебке мы сдружились с Володей Шаринкиным и решили не расставаться и в войсках. Нас привели в клуб полка, там мы и провели ночь. На следующее утро нас стали отправлять по полкам. К этому времени нам сказали, что 350-й полк самый боевой и, конечно, мы все хотели попасть туда. В итоге мы с Володей попали в 350-й полк во 2-й батальон в одну роту, но в разные взводы. Он стал командиром отделения во 2-ом взводе, а я командиром отделения в 3-м взводе.

Второй батальон являлся боевым подразделением. Задачи, которые мы выполняли – это сопровождение колонн. На боевые ходили в основном на Гардез и Газни. Но самая запоминающаяся операция была по разблокированию города Хост, который находился в блокаде. Туда вела одна единственная дорога. После двух недель курса молодого бойца мы с Володей прибыли в парашютно-десантную роту.

бегом назад, в полном снаряжении, в бронежилетах, касках и т.д. Были занятия по тактике, политзанятия, служба в нарядах. Когда нас привезли в Гайжюнай, на сборном пункте ко мне подошел

А еще через неделю пошли на боевую операцию, по разблокированию города Хост. Это была операция всей 40-й Армии, которая находилась в Афгане. Наша задача состояла в том, чтобы подняться в горы и выставить блоки. Это делалось для того, чтобы духи не удирали с гор по дороге. И так делалось постоянно. Дорога была заминирована, и на ее разминирование уходило много времени. Душманы обстреливали нас из РСов, минометов и безоткаток. В бои с применением стрелкового оружия мы не вступали. Перед тем, как подняться на гору, ее обрабатывала наша артиллерия и только после этого мы шли. Броня оставалась у подножья – это наши БМП, в каждом взводе было по две машины. Идти в гору было очень тяжело. С собой брали буквально все: воду, дрова, боеприпасы, сухпайки, ракетницы и т. д., в итоге выходило 45–50 кг. В гору шли очень тихо, ведь с таким грузом не побежишь. Горы, так же как и дорога, были заминированы. Кишлаки были пусты, все население ушло в Пакистан. Там жили в основном племена пуштунов. Раз в неделю ходили на броню в баню. Собиралась палатка,

нагревалась вода, и мы мылись. Находили склады с оружием, очень много реактивных снарядов РС. Были склады с продовольствием. Хотя в горах условия не как в полку, но мы также брились, подшивали подворотнички и т. д. Бытовые условия были сносные. Каждому взводу придавался еще расчеты АГС или минометчики. АГС – автоматический гранатомет с 17 мм гранатами.

Операция «Хост» длилась около двух месяцев. В середине января мы были в полку, а ушли в середине ноября. В полку по воскресеньям ходили в клуб на просмотр фильмов. С местным населением контакты были, в основном, менялись на всякие безделушки, брелки т. п. Афганские ребята к тому времени неплохо уже разговаривали по-русски, а мы изъяснялись знаками и некоторыми словами.

В январе 1989 года нас самолетами, а частью на броне, вывели под Витебск, в город Боровуха. Там я дослуживал и там же получил награду «За боевые заслуги». 4 мая 1989 г. нас 400 человек погрузили на машины и отвезли на вокзал. 6 мая 1989 года я был уже дома.

Макаровец Олег:

«Мы обеспечивали вывод»

Родился 20 мая 1968 года в Качканаре. Закончил 10 классов, поступил в училище на помощника машиниста, но не успел закончить: в 1986 году был призван в армию. После службы закончил училище, работал помощником машиниста, был сотрудником службы безопасности комбината. В настоящее время работает в ЖДЦ ПС.

Мысль, что возможно попаду в Афганистан, нисколько не угнетала, думалось, лишь бы не в Морфлот. Попал в пограничные войска на Дальний Восток. Полгода послужил на границе с Китаем, там обстановка была поспокойней, но все равно эта граница считалась такой же сложной, как с капиталистической страной. Так и говорили: граница с капиталистическими странами и Китаем.

Потом – Афганистан. Звание – рядовой, выше как-то не пошло, хотя возглавлял боевые группы. Зона ответственности – от хребта до нашей южной границы. Многие не понимают этого: «А где ты на границе был?» Именно в Афганистане, стык границ с Советским союзом и Ираном, провинция Герат. Ведь с их территории границу никто не охранял. Не будь там нас, наша территория постоянно обстреливалась бы из РСов и безоткатных

орудий. Хотя и так, бывало, обстреливали, когда прозеваешь. Зона ответственности была очень большая. Одна из задач – контроль. Была база, одна боевая группа уходит – ищет. Бывало, еще не вернется – уже уходила другая. День, два посидел – снова прыгнул в БТР. Считаю, вся служба в

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

БТРе. У местных много было японских машин. В принципе, достаточно было двух человек, чтобы подъехать на «Ниссане» и обстрелять наши города. Тут даже не надо большой группе собираться. Старались этого не допускать.

Были мобильные группы, и пешком ходили на какие-нибудь переговоры. Были там у афганцев авторитеты большие. Операция какая-то проводится, ДШБ работает, и нас забирают – работаем вместе. Был там такой Мамат-Хан.

По-моему, если не путаю, собрал он тысячи две народу себе в банду. Пошли на переговоры узнать его настроя. БТРы в одну сторону, сами пешком. Там ведь у духов связь отлично была налажена. Сидит на сопке, овец пасет, только сунулся кто туда – он костерчик поджиг. Да и рации были. Поэтому мы пешком тихонечко в другую от БТРов сторону. Тащили много на себе. Нужно было забраться на господствующую сопку. Взобрались, окопались, потом только они нас заметили, но условия уже диктовать не могли. Ну и нормально.

Наша служба в Афганистане по времени совпала с выводом, поэтому нас оставили, чтобы обеспечить вывод войск и чтобы молодежь не призывать. Самый ответственный момент, а на замену нам приходит молодежь необстрелянная. Зачем лишние жертвы? Вот нас и оставили, чтобы провести достойно вывод. Конечно, обидно

погибнуть, когда ты уже должен быть дома.

Вывод – это армейская операция. Мы обеспечивали его, даже самолетный коридор держали. Там была стратегически важная точка – Маймене, там еще, по-моему, керосин качали. Через него шел наземный выход. Духи окружили все. Это еще осень была. Последние полгода мы вообще не слезили с колес. Собрали несколько групп. В тех местах такой своеобразный рельеф: вода стекает с гор, образуются долины. Там было две таких долины, они ведут фактически к одному месту. Выстроились все и пошли

в одну долину – дальнюю. Прошли сколько-то до места, где можно развернуться. Мы разворачиваемся – и в другую сторону, то есть чтобы сбить душманов с толку. Шли с боями, через какой-то промежуток оставляли группу: пошли, вычистили кишлак, оставили на высоте группу, опять пошли, опять сопротивление, подавили его. Группы стояли друг от дружки буквально в зоне види-

мости. В долине как таковой дороги нет – пересохшее русло реки, очень много техники выходило по этому руслу. Нас даже не видели. Я уверен, что многие даже не знали о нашем существовании – идут себе и идут тихо, мирно, никто не стреляет. Также идет в этом месте коридор для транспортной авиации. По времени это продолжалось с осени 1988 года по февраль 1989: до последнего

дня мы тут и стояли, удерживали. Операция шла не один день.

Как только встали – окопались. Это непреложный закон. По молодости, как-то поехали, где-то в зеленке встали, старики говорят: «Давай окопаемся, потом поедим» – «Да ну, жрать охота, сначала поедим». И вдруг РСы полетели, свист такой. Ямка маленькая – как туда только поместился, кто знает? Поэтому встал, окопался.

Ночь где-то проехали вдоль границы. День нам еще дали. Грубо говоря, 16-го я вышел, 17-го был в отряде, 18-го улетел, 20-го был дома.

Память об Афганистане – болезни, контузия. Говорят, желтуха – болезнь грязных рук, а получалось, что это болезнь чистых рук. Зараза-то в воде. Вода заражена. Руки помыл, потом этими руками поел, а это еще бациллы. Попал в госпиталь в Ашхабад. Недели две под капельницей лежал.

Зимовать давай, привезли дрова. Землянки вырыли, чтобы самим как-то прикрыться. Невдалеке был кишлак, дальше кладбище, там колодец. За водой к нему ездили. Покушать – сухпай. В сковородку банку тушенки, две банки каши, смешал, разогрел, лучку туда – блюдо готово. Картошки не было. Зато было поле арбузов. Арбузов поели. Арбуз пополам – и поел, и попил. У меня есть записная книжка, я вел типа дневника: «Кончился сахар» и т. д. Как в фильме – хлеба нет, делим.

15 февраля, ближе к вечеру, когда все, видимо, вышли, дали и нам команду – снимаемся. Вещей фактически не было, сели на БТР и поехали. Вышли спокойно, без выстрелов, уже намного позже, как Громов перешел мост. А последние наши группы, наверняка, еще позднее. Лично я вышел в ночь с 15 на 16 февраля 1989 года. На стыке двух застав открываются ворота – мы выехали. Много войск вышло, поэтому нужно было быстрее отправлять людей от нашей границы по всем направлениям любыми транспортными средствами. Только-только вышли, я еще автомат только бросил, прибежал замполит: «Ребята, три направления: Минск, Москва, Казань». Я думаю, ну, поехали на Казань, там рядом. Все побросали. Какой там дембель, у нас ничего не было в таких условиях. Поехали в отряд, который базируется на территории Советского Союза, в Туркмении, Тахта-Базар.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Из дневника О. Макаровец:

1 января 1989 года, 801 день службы.

Вот и все, прошел дембельский год. Настает, вернее, уже настал, еще один дембель. Началось одностороннее прекращение огня. Что оно нам принесет, не знаю. Им виднее. Третий Новый год в армии.

3 января... 803 день службы

Целый день идет дождь, а снег все равно еще кое-где лежит. Вспоминается колхоз, такая же грязь – пашня во время дождя.

После идеальной расслабухи опять, уже второй день нет сахара (ладно, хоть соль привезли).

Сегодня должны были улететь первые «ласточки». Четверо братьев уволятся. Но из-за дождя не улетели. Ручники – уволить толком не могут. Тоска...

4 января... 804 день службы

Целый день идет снег.

Картофан кончился, почти весь день ничего не ели. Сейчас иду на службу. Духом никто не подает: привыкли. Смеемся, шутим – иначе нельзя.

Двое лежат с температурой: по признакам малярия.

5 января... 805 день службы

Наконец-то восстановилась погода и прилетели борты. Живем. Но ребята так и не улетели (борты керкинские)

«Прекращение огня» так ничего не дало.

6 января... 806 день службы

Слава всем богам. Борты с «Парижа» – письма, посылки. Дембеля улетели. Эх, черт возьми...

Этот дурдом уже вот тут вот.

9 января... 810 день службы

Ну, вот и сахар привезли. А новости не радуют. С выводом ничего не понятно.

Кончились батарейки. Газеты есть, но прошлогодние.

Духи опять начали постреливать. По посту дали очередь. Ну, и на этот раз меня пронесло.

10 января... 812 день службы

Начали подготовку к выводу.

Бензину осталось 800 литров !!!

18 января... 818

Началась эпидемия желтухи.

С выводом кое-что проясняется, приятные новости.

Духи маленько пошаливали. Всю ночь с 17 на 18 крутились на сопках, но не подошли. Да и не смогли: большая плотность огня. Патроны не жалели.

Такой погоды я еще нигде не встречал. Южная сторона сопки зеленая от травы и идет снег. Это в январе месяце.

26 января... 827

Все спокойно. Может, духи «проводины» готовы? С выводом опять новые новости. 10–12. Обещают таможню. Привезли знамя.

28 января... 828

Продукты на исходе. Сегодня даже не ужинали. Живем обедом. Ровно месяц до всей развязки. Может, меньше...

29 января... 829

Никогда не думал, что придется и мне это пережить – читал в книгах, видел в кинофильмах. Делили хлеб до кусков меньше спичечного коробка. Один отворачивается, и начинается дележ. Как мало все-таки нужно человеку для счастья... Никогда не забуду. Успокаивает, что немного осталось.

1 февраля... 832

Наконец, прилетели борты. Привезли почту, посылки. У нас есть сало. Сало! Сало – это жизнь. Можно жить.

Наши «самовары» хорошо поработали. Попытки духов залезть на сопки потерпели полное фиаско. Ждем выхода. Перешли на усиленную. Дров нет, угля тоже. Начали жечь землянку.

5 февраля... 836

Пришлось одну землянку разобрать на дрова. А иначе монтана. Разобрали и погрузили «баню». Все-таки духи готовят нам проводины (по данным разведки). У нас пока спокойно.

Федечкин Владимир:

«Амударья — река вредная»

Родился 11 сентября 1968 года. Место рождения: Пензенская область, Земетченский район, село Пашково, деревня Давыдовка. Отец служил сверхсрочно, поэтому семья переезжала — сначала в Подмоскowie, село Чулки-Соколово, а потом — в Качканар.

В 1983 году закончил 8 классов в школе № 4, после чего в СПТУ № 87 получил специальность «слесарь — сборщик радиоаппаратуры». В 1986–1988 годах служил в Вооруженных силах. После увольнения в запас работал в милиции. В настоящее время трудится на Качканарской ТЭЦ связистом.

В октябре 1986 года призван в армию, на Дальний Восток, в пограничные войска, в бригаду морчасти погранвойск. Примерно полтора месяца находились в карантине в Казакевичах (окраина Хабаровска). Затем встал вопрос: где служить три года — в «тигрятнике» (морская пехота) или в плавсоставе. Выбрал второе. Набор был в коки (повара). Ну и ладно, пусть в коки, зато в плавании, а не на берегу. Проучился в окружной школе поваров до весны следующего года.

В 1986 – 1987 годах стали появляться наметки к выводу войск. Для укрепления границы из Дальневосточных бригад морских пограничников стали формировать отдельную бригаду на Среднюю Азию, нести службу по Амударье и Пянджу. До этого там ходили просто катера «Аисты». А наши сторожевые корабли ПСКР имели водоизмещение 100 тонн, длину 27 метров и осадку всего один метр, поэтому спокойно могли ходить по рекам. При всем при том имели очень серьезное вооружение: 76-мм пушки, реактивную установку БМ-14-17 (14 стволов, 140 мм снаряды), двухствольную зенитно-артиллерийскую установку 243М (25 мм калибр) и 4 гранатомета АГС. Помимо этого всякого разного остального переносного, типа «Стрелы», пулеметы и все остальное. Это был самый вооруженный из пограничных кораблей и способный ходить по рекам.

Бригаду собрали на Дальнем Востоке, пригнали нас в Хабаровск на переделку. В Амударье вода взвешенная, там очень много идет песка. Обычные корабли — у них кингстоны стоят, система охлаждения, промываются водой. А тут песок гольный. Змеевики на борту вывели, трубы для охлаждения двигателей. И вот мы в Хабаровске месяца два простояли, пока нам эти змеевики приварили. И потом месяца три эти корабли перегоняли железной дорогой. Тогда, я еще помню, вопрос стоял с платформами — их искали по все-

му Советскому Союзу. Остальные экипажи улетели самолетом, а наш вместе с кораблями двигался по железной дороге.

Где-то в октябре 1987 года прибыли в Термез. В ноябре спустились, собрались: корабли везли в разобранном виде — что снималось, было снято. И уже в декабре вышли на первый приказ — на несение службы на границу.

Впечатлений было очень много. С одной стороны Узбекистан (я его тоже никогда не видел), с другой — Афганистан, чужая страна. Все было интересно. По берегу стоят пограничные заставы, мы вышли на 5 заставу, там город был еще при

Александре Македонском — остатки крепости, под ними и стояли. За этот поход наш командир старший лейтенант Бондаренко был награжден орденом Красного Знамени, боцман — медалью «За боевые заслуги», зема мой с Каменска получил медаль «За отличие в охране государственной границы», я — знак «Отличия погранвойск 2-й степени».

А что произошло? Я не очень понимал по малолетству. Высаживали мы ГРУшников. Посмотришь на них — такие дядьки бородатые лет по 25–30. Высадили, но они, судя по всему, недалеко ушли и, похоже, сходу нарвались. Вернулись обратно, мы их прикрывали. Потом они ушли вдоль берега.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Так как пограничники – войска госбезопасности, мы часто работали с ГРУшниками. Постоянно высаживали их на ту сторону, участвовали в сопровождении. У них были свои планы, дела и пути возвращения. Нас в это не посвящали, мы несли свою службу.

У нас было шесть кораблей, это два звена. В течение месяца одно звено несет службу на Амударье. Потом их меняет другое звено. Базировались в Термезе. Операции происходили по большей части в сторону Кундуза – по Амударье вверх по течению. Были и сухопутные операции.

Это был 1988 год, в принципе, было достаточно спокойно. С той стороны 150 километровую зону наши пограничники прикрывали. Но под обстрелы все равно попадали. Идет корабль, а у него прицепом два «Аиста». Они дюралевые: из пулемета дадут по нему очередь – он как решето становится, еле доходит. Вышки на нашей стороне были километров через 15 – 20, на той стороне были посты, а вышек не было. В провинции Кундуз местность гористая и лесистая – там вообще бесполезно. А в Тигровой Балке – это где сливается Вахш и Пяндж – там вообще посты были только с нашей стороны. В этом месте постоянно и обстреливали. Нам сразу сказали: потонет корабль – вы переходите в морскую пехоту.

На огонь отвечали огнем. А могли и сами по приказу нанести удар: квадрат выдадут и огонь! Я ведь не только был кок, но и комендор. Моя установка – 2НЗМ, в первой смене я был заряжающим, во второй – стреляющий. Очень плохим было ощущение, когда своя граната от АГС под задницей разорвалась. А он такой: если граната не срабатывала, он ее выкидывает сюда же. Граната выпала, скатилась вниз в моторное отделение и разорвалась. Благо, что за гранатометом сиденье металлическое. Корабль повреждений не получил – по днищу он бронированный. Я получил ранение и контузию.

Немаловажными считаю свои обязанности кока. Особенно при тех болячках, которые там

вылазят. Главная здесь задача – сделать так, чтобы экипаж был сытый. А экипаж был 2 офицера и 12 матросов. Покушать надо было приготовить четыре раза в сутки. Кухня (камбуз) – помещение внизу, размером 1,5 – 2 м. Там плита электрическая, с одной стороны – холодильник, с другой – кладовка, стол разделочный, посуда. В холодильнике – мясо, в кладовке сухие продукты. Меню было таким. На завтрак – каша с маслом и чай. Обед: на первое – суп, чаще борщ – я спец по борщам, да и в экипаже почему-то были в основном хохлы; на второе – мясное блюдо. Мяса с собой брали, сколько нахапаем, лишь бы холодильник держал, но холодильник часто выходит из строя из-за неимоверной жары. На ужин – каша или блюдо из картошки. Картошка там была всякая, я раньше никогда такой не видел: маринованная в банках, сухая, порезанная брусочками, крупка, которая шла на пюре.... В выходные дни плюс по два яйца. Во время несения службы ловили сомов – здоровенных, на полтора метра. Из них получались вкусные котлеты, вкуснее даже, чем из свинины. Иногда получали по шее за такую рыбалку, но лучше быть сытым и получить по шее...

Но иногда жрали и чаек. Идешь на приказ на месяц, продукты берешь на полтора. Но Амударья река вредная. Когда попадает период перехода с лета на зиму, уровень воды резко падает и уже ни туда и ни сюда. Бывало и по три месяца стояли – смениться нельзя было. Съездим на заставу – и у них кроме пшена ничего нет. Давай птицу долбить. Нутрии были – и их ели. Где-то в районе мая там сезон дождей. В это время на побережье вылазит травка, появляются кролики и фазаны – и их тоже долбили. То есть активно использовали подножный корм. На дни рождения делали торты.

Праздники бывали – день ВМФ, день Нептуна. Весело было. Помню, даже командира за борт выбрасывали, злой был.

В июле 1988 года приезжала съемочная группа передачи «Служу Советскому Союзу». Они на нашем корабле ходили. Бронежилеты на них одели, каски. Потом показывали им места – очень красивые. Например, Орлиная сопка – первая гора от Пянджа. В закате солнца она становится красной.

Незадолго до вывода получил 1-ю степень «Отличник погранвойск». Во время вывода охраняли мост на Хайратон, по которому выходили войска и сам командарм Громов. У меня есть фотография командарма в этот момент.

Уволился из армии в конце ноября 1989 года. Армия многому научила. Прошло уже более пятнадцати лет, как реликвию храню свой дембельский альбом, в котором три года моей службы, почти два которой – на границе с Афганистаном, на сторожевом корабле № 035.

Хан Олег:

«Афганистан — долг перед Родиной»

Олег Анатольевич Хан родился в городе Карпинске Свердловской области в 1967 году. В 1982 году закончил 8 классов средней школы № 6 и поступил в Карпинский горно-металлургический техникум по специальности «Горный электромеханик». После окончания работал по распределению в г. Еманжельинске Челябинской области, откуда и был призван в конце октября 1986 г. в ряды Вооруженных сил СССР. После армии работает электромехаником на Главном карьере Качканарского ГОКа.

Об Афганистане до призыва в Армию знал из рассказов ребят, уже отслуживших, а также из сообщений о горячих точках по телевидению.

Первые полгода проходил службу в учебной части Кишинского полка г. Ашхабада в разведроте. С самого начала было известно, что после учебной части многие пойдут в Афганистан и готовились к этому, изучая новейшее вооружение и тактику боя в горах. В мае 1987 года нашу команду расформировали по разным местам. Нас перебросили через границу, которая проходит по реке Амударья близ города Термеза, по мосту на бронетранспортерах.

Первые впечатления: мы как будто попали в другой мир, нас окружала пустыня — сплошные пески и верблюжья колючка. В свое подразделение я попал не сразу, сначала две недели был в карантине, где познакомился с новыми друзьями, земляками, которые уже отслужили по полгода в Афганистане. Они помогали не скучать в трудные минуты и осваиваться с новыми условиями жизни. От тоски по дому спасали песни под гитару. После карантина нас вновь разделили и развезли на «вертушках» по разным точкам.

Свою службу я продолжил в Шибиргане, который находилась в 70-ти километрах от границы с Союзом. Там я познакомился с новыми товарищами по службе. Ребята были из разных мест: Ленинграда, Камчатки, Молдовы и Таджикиста-

на. Наш военный городок размещался недалеко от города Мазари-Шариф, на территории которого было три землянки для личного состава, два вагончика для офицеров, столовая, автопарк и зеленые насаждения. В отличие от других точек, где была только привезенная вода, у нас была постоянно проточная вода. Этот рай назывался Джак-Кудук, что означает «чистая вода». Рядом с батальоном в Зеленой зоне стояли вагончики рабочих из Союза. Наши специалисты работали на газовом заводе, обучая афганцев. Наша основная задача заключалась в охране завода и рабочих. Также наш батальон участвовал в операциях в составе полка, занимая определенные территории, высоты, окружали кишлаки, которые штурмовались десантными войсками. Когда не было

специальных операций, выездов в засады, обязательно проводились политзанятия.

В разведзвезде я был первым номером расчета АГС-17 (автоматический гранатомет станковый), как и все отвечал за исправность и безотказную работу закрепленного боевого оружия, поэтому много времени проводил за его чисткой. Мы постоянно поддерживали

физическую форму спортом и закалкой. Питание было разнообразным, хотя в основном состояло из рыбных консервов и каш из мелких круп. Сухие пайки делили и берегли только на задание. На снабжение не жаловались, хотя всяко бывало. Подстригали друг друга, в баню ходили в городок «Специалистов», где даже был Дворец культуры, магазины, прачечная, хлебопекарня и большой бассейн. В полевых условиях такого не было.

В контакты с местным населением вступать нам запрещалось. Однажды наш БТР при разво-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

роте на тесных улицах Мазари-Шарифа сбил повозку с афганским мальчиком лет семи. Малыш умер, не приходя в сознание, а его отец потребовал выкуп. Для нас это было дико и непонятно, что за несколько мешков муки и ящиков тушенки можно откупиться, и при этом отец ребенка нам дружески улыбался. Невозможно понять народ Афганистана с его обычаями и законами за два года службы.

Тактика моджахедов, в основном, состояла из одиночных выстрелов реактивными снарядами или обстрелов из засад в горах и ущельях. У нас говорили: «Духи» днем с мотыгой, а ночью с карабином».

Во время операций наши войска, получив разведданные, отрезали отходы боевиков плотным обстрелом из крупнокалиберного оружия, а затем уже ребята из ДШБ на вертолетах десантировались и заканчивали операции, уничтожая или захватывая в плен отряды моджахедов.

Были потери. Погиб друг Александр Сафонов, он служил связистом. В Афганистане отслужил всего полгода, должен был лететь домой к матери, которая осталась одна после смерти мужа. Вместе с Сашкой при взлете вертолета, попав в воздушную яму, погибло еще десять человек вместе с экипажем. За вертолеткой в овраге горели тела еще живых людей, но спасти никого не удалось, хотя через три минуты весь взвод был уже с носилками на месте.

Письма на родину и обратно шли месяцами. Почта отправлялась на вертолетах. Однажды мы ухитрились послать домой звуковые письма, записав свои голоса на аудиокассету, разрезав ее на кусочки по три минуты. Наматывали на открытки и запечатывали в конверты. Мое письмо дошло, и родные стали меньше волноваться за мое благополучное возвращение. Дембельских альбомов мы не оформляли, просто были записные книжки с адресами сослуживцев. Фотографии пересылались в почтовых конвертах, многие не дошли.

В январе 1989 года наш взвод принимал участие в боевой операции на перевале Саланг.

Капитан Переяслов С.В., наш взводный, сам из города Грозный, объяснил поставленную задачу: «Занять позицию и закрепиться на вершине горы «Зюнар», для наблюдения за дорогой и ущельем». Большая часть взвода оставалась в нижнем лагере у бронемашин. Наверх поднимались медленно за сапером Лехой из Н.Тагила, затем снайпер Олег Аляксин из Пензы и радист Старшинов из Орла, потом несли мины световые и боевые отделения минометчиков. Я тащил свой гранатомет АГС-17, В расчете у меня два человека: Пырых Серега и Николаев Колька, оба из Самары, и еще 6 автоматчиков.

На полпути стало ясно, что до вечера не успеем разбить лагерь на вершине, потому что не рассчитали силы и взяли много груза. Тогда, Серега - молодой капитан, принял решение оставить двух бойцов, Володю Петренко и Васильева Алексея, охранять тяжелые боеприпасы. Остальные по команде «Вперед!!!» двинулись дальше. Только через 3 часа мы вернулись забрать оставшееся продовольствие и двух наших ребят, которые к тому времени хорошо обложились камнями и наготове держали красные сигнальные ракеты, как сигнал тревоги.

В общем, задача была выполнена, мы благополучно добрались, и каждые полчаса запускали в ночное небо световую мину, освещающую все вокруг.

Еще неоднократно спускались и поднимались, чтобы пополнить боекомплект и провизию, а также раз в неделю помыться в баньке, в соседнем отряде. Утром умывались на вершине растопленным на костре снегом, котелком горячей воды на двоих.

Однажды в нижнем лагере нас посещали корреспонденты с видеокамерой, обещали показать на 1 канале. В то время много транслировали про вывод войск. Конечно, хотелось, чтобы нас увидели родные и близкие, ждавшие дома.

Демобилизован был в феврале 1989 года. Особых наград не имею. Есть, как и у всех медаль «От благодарного афганского народа» и медаль «Воину-интернационалисту».

Служба в Афганистане для меня была долгом перед Родиной, который многие ребята выполняли с честью. Тяжело думать о тех, кто не вернулся. После прибытия в Союз два года переписывались с Айткуловым Д. из Джамбула, Васильевым А. из Ленинграда, Петренко В. из Днепропетровска и Морозовым А. из города Лида Гродненской области.

В настоящее время у меня семья: замечательная жена и сын. А самое главное – есть хорошие друзья.

Шарипов Мансур:

«Мы поддерживали в исправности авиационную технику»

Мансур Хабибуллович Шарипов родился 1 сентября 1960 года в Качканаре. В 1977 году окончил школу № 4. В 70–80 годы очень многие выпускники этого учебного заведения выбирали военную профессию. Одним из них был Мансур: он поступил в Иркутское высшее военное авиационное училище, которое закончил в 1982 году. Служил в Дальневосточном военном округе в вертолетном полку (поселок Магдагачи Амурской области).

В настоящее время – заместитель управляющего поселка Валериановска.

Служившим в Афганистане или других горячих точках хорошо известно, что такое «вертушка», майор авиации Шарипов М.Х. это знает отлично: 13 лет его военной биографии связаны с вертолетами. Из них 13 месяцев в Афганистане. После Афганистана – служба все в том же Магдагачи, с 1992 года – в должности инженера полка. Последний год своей военной биографии дослуживал в Башкортостане, в Уфимском Высшем военном авиационном училище в должности инженера инженерно-авиационной службы. 20 июня уволен в запас по организационно-штатным мероприятиям (сокращение полка).

Нет возможности перечислить в деталях все, что должен делать инженер авиационной службы. Но в конечном итоге это сводится к одному: поддержание в исправности авиационной техники, обеспечивая тем самым гарантии безаварийной работы. Состояние боеготовности полка всегда должно быть высоким: недалеко была граница с Китаем, отношение с которым на тот период не были должным образом урегулированы. Поэтому боевая подготовка полка была на высоком уровне. Не реже двух раз в месяц объявлялась тревога. А план налета полка при комплексе всех мероприятий составлял более 5 тысяч часов.

Активное участие полк принял и в Афганской войне. Наши вертолеты там много потрудились и отлично зарекомендовали себя в природно-климатических условиях Афганистана. Транспортный МИ-6 зачастую был единственным средством доставки грузов. При необходимости в нем мог поместиться целый автомобиль ЗИЛ-157. МИ-8 использовался и как транспортный, и как десантный, и для огневой поддержки. Для этого у него на вооружении было несколько блоков ракет, а внештатно мог устанавливаться и пулемет, прикрывавший заднюю полусферу.

5.07.87–6.08.88 – это мой афганский год, год напряженной работы. Надо ли говорить, что сбить советский военный вертолет – заветное желание моджахедов. В принципе это сделать несложно, если вертолет идет на небольшой высоте. Ведь маршрут – это та же дорога, только воздушная. Сиди со «Стингером» и жди. Примерно при таких обстоятельствах погиб мой друг – Витя Теселкин. В условиях низкой облачности наши вертолеты шли на высоте 600 метров. Их ждали. Первый пропустили, по второму выпустили ракету. К слову сказать, и сами душманы не ушли от возмездия. Пока они мародерствовали над погибшими вертолетчиками, другой наш вертолет со второго захода расстрелял их.

Потерь у нас практически не было. Транспортные вертолеты работали на большой высоте, 3900–4000 метров, и ночью. Кроме тех редких случаев, когда вмешивались непредвиденные обстоятельства. Как, например, трагедия 12 августа 1987 года. В этот день на аэродром нашей части в

Кандагаре, не сумев приземлиться, рухнул и взорвался самолет Ан-12, на борту которого было 5 тонн бомб. Мощный взрыв накрыл большую площадь, были человеческие жертвы.

В Афганистане у меня было два места службы. Сначала на самом юге страны, провинция Кандагар. Работали на Лашкаргах, где располагался

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

крупный гарнизон советских войск. Перевозили питание и боеприпасы. Была еще такая необычная операция – от границы с Пакистаном перевозили белуджей, как известно, воинственное племя, зачем с какой целью – до конца неясно. Вроде

бы, имелись политические намерения создать государственное образование – Белуджистан. По тридцать человек, включая женщин и детей, размещали в вертолете, автоматы при этом у них забирали и складывали в кабину бортмеханика. Старший из них садился с экипажем – так лучше было поддерживать порядок среди беспокойных «пассажиров», к тому же плохо переносивших перелет. В Кандагаре же дислоцировался полк истребительной авиации Афганской правительственной армии, летчики которого летали на наших МИГах.

Весь этот год запомнился как один сплошной понедельник: выходных практически не было. Зато было огромное количество работы. В условиях боевой обстановки многократно возрастала ответственность за безаварийную работу техники. Проблем добавляла колоссальная жара, от которой страдали и люди, и техника, обшивка вертолета нагревалась, как сковорода. Надежность работы нашей техники обеспечивалась самоотверженным трудом инженерно-технического персонала.

В очень редкие свободные дни, обычно совпадавшими с красными днями календаря, проводились первенства гарнизона по футболу. Я был активный их участник, вносил свой вклад в то, что наша эскадрилья, как правило, занимала первое место. Спорт – то небольшое, что скрашивало быт. Почему-то даже газет не было.

Второе место службы – провинция Кундуз, север страны. Здесь была Советская власть, красные

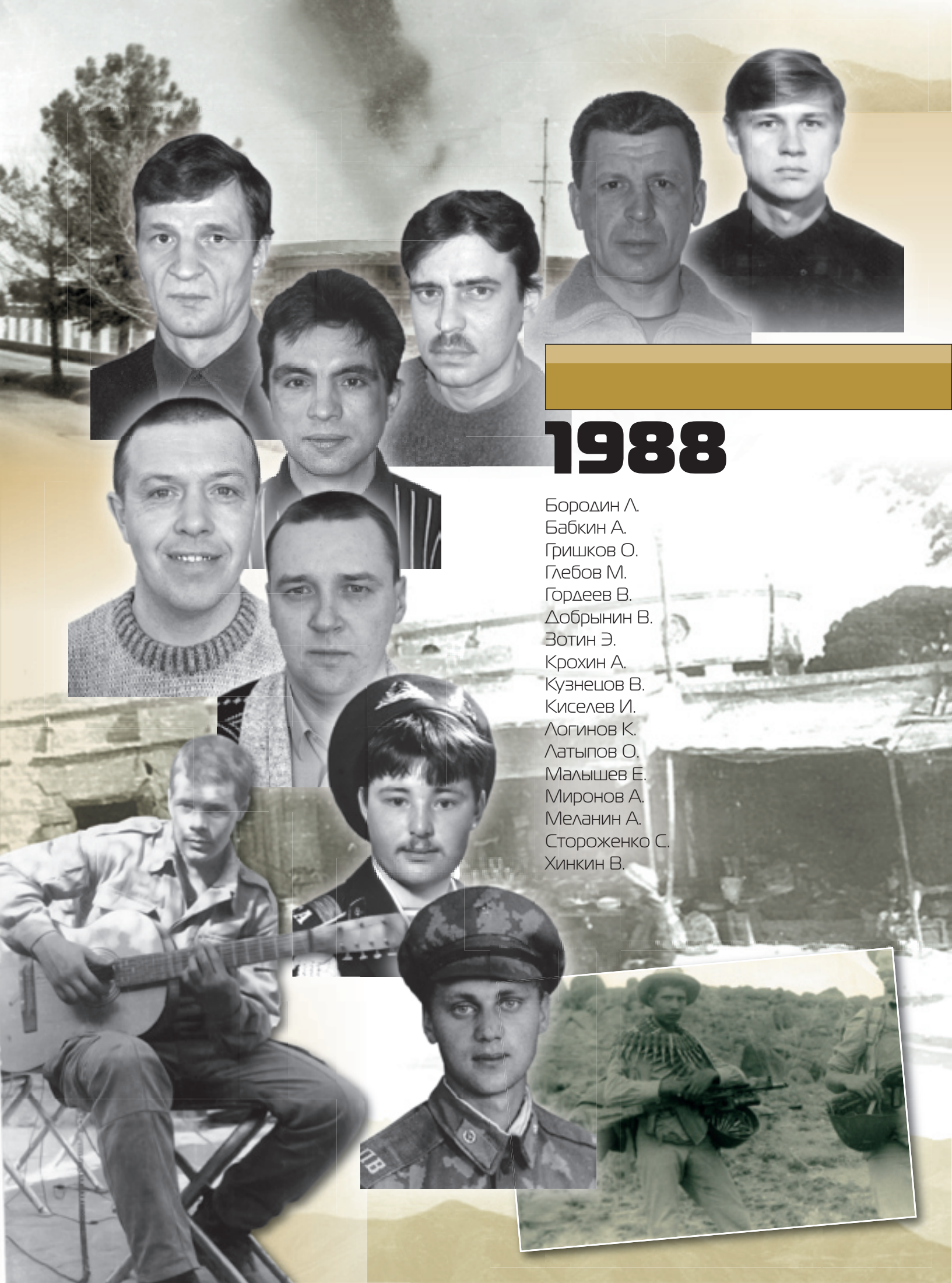
флаги, дети в красных галстуках ходили в школу. Зато работали на Файзабад, который был гнилым местом насчет басмачей. Особенно ярко это проявилось при выводе советских войск из этого места. Вывод наших войск из Файзабада (операция «Памир») планировался

пешим порядком в мае 1988 года. Перед этим авиация провела активное бомбометание по горам, на высотах были выставлены заставы, однако через два дня застав как не бывало. Выхода не получилось. И стоила неудача больших жертв: около 100 трупов наших солдат было отправлено в Кундуз. Оставался один вариант, быстрый и надежный – по воздуху. Перед этим, правда, на некоторых вертолетах срочно пришлось менять двигатели, выработавшие

летный ресурс. Двигатели меняли и обкатывали за три дня. 6.08.1988 года с взлетной полосы Файзабада один за другими взмывают в небо вертолеты. Беспреданно с восьми вечера до часу ночи. Это и был вывод. Курс – на Союз. Короткая передышка в Кокайдах, потом две недели в Кагане, затем перелет в Каунас: там сдали технику. Все. Отныне Афганистан только в прошлом и в памяти.

А память... она в пережитом, в многочисленных товарищах, в фотографиях. В медалях тоже. Одна из них – «За боевые заслуги». Получил ее за конкретный случай, имевший место в мае 1988 года. Вертолет, работавший на Пули-Хумри, совершил вынужденную посадку ночью. Задача стояла найти его и отремонтировать. Как известно, ночь в воздухе – наша, ночь в горах – время моджахедов. Имелся печальный опыт, когда помощь откладывалась до утра, поэтому сильно запаздывала. В лучшем случае удавалось спасти экипаж, вертолет приходилось сжигать. В данном случае этого не произошло. Группа ПСС и экипаж загрузили спецоборудование, нашли потерпевший бедствие вертолет и, проявив выучку, слаженность, буквально за час восстановили его. Была спасена и машина, и люди.

1988

Бородин Л.
Бабкин А.
Гришков О.
Глебов М.
Гордеев В.
Добрынин В.
Зотин Э.
Крохин А.
Кузнецов В.
Киселев И.
Логинов К.
Латыпов О.
Малышев Е.
Миронов А.
Меланин А.
Стороженко С.
Хинкин В.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Бородин Лев:

«Служил в разведке»

Родился 1 ноября 1968 года. Окончил школу № 7 и СПТУ № 87 по специальности газо-электросварщик. В 1987–1988 годах служил в Вооруженных силах. В настоящее время работает в пожарной части г. Качканара.

Когда прилетели в Кабул, все показалось необычным: глиняные постройки – дувалы, башни мечетей... Мы выходили из самолета, а навстречу шел поток дембелей. Колонной пришли в 14 военный городок, который находился около аэропорта на окраине Кабула, рядом с районом, который строили по советским проектам. Обычные 4-х этажные дома радовали взгляд, напоминая о доме.

В городе нас разместили в клубе 350-го полка. Там распределили по подразделениям согласно военной специальности. Я попал в разведроту 350 полка старшим разведчиком. Полк в это время выполнял боевую задачу в Хостовской операции. Пока они не вернулись с боевых, для нас был устроен карантин. Жили в модулях, все удобства находились на улице. Каждую ночь дневальные несли службу около входа в расположение. Передвигались по территории городка с помощью цифрового пароля. При смене караулов называлась цифра, которая являлась суммой. Дневальный останавливает: «Стой! 4». Ответ: «4»

Когда пришел в роту, комсостав тоже не был укомплектован. Но после прихода в роту старшего лейтенанта Исакова рота стала завоевывать авторитет в полку как самое боевое подразделение полка. Он был строгий такой, серьезный.

Служил я во 2-м взводе, которым командовал старший лейтенант Санников.

Рота с промежутком 3–5 дней выезжала для выполнения боевых заданий. Остаться в пол-

ку считалось наказанием. Устраивали засады на караваны с боеприпасами в ущельях, в руслах рек. Ездили на сопровождение автоколонн, военачальников. Еще совсем молодым был. Пошли в горы, нужно было засаду сделать на перевале. Пошли ночью, а ночи темные: луна выходит – даже тень видно. Прошли кишлак, через русло, стали подниматься в гору. С собой брали облегченный вариант: сухпай на три дня, три фляжки с водой, плащ-палатку, боекомплект. Я ходил в расчете «Утеса» – ротного крупнокалиберного пулемета, а это дополнительная нагрузка. Расчет – четыре человека, ствол весил 16 кг, тренога 13 кг, тело 23 кг. Мне приходилось таскать тело и часть боекомплекта. Ленту кинешь через плечо, тело замотаешь в одеяло, чтоб оно сильно не брякало, особенно газовая трубка – и вперед. Рюкзак перед собой на всякий случай, если пуля попадет.

И вот, поднимались змейкой. А на горе была точка. Осветительная ракета пошла. Мы прижались. Попали под обстрел. Здорово нас тогда обстреляли. Отошли, спрятались за уступ. Там связались с заставой – точку накрыли. На заставе были «ноны» и «нюрки» на базе БМП стояли усиленные, навесные минометы.

Как-то сопровождали генерала. По бокам дороги сгоревшие машины, разбитая техника. Только что не каждую веточку осматривали – не дай бог там что. Приехали, довели – даже челюсти болели от напряжения. Туда ехали, а на пути небольшой мост. Мужик навстречу отару гнал, на мост уже стал загонять, а команды останавливаться не было. Задели пару баранов. Обратное ехали через этот кишлак уже по боевой – нас обстреляли, правда, никто не пострадал.

Перед выводом стояли на блокпостах, охраняли участок дороги перед границей. Границу пересекли 13 февраля. Стояли в степи неделю, сдавали технику, вооружение. С Термеза до Витебска на Ил-76, с Витебска на поезде до Полоцка, оттуда на машинах до Боровухи, где и закончил свою службу. Уже в Белоруссии был награжден медалью «За отвагу». Имею еще афганский знак «Воинская доблесть».

По увольнению в запас вернулся домой, долго восстанавливался, привыкая к мирной жизни. Армию практически не вспоминаю, если только с друзьями 2 августа. Хотя Афганистан был ярким событием в моей жизни.

Бабкин Андрей:

«Были успехи и поражение»

Андрей Геннадьевич Бабкин родился 18 сентября 1969 года. Учился ГПТУ-87 по специальности сварщик.

Знал об Афгане от ребят, которые приходили к нам в училище с политинформацией, где в общих чертах рассказали, что там происходит.

Призвали 13 декабря 1987 года, попал в Туркмению, учебная рота огнеметчиков, куда готовят, сказали сразу.

После учебки попали на урегулирование конфликта в Нагорный Карабах, через два месяца отправили в Ташкент, оттуда в Афган. Первые впечатления об этой стране – жара, песок. Попал в провинцию Герат (12-й полк). Через месяц начался вывод в Союз, от вывода отказались, узнав,

что в Шинданде есть отдельная огнеметная рота, где ребята из нашей учебки, тем более со Свердловской области, короче, земляки. Так вот мы все вместе и дослужили до конца вывода.

Участвовал в сопровождении боевых колонн с техникой и продовольствием, в основном на юг страны, провинция Кандагар, где часть наших войск уже вывелась в Союз. Были успехи и поражения. Награды имеются, медаль «За боевые заслуги».

Офицеры, мужики с головой дружили, за что их и уважали, но попадались и бараны. Одним словом, на бумаге все не высказать, да и честно сказать, неохота вспоминать. Вывелись в Союз без потерь, проблемы, правда, были, но все обошлось.

В настоящее время инвалид 2-й группы. Пытаюсь создать крепкую семью, так как все эти годы скатывался по кривой вниз. Хочу сказать спасибо ребятам, которые помогли выкарабкаться из этого (...на). Извиняюсь за краткость, надеюсь, поймете.

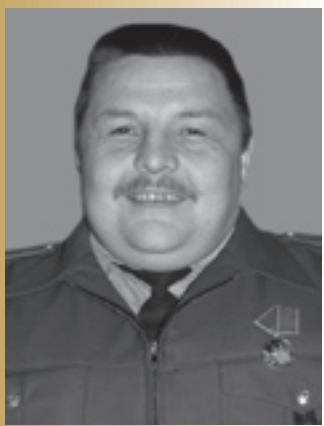
Зотин Эдуард:

«Войска пограничные, а форма общевоинская»

Родился 13 ноября 1969 года в городе Свердловске. В школе № 7 города Качканара окончил 8 классов, в СПТУ № 87 получил профессию «машиниста экскаватора». Перед армией работал на Главном карьере.

21 ноября 1987 года был призван в Вооруженные силы.

После армии работал в АТЦ Качканарского ГОКа. Впоследствии был начальником отдела вневедомственной охраны Качканарского ОВД. В настоящее время – начальник ГИБДД.

Попал в спортроту Дальневосточного пограничного округа (город Сковородино). Занимались спортом и получали специальность «механик-водитель БМП».

Потом как-то спонтанно собрались, погрузились и бах – мы уже Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, застава Ишкашим, близко с границей. Это был май 1988 года.

Еще с учебки у нас был парнишка с Украины – Саша Маленький. Хлопец «гарний», немного ему не хватило, чтоб двойную пайку давали. Здоровенный – кулачище, как два мои. В Ишкашине на

одном участке медведь или козел горный, видно, прошел и собрал на рога сигнализационную систему. Нам приказали эту систему восстановить. Бревна таскали. Саша Маленький бревно на плечо положил, а оно где-то 2,2 м, я и другой солдат качались на этом бревне, как на качелях. Тут старший: «Что за качели?» Саше нет, чтобы сказать: «Спрыгивайте!», – а он нас вместе с бревном скинул на землю, да еще в цемент.

Нам пять таджиков дали. Запомнился один – Ахмедов Рустам. Отслужил с нами один месяц – у него была аллергия на военную форму. Первый и последний раз такой диагноз слышал. Одевает гимнастерку и брюки – на нем пятна появляются, чесаться начинает. Снимет – все нормально. Мы ему: «Научи, как это делать!» Домой его отправили.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

В этом же месяце наша мотоманевренная группа в пределах взвода (5 БМП, 2 «Урала» с продовольствием, 1 БРДМ и 1 УАЗик) двинулась на Файзабад. Там база была: с одной стороны стояли десантники, с другой – пограничники. Но как так пограничники в Афганистане? Нет! Поэтому форма у нас соответственно была общевойсковая. Войска пограничные, а форма общевойсковая.

В Файзабад заезжали ночью. Город больше похож на поселок или деревню: глиняные дома из кизяка. Мы с границы летели, и первая машина въехала в дом – там поворот крутой. Никто не пострадал, видно, это было не в первый раз. Потом пришел их старейшина, или мэр, дескать, замажьте. Искали глину, мастеров. Это оказывается не просто так, а целая технология. Мастер добавлял всего по щепотке: соли, муки, еще чего-то, как будто кашу варит. Руками щупает, к щеке прижимает, по-своему что-то говорит. Сначала даже испугались: какого-то колдуна привели.

Операций больших не было. Наша задача была осуществлять либо помощь, либо защиту, либо контроль. В массовых операциях не участвовали, хотя стрелять приходилось. Периодически рейды вдоль границы в сторону Индии, Пакистана, бывало, заходили в Союз.

Каждый рейд по-своему был характерен. В одно и то же место мы, как правило, не ходили. Мы приходили на пустое место. У нас была палатка. БМП уходит, мы делаем боевое укрепление, связисты у нас с радиолокационными станциями. У

нас только у одних, у пограничников, они и были. Это такая станция, которая на расстоянии улавливает ультразвук, любое движение, колебание. У нас как раз новые РЛС пришли, которые прикреплялись к ПК: только движение – они раз туда очередь. Можешь сидеть, ходить, курить – он сам будет работать, только следи за этим. Мы приходили и каждый раз оборудовали себе место, даже если приходили всего на три дня: палатку ставили или пещеру обживали – уже смотришь, что и как. Три дня отстояли, все это ломается, нас снимают либо в другое место отправляют, либо на базу. А что, почему? – в процессе нам это не объясняли. Хоп – встали. Все. Вот то направление, тот сектор наш. Один сидит с биноклем, другой с РЛС. И вот так чередовались. Снимают – в новое место: вот это наш сектор. Осторожно, вертушки летят. Наши!

Операция большая идет – банду долбят, мы прикрываем, чтобы банда не пошла на границу. Там ведь граница идет, идет и раз – аппендикс. Этот аппендикс был наш. Там Индия, Пакистан. У Пакистана тоже были пограничники, но мы с ними, естественно, не общались. У нас ведь особые отделы были, да и пограничные войска – это войска КГБ. Поэтому лишнего не скажи, так не

смотри. Говорят, среди нас переодетые офицеры были, особисты: слушали, нюхали. Мы не шли одной группой – нас сливали.

Пища.... Кормили, конечно. Кильку, например, мы называли «красной рыбой». Вот килька, тушенка, сгущенка. Пекарни там не было, поэтому ели сухари – либо белого, либо черного хлеба.

До сих пор помню вкус сушеного картофеля. 5-литровая банка, открываешь – там ярлык какого-нибудь «Госторг... торг» – 1946 год. Ничего, размочишь, на противень и в печку (была у нас передвижная). Видать, мы обновили старые стратегические запасы.

Один раз без воды оказались в рейде, а была жара. Капельки делили, делили – кончились. Горло сухое, язык к небу прилипает и отодрать невозможно. Вертушка прилетела, воду сбросили и сказали, чтобы сразу много не пили, а то хуже будет, пить потихонечку. А где там потихонечку, захлебнуться можно, жажда такая.

Как-то нам передали, что разведчиков наших обстреляли. Мы выдвинулись туда – отделение на БМП, а там парнишку ранили, мы его с высоты снимали. У нас альпинистское снаряжение было в каждой машине, потому что мы по горам лазили. Но вот пользоваться им... Хорошо, что у нас в отделении оказался парень, который умел правильно кольцо сделать, страховку. Сняли, потом прочесали местность – нашли только гильзы, где снайпер сидел, и все. И опять тишина. Мы этого парня отвозили в Союз на машине.

Мы с Володей Палаумовым в одной части служили, в/ч 9878. Иногда сядем с ним, вспоминать начинаем. Например, «Батю», был у нас такой командир группы. Его нам дали в Ишкашима. Седой-седой такой майор. Офицеры его дедом звали. Такой мужик был справедливый. Солдат держал и никогда в обиду не давал. Он на дембель вместе с нами ушел. Классный мужик был.

1989 год. Вывод. Все сидели на чемоданах. В феврале получаем приказ: на три дня уехать, перекрыть дорогу. Там хребет такой. Мы разместились, поставили боевое охранение. Простояли три дня – тишина. Приказ – вернуться. Обратно

вернулись – части уже нет. Собрались и от Файзабада до Ишкашима – вдоль границы, проехали спокойно. Приехали, сдали машины.

Когда вышли, я съездил домой в отпуск, потом снова на заставу – Восточный Казахстан, Краснознаменный Восточный пограничный округ.

21 ноября 1989 года уволился в запас.

Игорь Владимирович Киселев родился в Свердловской области в поселке Баранчинский. Осенью 1986 года призван в армию.

Киселев Игорь: «Печальный факт в истории страны»

правлен в город Владивосток. Еще через два месяца был направлен на границу в спецподразделение ММГ, в Приморский край, Дальнереченск, где провел основной срок своей службы.

Известие о том, что придется нести службу в Афганистане, было полной неожиданностью. Во-первых, уже проходил вывод наших войск из Афганистана. Во-вторых, это был 1988 год, июль месяц, и наш призыв уже ждал приказ на увольнение из рядов Вооруженных Сил и, конечно, нас всех уже ждали осенью дома. Но как ни странно, несмотря на это, почти 100 % нашего подразделения согласились туда отправиться. Надо сказать, что в нашем подразделении перед отправкой в Афганистан не было ни одного новобранца, и никого из солдат, прослуживших меньше года. Мы все прошли очень хорошую боевую подготовку, так как на границе это имело большое значение.

Призван я был на Дальний Восток, где почти два года и пришлось мне отслужить в пограничных войсках.

Сначала я попал в школу сержантского состава ММГ (мотоманевренной группы), это под г. Хабаровском. Там нас готовили стать командирами БМП для дальнейшего прохождения службы именно в горячих точках. Спустя полгода, я успешно ее закончил и по распределению был на-

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Переброска в Афганистан происходила следующим образом: всю нашу технику БМП, БТР, автотранспорт переправили с Дальнего Востока в Таджикистан по главной дороге. Основной личный состав переправили самолетом. Там нас отвезли высоко в горы на одну из баз, где мы прошли месячную боевую подготовку и акклиматизацию, и после этого в первых числах сентября 1988 года нас переправили в район Московского погранотряда своим ходом в Афганистан.

Первое впечатление об Афганистане было удивление: дома выглядели как сараи, дети оборванные, грязные и босые, женщины все в чадрах на лице, вместо дорог какие-то тропы, все кишляки, какие мы проезжали, обнесены стенами (дувалы) и выглядели как средневековые крепости, ни одного вокруг признака цивилизации, впечатление полной нищеты. И под впечатлением вот этой полной нищеты мы проезжали в одном из кишлаков (г. Рустак) через базар. Здесь мы были удивлены еще больше: лавки ломились от товаров. Было все от носков и до компьютеров, хотя повсюду не было электроэнергии. И было совсем непонятно, продавалось это все или было выставлено просто напоказ.

В двух километрах от этого города и была расположена наша база. Входили мы в состав спецподразделения ММГ пограничных, находилась она 150 километров в глубину Афганистана от основной государственной границы. Основная задача наша была обеспечить безопасный вывод наших основных подразделений с территории Афганистана, а также обеспечение безопасности нашей границы, так как случаи нападения на заставы были не редкостью.

Находился я там в должности командира БМП, под моим командованием находились: БМП с экипажем и десантное отделение, куда входили: снайперы, гранатометчики, пулеметчики и три автоматчика. Вообще наша ММГ, куда входило до десяти БМП, 2 БТР, три минометных расчета и автотранспорт, была очень хорошо организована. Наши командиры уже имели боевой опыт в Республике Афганистан и знали многие особенности боевиков, а их уверенность в выполнении какой-либо задачи такой же уверенностью передавалась на нас.

Конкретно в боевых действиях нам пришлось участвовать дважды. Обстрелы нашей ММГ были, конечно, намного чаще.

В первый же день по прибытию нашей ММГ на базу мы были обстреляны снайперами, но с такого большого расстояния, что почти никто не слышал выстрелов, откуда велся по нам огонь, а только было слышно, где пролетают пули и куда попадают.

Только каким-то чудом из наших солдат никто не пострадал. Были другие случаи обстрела нашего подразделения. Как-то наблюдали бой двух банд моджахедов между собой (такое зрелище

наблюдали дважды), примерно в 2-х км от нас, но в особенностях

горной местности казалось,

что это происходило

почти рядом. Было

такое ощущение,

что мы смотрели

кино. Видно было

все: как перемещались моджахеды,

вели огонь из гранатометов, из мелко-

калиберных орудий.

Все это происходило

примерно час-полтора. Но

после того, как они разбежались каждый в свою сторону, мы были обстреляны длинными очередями из стрелкового оружия, после чего стреляющие сразу скрывались. Были и другие случаи обстрелов, но, к счастью, никто из наших ребят от них не пострадал.

Первая боевая стычка произошла под городом Рустаком, недалеко от нашей базы. Пришло сообщение, что на этот город готовится нападение. В городе находились бандформирования главаря Самада, с кем мы и поддерживали тесный контакт. Противником его в этой северной части Афганис-

тана была группировка моджахедов под командованием Башира по кличке «инженер» (он получил высшее образование в России, г. Москва).

Выехали мы на бронетехнике ночью под город, к месту вероятного нападения, к утру мы уже практически окопались, но в этот день ничего не случилось. Нападение произошло под утро следующего дня. Как потом выяснилось, это было даже не нападение, а отвлекающий маневр. Они сделали вид, что вступили с нами в бой, с большого расстояния вели по нам огонь из минометов и стрелкового оружия. Нам же приходилось отвечать на огонь только по вспышкам от стрельбы, самих же моджахедов видно не было. Основные же силы моджахеды Башира бросили с другой стороны города, что было неожиданно. Они провели несколько атак на город, но безуспешно. Моджахеды Самада справлялись с атаками. Так все продолжалось до рассвета. На рассвете были вызваны наши самолеты, которые нанесли сильный бомбовой удар по противнику, после чего им пришлось отойти. Со стороны моджахедов как с той, так и с другой были убитые и раненые, с нашей же стороны потерь не было.

Еще несколько дней мы находились под городом. После чего к нам пришли парламентарии от главаря Башира. Нам осталось неизвестно, о чем был разговор, но после этого все закончилось, и мы вернулись обратно на свою базу.

Надо сказать, что в той части Афганистана, где мы находились, не было войск, подчиняющихся центральной власти. Там вообще не было никакой власти. Было много племен, различных группировок, бандформирований, и все они подчинялись каким-то своим законам, обычаям.

У них постоянно происходили между собой боевые стычки по поводу и без повода. То делят территорию, то кто-то кого-то обидел из родственников. Кстати, родовая месть существует у них до сих пор, и не в меньшей степени, чем в средневековье.

Вооружение у них было обычное, в основном советские автоматы, а также минометы, у некоторых были легкие пушки, и даже мушкеты.

Как-то к нам пришли моджахеды из какого-то племени (это было зимой) просить у нас боеприпасы и сигнальные мины. Меня удивило их обмундирование. Было их трое. Старший – здоровенный, очень крепкого телосложения, выше двух метров ростом (я вообще людей до и после выше ростом не видал), в длинном халате, талия

обмотана широким поясом, с одной стороны за этим поясом кинжал, похожий больше на меч, с другой стороны револьвер, какой-то огромный, с очень длинным стволом. Вообще он был весь как из камня высечен. Но совсем другая была картинка других двух бойцов: среднего роста, худые, в рваных халатах, в каких-то калошах, забитых снегом, из которых торчали голые ноги почти до колена, как они не обмораживаются, оставалось только догадываться.

Проезжая как-то через один из кишлаков (название, к сожалению, не помню), нас встретило какое-то племя, они были вооружены полностью оружием Великой Отечественной войны: это и трехлинейки, автоматы ППШ, пулеметы, минометы. Глядя на них, конечно, мы про себя улыбнулись, выглядело это как-то нелепо.

О доброжелательности к нам со стороны афганцев не было и речи. Отношение к нам явно было нетерпимое, зачастую агрессивное, как со стороны различных группировок, так и мирных жителей. Другими словами, отношение к нам было как к оккупантам. Поэтому за какой-либо помощью к ним обращаться не было смысла, и мы вообще старались как можно реже входить с ними в контакты.

В северной части Афганистана мы выходили самыми последними. Выдвинулись мы со своей базы 13 февраля 1989 года с восходом солнца. Колонна получалась довольно большая.

Моя машина выдвинулась в головном дозоре, мне довелось одному из первых проходить через множество населенных пунктов (в этой части очень плотное население). Каждый раз люди выходили на улицы и по их лицам было видно, что у них в душе

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

настоящий праздник. Они не скрывали, что очень рады, что мы наконец покидаем их землю.

Проезжая мимо окраины одного из кишлаков, что-то нас насторожило. Если подъезжая к другим кишлакам нас встречало множество людей, то здесь не было ни одной живой души. Все были приведены в боевую готовность. Еще немного проехав, у меня сломалась БМП (что-то с двигателем). Мы пропустили через себя всю колонну. Была команда взять нас на буксир замыкающим колонну БМП. И вот, когда уже казалось, что тревога была напрасной, в то время, когда нашу машину брали на буксир, а основная колонна отошла, за это время на какое-то расстояние по нам был открыт огонь из гранатометов и стрелкового оружия. Гранатометчик успел сделать три выстрела, гранаты в цель не попали, но разорвались почти вплотную к нам. Оказалось не так просто сразу сориентироваться, откуда в горах ведется по тебе огонь. Первым обнаружил цель зам по боевой подготовке начальника заставы старший

ли еще несколько кишлаков, я уже ехал самым последним на буксире и был свидетелем того, как шиковали афганцы, когда мы выезжали из кишлака (за нами уже никого из советских войск не было). Они прыгали, бегали, кидали вверх чалмы, обнимали друг друга. У них был настоящий национальный праздник.

Наступал конец дня. Километрах в 20-ти от границы мы разбили лагерь для ночлега. Ночь прошла спокойно и ближе к обеду мы снова двинулись вперед и уже беспрепятственно переправились через реку Пяндж, где в брод, а где по мосту, и 14 февраля 1989 года в 16 часов мы были на советской территории.

Так закончилась моя служба в Афганистане. За время службы в Афганистане был награжден медалью «От афганского народа», медалью «70 лет Вооруженным силам», именными часами от коллегии КГБ, почетной грамотой Президиума Верховного Совета. Пожил еще чуть больше недели в подразделении, пришел приказ на увольнение,

почти вся наша застава была уволена в запас.

Вспоминания о тех событиях, мне трудно судить, зачем мы там находились. Мы вторглись в совершенно другую культуру. Как оказалось, они совсем в нашей помощи не нуждались и хотели, чтобы мы как можно скорей покинули их землю.

лейтенант Маймеров. У него на БМП прямо на башне стоял АГС. После двух коротких очередей цель была поражена. К этому времени и мы уже разобрались, откуда ведется огонь. Развернув туда свои пушки, из всего имеющегося стрелкового оружия открыли шквальный огонь. Мы стреляли по всему, что было хотя бы чуть-чуть подозрительным. Затем огонь был открыт по нам со стороны кишлака. К этому времени основная колонна уже была приведена в боевое положение и несколько залпов из орудий БМП (а их было около двух десятков) сделали по кишлаку. Окраины кишлака понесли немалые разрушения. Стрельба со стороны афганцев прекратилась. И в этот раз из наших солдат никто не пострадал. Со стороны же афганцев были убитые и раненные.

Дальше мы уже в этот день почти до самой границы доехали беспрепятственно. Мы проеха-

Понимая все это, остается только печалиться, что такой факт имел место в истории нашего государства.

Мне трудно сказать, как повлиял Афганистан на мою дальнейшую жизнь. Может, он мне помог стать более рассудительным, научил терпимости к людям, не таким, как, скажем, я.

В любом случае какой-то след в моей жизни Афганистан оставил, и след это все-таки больше в положительную сторону.

Крохин Александр:

«Домом была кабина автомобиля»

Александр Викторович Крохин родился 21 января 1969 года в городе Качканаре. Учился в школе № 6, закончил 8 классов. Далее продолжил учебу в СПТУ-92, закончил его по специальности машинист автомобильного крана. 8 ноября 1987 года призван в Советскую Армию. В настоящее время работает водителем.

После отправки из Качканара нас привезли на сборный пункт в Егоршино. Там отобрали тридцать человек и привезли в Свердловск на пересылку. В Свердловске из нас составили команду из 96 человек и увезли в аэропорт. Борта почему-то долго не давали, и нам пришлось жить в палатках двое суток. Как раз ударили морозы под -30°, грелись, как могли, кучковались у буржук и разговаривали. Вот там сержанты-покупатели нам и сказали, куда нас везут, и что все мы попадем в Афган.

Но сначала была учебка под городом Термезом в Узбекистане в автобате по специальности механик-водитель ГТ-МУ (гусеничный тягач малогабаритный универсальный), который предназначался для вывозки раненых из труднодоступных мест.

9 мая 1988 года мая нас загрузили по машинам, увезли в Какайты на аэродром. Там уже было много ребят нашего призыва, все после учебки. Переспали ночь. Утром прилетели три борта Ил-76, нас посадили в них и приземлились мы уже в Кабуле.

Первые впечатления это, конечно, горы, таких нигде не увидишь. Мысли посещали всякие, но особенно – что будет дальше. Тут же на аэродроме меня и еще человек десять (все мы были с водительскими правами) забрал капитан с артиллерийскими петлицами. Так я попал в артиллерийский полк. Около недели были сборы, потом нас разобрали по подразделениям. Я попал в РМО (рота материального обеспечения), полк находился на Теплом стане в Харахайне (это пригород Кабула).

Сначала я служил на ГАЗ-66 где-то месяц, участвовал в патрулях в Кабуле. Потом ГАЗ-66 списали, я получил новенький КамАЗ-4310. Стал ходить в колонне, ездили в основном в Хайратон. Этот город находится на границе с Союзом, возили разные грузы в полк. Со мной в машине ходил санитар-инструктор Сергей Кривохицкий. Так я стал водителем-санитаром.

Полк наш был боевой и участвовал во всех армейских операциях: конечно, без артиллерии на войне тугο. Дважды ходили на Пагман, Файзабад, Кундуз. Задача водителей на войне – это доставка боеприпасов и правильно вывести орудие на позиции, а остальное дело разведки. Она задавала координаты, а артиллерия обрабатывала эти участки. Служба у меня проходила в основном на трассе, так как я был водитель. А тактика духов строилась на засадах: поджидали слабоохраняемые колонны или одиночные машины без прикрытия, вот на них и нападали. Успехом считалось благополучно уйти из-под обстрела. Случались потери, не без этого.

Были друзья с роты своего призыва, с которыми вместе ходили в рейсы. Это хороший и веселый парень из Татарии Фаниль Галлиев, всегда спокойный и рассудительный Федор Краев из Краснодарского края, оба водили; Олег Прохоров, санинструктор из Московской области. Все свободное время проводили вместе, после армии первые годы переписывались.

Командиром полка у нас был полковник Лысенко, очень хороший человек, солдаты его очень уважали. Зампотех полка тоже был хороший мужик, частенько нам помогал в ремонте техники, если у нас что-то не получалось. Общался с нами по-свойски командир роты старший лейтенант

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Макаревич. Поговаривали даже, что он родственник известного певца. Из высокопоставленных военачальников никого не видел, хотя несколько раз был на территории штаба армии.

На базе бытовые условия у нас были нормальные, жили в модулях, спали на кроватях. Питание тоже было нормальное. Была и солдатская баня, но большую часть службы домом был моя кабина. Кружкой воды умудрялись голову помыть. Питание – сухпай. Парикмахерских вообще не было, сами друг друга стригли, в основном под ноль, боролись с бельевыми вшами, стирали х/б в бензине, кипятили, выжигали утюгом, они живучие, твари. Инфекционные болезни были – тиф, желтуха, малярия.

Контакты, с местным населением, конечно были, но с ними приходилась держать глаз остро. Если где-нибудь приходилось остановить машину, они как саранча слетались. Одни что-нибудь предлагают, другие что-нибудь спереть хотят, третьи солярку скачать, четвертые бакшиш (это по их – подарок) выпрашивают. Дикий народ.

Был такой случай перед самым выводом нашей части. Стояли мы на Баграмской развилке: это если ехать из Кабула, то одна дорога ведет на Баграм, а другая через Чарикар, Ошабаль на перевал Саланг. Недалеко был кишлак. Смотрим, вдалеке дух что-то тащит. Позвали офицера, тот в бинокль, разглядел, говорит, что тянет ЭР-ЭС (реактивный снаряд, запускается он от простой батарейки). На нас тащил. Сделали вылазку, дух отбросил ношу и смылся. ЭР-ЭС подорвали. Вскоре стемнело. Приехали три САУ-3, и давай обрабатывать кишлак. Мы выставили посты, а свободные легли отдыхать, машины были у нас укрыты

за дувалом, груженные были боеприпасами. «Саушки» почти всю ночь обстреливали кишлак. Наутро команда «Подъем», начали собираться. Мой друг Фаниль Галлиев кричит: «Ребята, смотрите!» Примерно в метре под его машиной в дувале зияла ромашка от ЭР-ЭС, а он был гружен 120 мм минами. Повезло.

Служба в Афганистане для меня закончилась 13 февраля 1989 г. В 12.30 мы прошли мост Дружбы и вышли в Союз. Остаток службы дослуживал на Украина в г. Ужгород в мотострелковой части.

Афганистан всегда будет жить в моей памяти. В такие даты как 15 февраля «День вывода войск из Афганистана» и 2 августа «День ВДВ» собираемся все вместе с ребятами, афганцами, чеченцами у памятника. Ездим на кладбище, поминаем земляков погибших. Спасибо бывшему мэру города Качканара Сухомлину за помощь в установке «мемориала» в парке. Сейчас многие правители с экрана телевизора кричат, что мы позорно проиграли эту войну, а я считаю, что это не так, мы честно выполнили свой интернациональный долг.

Хинкин Вадим:

«Я выполнял приказ»

Вадим Владимирович Хинкин родился 30 декабря 1968 года в городе Качканаре. Закончил 8 классов в школе № 3. В СПТУ № 87 получил профессию электросварщика. В 1988 – 1989 годах служил в Вооруженных силах. После армии работал на заводе ЖБИ «Запсибнефтехстрой», в настоящее время в цехе «Порамит» Качканарского ГОКа.

году работала в полную мощь – и, как настоящий солдат, он не раздумывая сел с товарищами на борт самолета.

Приземлились в Кабуле. Две недели адаптации к непростому климату – днем жара, а ночью можно замерзнуть от холода, – и началась у Хинкина настоящая служба.

Шел девятый год пребывания ОКСВА (Ограниченный Контингент Советских Войск в Афганистане). Девятый год до сих пор непонятной войны. Душманы, или духи, уже были вполне грамотными противниками. Умению воевать их

Вадим попал служить в Афганистан сознательно: в учебке молодых призывников известили о месте прохождения службы, и в принципе, от этого «горячего» места можно было отказаться. В ту пору Вадиму минуло всего 18 лет, государственная идеологическая машина в 1988-м

учили специально приглашенные иностранные специалисты. Одного такого «учителя» довелось увидеть и Вадиму, который служил десантником-гранатометчиком в разведке. Со своими боевыми товарищами он на несколько километров уходил в четырехдневные засады. По словам Вадима, в бою первая реакция – шок. Молодые солдаты в полубессознательном состоянии действовали автоматически. Мозг сам включал защитную систему организма, помогая человеку выжить и не сойти с ума. Вадим служил в последней партии ОКСВА. До вывода войск из Афганистана оставалось полгода, и потери никому не были нужны. Но боевую медаль «За боевые заслуги» Хинкин заслужить успел. За что и как это случилось, рассказывать не стал: «Никаких героических подвигов не было», – хотя в то же время признает, что большинство его сослуживцев никаких медалей не получили.

Зашел разговор о сослуживцах – и Вадим вспомнил, как в поезде случайно встретился со своим бывшим «дедушкой» (солдатом старшего призыва), и какая эта встреча была неожиданно теплой. «Там совсем другие отношения», – вскользь поясняет он мне. В Афгане молодых солдат не обижали, а учили. Солдаты старшего призыва не давали им высовываться: «Навоюетесь еще...» Отцы-командиры были разными, но про своего ротного Хинкин отзывается с уважением: «Настоящий мужик. Если батя пришел – ух!..»

Помнит Вадим и тот сухпак, которым приходилось постоянно питаться, и тот неистребимый, своеобразный запах сухой, нарезанной ломтиками

ми, картошки. Про положенные на войне наркомовские 100 грамм отрицает:

– Нет, ничего такого не было. Абсолютно трезвый образ жизни, даже в Новый год.

– А как же снимали стресс? Ведь, наверное, было страшно?

– Есть друзья, с которыми можно поговорить, – вот и вся стрессотерапия. А кому не страшно? Война – это страшно. Тогда мне было 18–19 лет,

сейчас 36, и понятия немного другие. Если бы это случилось сейчас – ни за что не пошел бы воевать. Для чего все это было? Незачем.

Когда в феврале начали выводить войска, мы стояли на границе, под Термезом. Пробыли там еще три месяца, а когда прилетели в Союз, помню, был поздний вечер. Я вышел из самолета, и даже не верится, честное слово.

Последние месяцы дослуживал Хинкин на Украине. В августе 89-го ему дали краткосрочный отпуск из-за болезни отца, и уже тут, в Качканаре, Вадима вызвали в военкомат и наспех вручили медаль.

После демобилизации он пошел сварщиком в ЖБИ, где отработал почти десять лет. Из-за шаткого положения предприятия пришлось сменить место работы, и вот уже шесть лет Хинкин работает в цехе по производству эмульсионных взрывчатых веществ. Здесь его ценят: в 2003 году руководство комбината наградило сварщика В. Хинкина грамотой.

– Вадим, Вы считаете себя защитником Отечества?

– Наверное, да. Я давал присягу и выполнял приказ.

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Послесловие

*Вот поднялся наш лайнер, мы вышли в зенит,
Жизнь и смерть – мы раздвинули грани!
Только тело на север, на север летит,
А душа остается в Афгане.*

А. Карпенко

Конец 1982 года, ротная палатка. Мы сидим у горячей печки, на улице ночь. Греем руки, травим байки, и в итоге разговор как обычно переходит к воспоминаниям о доме. Кто-то из ребят сказал: «Когда мы вернемся домой...» – «Живыми или мертвыми», – добавил другой со смешком, и в тот момент мы все поддержали его общим смехом, а потом замолчали, как бы осознав всю глубину открывшейся жесткой правды. Самое страшное это то, что мы – восемнадцатилетние не верили в свою смерть. Рядом гибли наши товарищи, а мы до безумия верили, что будем жить долго и счастливо. Да, мы все вернулись, и живые, и мертвые, мы все дома.

«Воевавшие дети не воевавших отцов», – фраза 80-х годов, когда массово стали приходить из Афганистана двадцатилетние ветераны.

Приходили загорелые и возмужавшие, но, главное, приходили другими. Родные по-новому начинали привыкать к нам. К нашим бессвязным ночным бормотаниям, вскакивающим с постели от первого прикосновения, к песням о той войне и большой категоричности в суждениях. Черное и белое, друг или враг – другого не дано, да и не могло быть, так как ставка ошибки – жизнь.

Страна жила своей спокойной мирной жизнью, а мы хотя и знали о том, что здесь мир, никак не могли привыкнуть к этому. Поэтому неосознанно реагировали на недобрый взгляд, на гром-

кий автомобильный выхлоп, либо на необдуманно брошенную фразу.

И, что самое удивительное, подспудно хотели вернуться обратно, туда, где все понятно, где есть ощущение своей нужности и знание того, что от твоих действий зависит жизнь многих.

Кто-то из нас до сих пор живет той войной. Не найдя своего места в мирной жизни, а может просто не приложив достаточных усилий, они все еще там, за Речкой. Один замкнулся и ушел в себя, а другой спился, и, размазывая грязные слюны, плачет о всеобщем непонимании. Сука Война.

Мы мерзли в горах, голодали, отстреливались до последнего патрона и защищали грудью своих товарищей. Измотанные и обветренные, мы возвращались с боевых с чувством, что, несмотря ни на что, задание выполнено. Вчерашние пацаны вели машины с грузом по самой кромке горных дорог, садили вертолеты там, где даже человеку трудно стоять, и лезли в такие горы, где сильная разряженность воздуха выворачивала легкие наизнанку.

В ежедневных телевизионных сводках это называлось просто – выполнение интернационального долга.

Родина приняла нас такими, какими мы стали. Родина – это не те, за Кремлевской стеной, кто развязал эту войну. И Родина – это не те, кто позволил бросать грязь в лица солдат, честно и до конца выполнивших свой интернациональный долг.

Родина – это, в первую очередь, родные и близкие друзья. И обшарпанная скамья у подъезда, и залистый лай на два года постаревшей соседской собаки. И скорбный взгляд седых мам наших погибших товарищей, все понимающий и всепрощающий.

И мы благодарны всем им за любовь и поддержку. Благодарны тем девчонкам, кто решил связать с нами свою судьбу и нарожавшим нам детей, чей лепет заставил оттаять наши души.

Мы вернулись домой.

Время стирает лица друзей, даты и события. Но порой в потоке жизни всплывают горы, в которые лезли из последних сил, заснеженные зимние перевалы, где мы согревали друг друга теплом своих тел, и жаркий Джелалабад, и непокорный Панджшер, и мост Дружбы через Амударью 1989 года.

Время лечит, но Афганистан живет в наших душах.

Д. Порываев

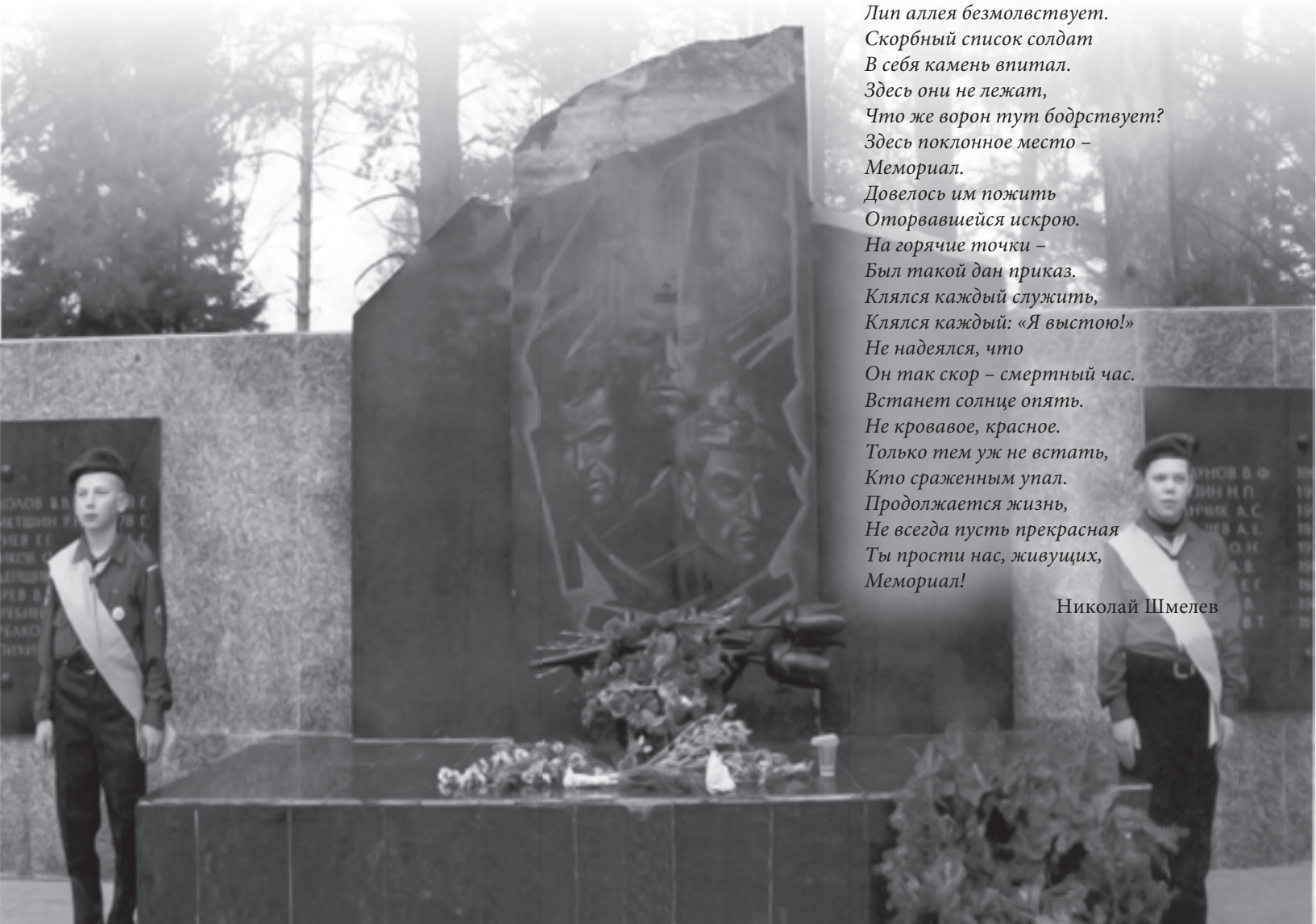

Горит звезда над городом Кабулом Горит звезда печальная моя...

Мемориал

*Сосны тихо стоят,
Лип аллея безмолвствует.
Скорбный список солдат
В себя камень впитал.
Здесь они не лежат,
Что же ворон тут бодрствует?
Здесь поклонное место –
Мемориал.
Довелось им пожить
Оторвавшейся искрою.
На горячие точки –
Был такой дан приказ.
Клялся каждый служить,
Клялся каждый: «Я выстою!»
Не надеялся, что
Он так скор – смертный час.
Встанет солнце опять.
Не кровавое, красное.
Только тем уж не встать,
Кто сраженным упал.
Продолжается жизнь,
Не всегда пусть прекрасная
Ты прости нас, живущих,
Мемориал!*

Николай Шмелев

Вепрев Владимир:

Владимир Александрович Вепрев родился 6 апреля 1965 года в поселке Березовка Кунгурского района Пермской области.

Окончил восемь классов в городе Качканаре и СПТУ № 92. Работал в монтажном управлении «Уралдомноремонт».

9 октября 1983 года призван в армию. С февраля 1984 года служил в Афганистане. 23 августа 1984 года в составе роты выполнял боевую задачу по прочесыванию «зеленой зоны» в уезде Пагман (провинция Кабул). Рота попала под сильный огонь противника. Рядовой Вепрев отважно сражался, лично уничтожив нескольких душманов.

В этом бою он погиб. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

*Пули рвут отступающий день
Задевая осколками нас
Даже эхом предсмертный наш крик
Прикрывает ушедший спецназ.*

Ладейщиков Михаил:

Михаил Анатольевич Ладейщиков родился 9 февраля 1964 года в селе Богородск Пермской области. Закончил 8 классов Валериановской средней школы г. Качканара и Свердловское ГПТУ № 66. Работал автослесарем на Качканарском автопредприятии № 5.

В апреле 1982 года призван в Вооруженные Силы. С октября 1982 года – служба в Афганистане, сначала 357-м гвардейском парашютно-десантном полку, затем в 350-м полку.

20 марта 1984 года в время боя рядовой М. Ладейщиков погиб, прикрыв собой командира взвода.

Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

*За оградой две гранитные плиты:
Два сынка ушли, чтоб не вернуться.
А у дома две черемухи в цвету
На ветру качаются и гнутся.*

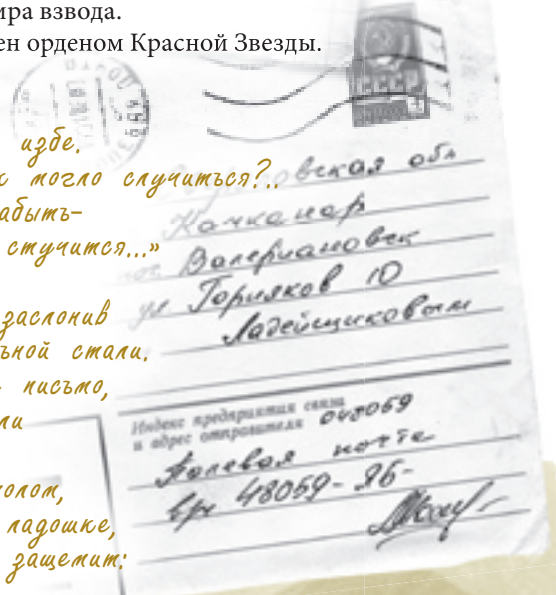
*Дом осиротел без сыновей,
Женщина седая у окошка.
«Мама, ты прелег, уже темно»
«Нет, я посижу еще немножко»*

*И опять, уже в который раз
Фотографии перебирая,
Смотрит на безусых, на солдат,
Сыновей своих в них узнавая*

*Холодно в камуфлетной избе.
«Мальчик мой, ну как могло случиться?...»
«Не успела первенца забыть»
«А беда опять в окно стучится...»*

*Он рванулся, грудью заслонив
Командира от смертельной стали,
Вновь пришло казенное письмо,
Волосы еще белее стали*

*Женщина седая за столом,
Письмечко, зажатое в ладошке,
Стук ворот и сердце зашевелит:
«Может, сын?...»
И вновь глядит в окошко.*

Нуриев Гаптельбар:

Гаптельбар Габделхаевич Нуриев родился 9 июня 1959 года в городе Гремячинске Пермской области.

17 апреля 1979 года призван в ряды Вооруженных Сил. С декабря 1979 года – служба в Афганистане. Награжден медалью «За боевые заслуги».

12 марта 1981 года «в районе населенного пункта Махмудраки под сильным огнем противника гвардии старший сержант Нуриев, умело командуя вверенным подразделением, занял оборону и прикрыв вынос раненых товарищей. В бою был смертельно ранен...»

Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Куликов Олег:

Олег Павлович Куликов родился 1 июня 1964 года в Качканаре.

В 1978 году закончил восьмилетнюю школу № 5 и СПТУ № 87 по специальности электрослесаря по ремонту горного оборудования.

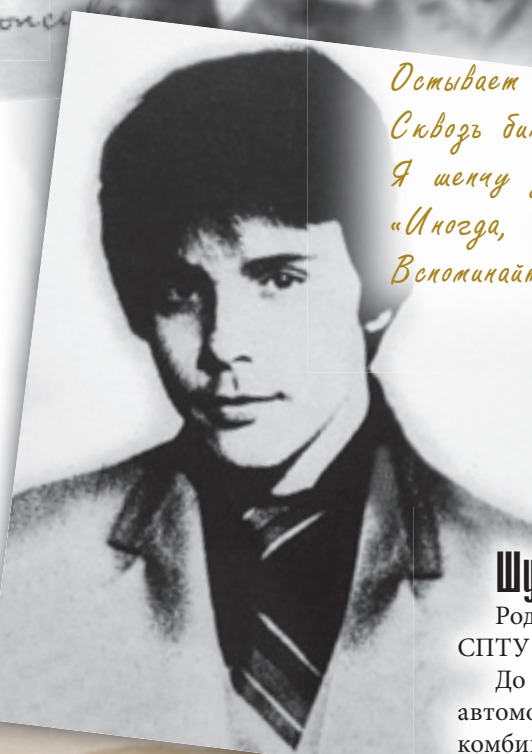
Работал на Качканарском горно-обогатительном комбинате.

В октябре 1982 года призван на военную службу в воздушно-десантные войска. В Афганистане нес службу с апреля 1983 года в составе 357-го гвардейского парашютно-десантного полка.

Умер 2 августа 1983 года.

*Медсанбата тревожная зыбь.
Как в бою, выполняя приказ,
Мы стараемся тише кричать,
Чтобы смерть не услышала
Нас.*

*Остывает от боя гранит
Сквозь бикты окаленного дня,
Я шепчу уходящим бойцам:
«Иногда,
Вспоминайте меня...»*

Шумихин Евгений:

Родился 30 октября 1964 г. в Пермской области. Учился в Качканарском СПТУ № 87 с 1 сентября 1980 года по 20 июля 1983 года.

До призыва в ряды Советской Армии работал слесарем по ремонту автомобилей в автотракторном цехе Качканарского горно-обогатительного комбината до 2 сентября 1983 года. Погиб в Афганистане 12 сентября 1984 года.

Похоронен в Пермской области.

Годы спустя...

Вагранскіе запіскі

1979-1989

ԳՐԱՆՔԱԷ ՀԱՐԱՇՈՒՄ

1979-1989

ԿՐԴԱՆՏԻՔԷ ՀԱՐԱՇՈՒՄԻ

1979-1989

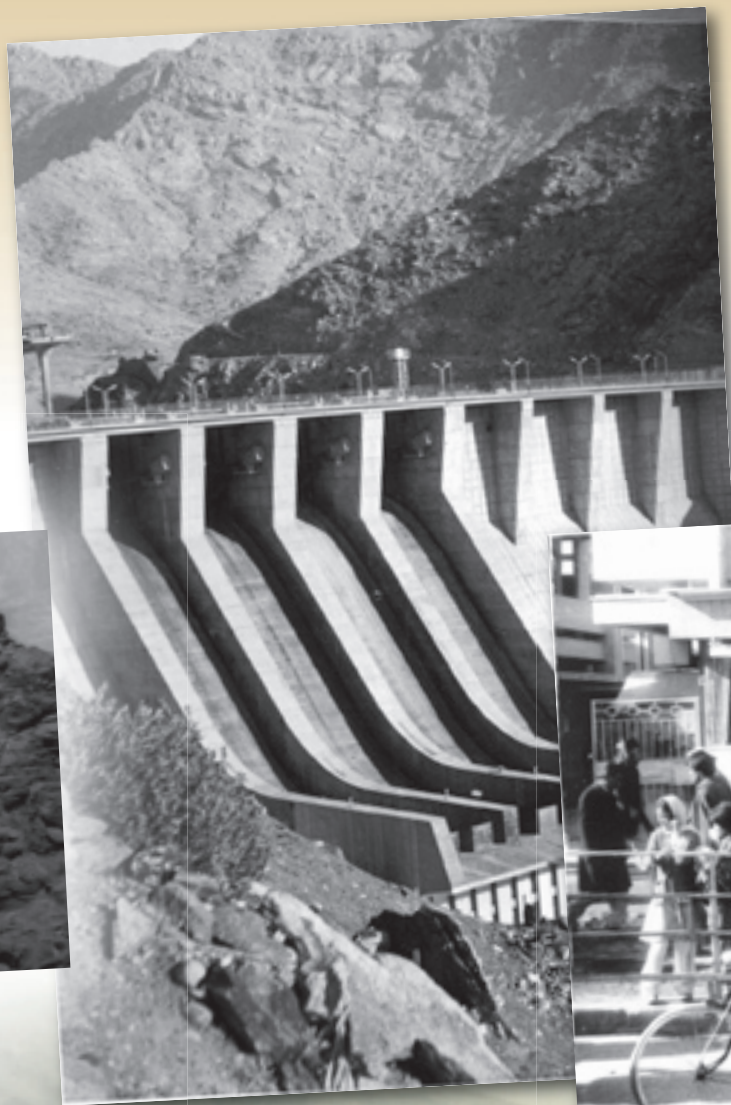

ағраһсһуе Һарһсһһу

1979-1989

Содержание

1979

Кучерявый А.А. «Без сожаления оглядываюсь на пройденный путь»	6
Петухов Михаил «Много раз можно было погибнуть»	8
Ташлыков Николай «Спали прямо на земле»	8
Хмелев Александр «Наводил пусковые установки»	9

1980

Немыкин Сергей «В БТРе жил полтора года»	12
Рохманюк Сергей «Этот кусок жизни прожит не зря»	17
Шевченко Александр «За баранкой всю службу»	14

1981

Жеребцов Анатолий «Эта работа была по мне»	16
Рыжков Игорь «Не представляю свою жизнь без службы в Афганистане»	17
Смирнов Сергей «Служил там, куда страна отправила»	18
Авдотин Леонид «Самые яркие годы»	20
Воронин Олег «Мы, саперы, шли впереди»	21
Высотин Эдуард «Армия парням нужна, но война не нужна никому»	23
Ковалев Дмитрий «Мне повезло, что там оказался»	26
Климин Анатолий «Натворим делов и убегаем»	27

Лабухин Михаил «Опыт приходил в процессе войны»	29
Ломакин Андрей «Считаю, что это судьба»	31
Марамыгин Павел «Афганистан воспринимаю как должное»	32
Порываев Дмитрий «Я вспоминаю утренний Кабул»	33
Плотников Геннадий «Раз живой – значит нормально»	37
Смирнов Валерий «Мы, разведчики, должны засечь»	38
Белоусов Владимир «Солдаты честно служили»	40
Дерышев Олег «В то время «полтинника» боялись»	41
Дятлов Олег «В Афганистане отметил три Новых года»	45
Петр Евстратов «Строили мосты, ремонтировали дороги»	46
Ковальчук Александр «Для чего все это было?»	47
Просыпкин Александр «Наше дело – снять мины»	48
Утузов Леонид «Вернулось бы то время – снова поехал»	49

1984

Бастраков Михаил «Анава, 1363–1365»	52
Ивукин Сергей «В Афгане мы быстро выросли»	53
Ишкиреев Игорь «Первая операция – самая тяжелая»	55
Костяев Сергей «Однажды уехали в Пакистан»	56
Кочкарев Юрий «Свою задачу мы выполнили»	57
Кудряшов Владимир «Друзей таких не найти!»	59

Содержание

Малов Юрий «Мечтаю побывать там, где служил»	60
Серебренников Олег «Убили главаря банды»	61
Халин Валерий «Собирали и классифицировали оружие»	62

1985

Абрамов Сергей «История, которую из жизни не выкинешь»	64
Новоселов Петр «Контраст между отсталостью и современностью»	67
Шальнов Сергей «Афган – это жизнь»	68
Яблоков Владимир «Нас просили о помощи»	72

1986

Андреев Евгений «Саперы, вперед!»	76
Белоусов Михаил «Службу несли от и до»	79
Колобков Олег «Я – снайпер»	81
Мосный Борис «Так и воевали»	84
Палаумов Владимир «У нас был маленький военный коммунизм»	86
Полуляхов Александр «Тащил службу как многие»	88
Раткевич Лев «ВДВ – школа мужества»	95
Титовец Владимир «На шестой заставе прослужил до дембеля»	98
Черноскутов Олег «Куда деваться? Будем служить!»	100

1987

Апатенко Александр «Афганистан вспоминаю с грустью и печалью»	102
Комаров Евгений «Афганистан даже пахнет по-другому»	104
Макаровец Олег «Мы обеспечивали вывод»	105
Федечкин Владимир «Амударья – река вредная»	109
Хан Олег «Афганистан – долг перед Родиной»	111
Шарипов Мансур «Мы поддерживали в исправности авиационную технику»	113

1988

Бородин Лев «Служил в разведке»	116
Бабкин Андрей «Были успехи и поражения»	117
Зотин Эдуард «Войска пограничные, а форма общевойсковая»	117
Киселев Игорь «Печальный факт в истории страны»	119
Крохин Александр «Домом была кабина автомобиля»	123
Хинкин Вадим «Я выполнял приказ»	124
Послесловие	126

ФОТОАЛЬБОМ

«Горит звезда над город Кабулом, горит звезда печальная моя...»	127-129
«Годы спустя»	130-131
«Афганские зарисовки»	132-139

АФГАНИСТАН ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ...
(воспоминания качканарцев – участников Афганской войны)

Автор составитель:

Титовец М.И.

Ответственный за выпуск:

Порываев Д.П.

Технический редактор:

Мирошкина Е.В.

Дизайн, компьютерная верстка:

Худяков А.С.

Корректор:

Жигалова Т.В.

*При подготовке издания использованы документы и фотоматериалы
из личных архивов ветеранов Афганской войны*

Подписано в печать 31.01.2007
Формат 60х90/8. Бумага мелованная 130 г/м
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 9,0. Тираж 250 экз. Заказ №195

ООО «Издательство «Раритет»
620078 г. Екатеринбург, ул. Чаадаева, 4-51
Тел./факс +7 (343) 374-72-87
Директор Погорелов С.С.